

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

Чжан Хуэйчжэнь

**РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА АНТОНА ЧЕХОВА
В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Специальность: 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской
Федерации

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
д.ф.н., профессор Мескин В.А.

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Эволюция восприятия чеховского творчества в Китае	13
1.1. Чеховедение в Китае нового и новейшего времени	13
1.2. Практика переводов А. Чехова на китайский язык	36
Глава 2. А. Чехов и китайская литература: связи генетические и типологические	49
2.1. А. Чехов и китайская литература нового времени	49
2.2. А. Чехов и китайская литература новейшего времени.....	85
Глава 3. Творчество А. Чехова в свете китайского мировидения	118
3.1. Чеховское миропонимание и древнекитайская философия.....	118
3.2. Спонтанное проявление конфуцианства в творчестве А. Чехова	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	157

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Антона Павловича Чехова оказало и оказывает ощутимое влияние на мировой литературный процесс. Китайская аудитория его читает, у него учится. Восприятие Чехова в Поднебесной имеет свою непростую историю.

Влияние творчества Чехова на китайских писателей нового и новейшего времени идентично влиянию этого мастера слова на всех российских и зарубежных писателей. Оно прослеживается в сознательном заимствовании чеховской краткости, объективности повествования, в амбивалентном изображении «маленького человека», в разоблачении рабской психологии, пошлости, взаимонепонимания, в приятии юмора, граничащего с сатирой и наоборот – сатиры, граничащей с юмором, в перенимании чеховского гуманизма и т. д. Изучение заимствования тематики, проблематики, стилистических приемов требует анализа творчества конкретных авторов, их поэтики. Особое внимание в настоящей работе уделяется выявлению явного генетического и скрытого типологического родства прозы чеховской и прозы китайской. Естественно, рецепция творчества Чехова имеет, как доказывается в работе, китайскую специфику, при этом немало разнообразит литературу страны.

Актуальность настоящей работы связана с активным культурным сотрудничеством России и Китая, с непреходящим интересом литературоведения к проблемам взаимосвязей национальных литератур, конкретно – к выявлению художественных связей творчества Антона Чехова и китайских литераторов, с интересом к вопросам восприятия иностранной аудиторией творчества русского писателя-классика, его адаптации в культурном пространстве Китая.

Степень научной разработанности темы. Повышенное внимание к творчеству Чехова в Китае возникло в конце 1920-х годов. Тогда, сначала редко, а потом чаще стали выходить критические и литературоведческие статьи, посвященные своеобразию чеховского творчества, еще позже стали появляться статьи, в которых сочинения Чехова стали сравнивать с сочинениями китайских прозаиков. В ряду последних можно указать такие вызвавшие интерес публикации,

как «Лу Синь и Чехов» Чжао Цзиншэня и «Чехов на востоке» Го Можо. Интерес ученых к проблемам сравнительно-сопоставительного изучения, с небольшими перерывами по объективным причинам, возрастал все последующие годы, особенно начиная с 1980-х годов, и продолжает возрастать в наше время.

Среди особенно заметных современных работ по творчеству русского мастера стоит монография Лю Янь под названием «Чехов и современная китайская литература»¹. Исследовательница анализирует основные направления чеховедения в Китае, приводит примеры заимствования, по ее выражению, чеховского реализма, лиризма, сатиры. Другие монографии также способствовали развитию чеховедения в Китае, например, «Чехов» Чжу Исэня, «О Чехове» Дун Даомина, «Многозначность в художественном мире Чехова» Сюй Лэ, «Сложность мысли и легкость техники: Гоголь и Чехов» Лянь Лили, Ву Вэйсян².

Антон Чехов основательно вписан в китайскую словесность, в китайское литературоведение. Однако нельзя сказать, что в работах на эту тему нет недостатков. Это, прежде всего, все еще зачастую сохраняющийся утрированный социологический подход в трактовке и анализе чеховских произведений, отсутствие должного внимания к чеховскому художественному методу. Также нередко наблюдается однозначное причисление всех его произведений к реализму. Несмотря на значительное количество работ, посвященных рецепции чеховской прозы в китайской словесности, исследование этой темы не завершено. Не все работы отличаются научной глубиной, немало повторов ранее сказанного, преобладает обращение к плану содержания, к тематике, причем, случается, в

¹ Лю Янь. Чехов и современная китайская литература. – Шанхай: Издательство Шанхайской академии общественных наук, 2006. – 309 с. 刘研. 契诃夫与中国现代文学. 上海社会科学院出版社, 2006. 309 页.

² Чжу Исэнь. Чехов. – Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета, 2006. – 278 с. 朱逸森. 契诃夫. 上海: 华东师范大学出版社, 2006. 278 页.; Дун Даомин. О Чехове. – Пекин: Книжный магазин Сяньчжуан, 2014. – 195 с. 董道明. 论契诃夫. 北京: 线装书局, 2014. 195 页.; Сюй Лэ. Многозначность в художественном мире Чехова. Издательство общественных наук Китая, 2015. – 290 с. 徐乐. 雾里看花: 契诃夫文本世界的多重意义探析. 北京: 中国社会科学出版社, 2015. 290 页.; Лянь Лили, Ву Вэйсян. Сложность мысли и легкость техники: Гоголь и Чехов. – Пекин: Издательство Чжигун, 2018. – 192 с. 连丽丽, 吴维香. 北京: 中国致公出版社, 2018. 192 页.

вульгарно-социологической трактовке. Известно, Чехов старался избегать политики, он был, преимущественно, писатель «надвременный».

Недостатки чеховедения в Китае, естественно, сказываются на рецепции произведений писателя в стране. Под рецепцией понимаются перевод, интерпретация, влияние как ключевое понятие в сравнительном литературоведении. Преимущественное внимание исследователи уделяли, подчас и сейчас уделяют, связям генетического порядка, тогда как связи типологические затрагиваются недостаточно основательно. При этом недостаточно внимания уделяется теоретическим работам о сравнительном литературоведении А. Веселовского и В. Жирмунского³.

Новизна исследования заключается в комплексном и системном подходе к теме рецепции А. Чехова в Китае.

Выявлено, что исследователи-предшественники затрагивали в основном лишь внешние наглядные проявления влияния творчества А. Чехова на китайских прозаиков.

Доказано, что существенное влияние А. Чехова просматривается по линии генетических и типологических связей в свете теории взаимодействия литератур, заложенной А. Веселовским и продолженной В. Жирмунским.

Рассмотрено большое число конкретных творческих переключек китайских прозаиков разных поколений с русским предшественником-классиком в аспекте и дифференциации генетических и типологических связей.

Обоснованы не только социально-исторические, но и ментальные причины непреходящего интереса рядовых китайских читателей и профессиональных литераторов к наследию А. Чехова.

Выявлена спонтанная близость особенностей мировидения, этических установок А. Чехова, отчетливо заявленных в его эпистолярном и художественном наследии, особенностям мировидения, этическим установкам конфуцианства.

³ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 404 с.; Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. – 479 с.

В наглядных условиях происходящей глобализации искусства показано возрастание межкультурного взаимодействия России и Китая, особенно очевидное начиная с третьей трети прошлого века. Объективно работа способствует дальнейшему развитию и углублению взаимопонимания народов двух соседних стран.

Объектом исследования являются произведения Чехова («Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Хамелеон», «Тоска», «Ванька», «Событие», «Враги», «Степь», «Именины», «Княгиня», «Припадок», «Скучная история», «Гусев», «Палата № 6», «Скрипка Ротшильда», «Учитель словесности», «Черный монах», «Дом с мезонином», «Моя жизнь», «Человек в футляре», «Крыжовник», «Случай из практики», «По делам службы», «В овраге», «Архиерей», «Невеста» и т. д.) и китайских писателей, испытавших влияние русского мастера («Записки сумасшедшего», «Родина», «Кролики и кошка», «Моление о счастье» Лу Синя, «Друг», «А Фэн», «Тяжелый груз печали», «Рис» Е Шэнтао, «После выпивки», «До свидания», «Праздник середины осени», «Цветочный храм», «Братья» Лин Шухуа, «Муж», «Сяосяо», «Цяосю и Дуншэн» Шэнь Цунвэня, «Палата № 4», «Холодная ночь» Ба Цзиня, «Лао Лу», «Смерть лебедя», «Роса», «Тетя Сюэ» Ван Цзэнци, «Двоюродная сестра», «Чалый», «Грезы о море», «Глубины озера» Ван Мэна, «Любовь не забывается», «Покаяние», «Габаритные огни», «Прелесть сновидений» Чжан Цзе, «Бесовская сила вина», «Толстый и тонкий», «Два врача», «Баркарола» Фэн Цзицяя).

Предметом исследования является рецепция творчества Чехова (отражение, преломление чеховских художественных приемов, образов героев, тем и мотивов) в произведениях китайских писателей.

Материалом исследования послужили труды российских и китайских литературоведов за последнее столетие, посвященные творчеству Чехова и китайских литераторов. В диссертации рассматриваются переписка, дневниковые записи Чехова, анализируются литературоведческие работы, публикации биографического порядка, изданные как в России, так и в Китае. Обнаружение типологически родственных, в плане мировидения, связей между чеховским

мировидением и конфуцианством потребовало обращения к Библии и главной книге древнекитайского учения «Лунь юй», обращения к научным публикациям, рассматривающим христианство и конфуцианство в сравнительном аспекте.

Цель работы заключается в выявлении граней рецепции творчества А. Чехова в китайской литературе, а также в раскрытии исторических и ментальных причин, обусловивших непреходящий интерес китайской аудитории к чеховскому наследию.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- возможно полно проанализировать прозу, эпистолярное наследие Чехова и публикации о его творчестве в России и Китае;
- определить наиболее существенные тенденции в развитии и эволюции чеховедения в Китае на фоне происходивших исторических и культурных событий;
- рассмотреть своеобразие переводческой практики и ход распространения чеховских сочинений в Китае;
- выявить генетические и типологические связи творчества Антона Чехова и таких известных писателей новой и новейшей китайской словесности, как Лу Синь, Е Шэнтао, Лин Шухуа, Шэнь Цунвэнь, Ба Цзинь, Ван Цзэнци, Ван Мэн, Чжан Цзе, Фэн Цицай;
- обозреть творчество Чехова через призму конфуцианства – для объяснения причин особой популярности русского писателя в Китае.

Методологическую базу диссертации составили научные труды сравнительного литературоведения А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, фундаментальные исследования в области чеховедения – работы прошлых и современных российских литературоведов – Г.П. Бердникова, Л.Е. Кройчика, А.П. Чудакова, В.Б. Катаева, И.Н. Сухих, А.Д. Степанова. Положения исследования также опираются на китайские научные источники, на работы по истории китайской словесности – Чжэн Чжэньдуо, Фэн Шоуцзю, Чжэн Фанцзе, Чэнь Пинъюаня, Чэнь Сюэюна, Ван Циншэна, Тянь Чжунъяна, Чжан Цзюня, по рецепции русской литературы в Китае – Чжи Ляна, Го Баоцюаня, Ча Сяоянь, Ван Фужэня, по творчеству Антона Чехова – Ба Цзиня, Чжу Исэня, Лю Янь,

Дун Даомина, Сюй Лэ, по философии Ду Вэймина, Мэн Пэйюаня, Фэн Юланя, Цянь Му, Хуан Юйшуня, Тянь Вэй.

Цель и задачи настоящей работы обусловили ее **методологию**: использование комплексного подхода, включающего в себя элементы биографического, культурно-исторического, историко-генетического, сравнительно-типологического, интертекстуального методов, использование статистического анализа. В отдельных случаях применяется междисциплинарный подход: произведения рассматривались не только с позиций литературоведения, но и с точки зрения культурологии, философии, лингвистики.

Теоретическая значимость работы заключается в возможности применения принципов и методологии данного исследования в изучении рецепции других художников слова китайской научной и читательской аудиторией; в дополнении существовавших представлений о восприятии творчества Чехова в китайском литературоведении и китайской литературе; в выявлении особенностей чеховедения в Китае и совокупности факторов, определяющих направление интерпретации чеховской прозы в Китае; в аналитическом исследовании конкретного влияния мастерства русского писателя на конкретных китайских прозаиков, генетических и типологических переключек между чеховской и их прозой. Рецепция Чехова в словесности Китая исследуется в настоящей работе параллельно с возможно глубоким изучением «переключек» творчества Чехова и творчества китайских прозаиков. Отдельное внимание уделяется изучению причин особой популярности Чехова в Китае, как результат этого предлагается гипотеза этического порядка. Таким образом диссертация направлена на восполнение некоторых пробелов в китайском чеховедении.

Результаты исследования имеют **научно-практическое значение** в контексте дальнейших исследований творчества Чехова, изучения истории восприятия его мастерства за рубежом, рассмотрения воздействия русской классики, ее тематики, проблематики, поэтики, эстетики на новейшую китайскую словесность. Результаты могут найти применение в практике сравнительно-сопоставительного литературоведения, в преподавании русской литературы и

конкретно изучении произведений А. П. Чехова в учебных заведениях Китая, в написании учебников и учебно-методических пособий.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Творчество Антона Павловича Чехова, с первых его переводов в 1907 году, стало обретать популярность в Китае. Восприятие писателя в стране в условиях социально-политических и культурных преобразований во все времена популярности имело китайскую специфику, в частности, отличалось нелинейностью, в новое время – излишней политизацией писателя, если не аполитичного, то сознательно сторонившегося политики.

2. В последние десятилетия наблюдаются положительные тенденции в чеховедении Китая, происходит переосмысление плана содержания чеховских сочинений, внимание литературоведов смещается в сторону исследования плана чеховской формы, поэтики. Эти тенденции расширяют возможности изучения наследия писателя и драматурга.

3. Популяризации чеховских сочинений способствовал тот факт, что переводчиками нередко выступали писатели разных поколений. Интерес к чеховскому творчеству преодолевал неблагоприятные условия, и культурный застой, и неблагоприятные межгосударственные отношения. Переводы чеховского наследия на китайский язык постоянно совершенствуются, отдельные сочинения писателя имеют несколько вариантов переводов, и этот процесс продолжается.

4. Самые известные представители новой китайской словесности, такие как Лу Синь, Е Шэнтао, Лин Шухуа, Шэнь Цунвэнь, Ба Цзинь, унаследовали многие чеховские традиции, как генетического, так и типологического ряда. Развивая китайскую словесность, они перенимали такие творческие чеховские особенности, как объективность, внимание к речевой характеристике, стремление к краткости, к приему недоговоренности, амбивалентности и т. д. Им импонировало чеховское живое описание действительности, его гуманизм, его эмпатия, его сочувствие внешней и внутренней свободе. Генетические и типологические связи наблюдаются в создании характеров, в разоблачении черствости, пошлости,

рабской психологии и т. д. Корреляция просматривается и в тематике, в проблематике.

5. Писатели новейшей китайской словесности, такие как Ван Цзэнци, Ван Мэн, Чжан Цзе, Фэн Цицай, также усвоили упомянутый опыт Антона Чехова. Кроме того, разного рода связи у них обнаруживаются в прямом упоминании имени писателя и его произведений, в создании близкородственных персонажей, в обыгрывании явно чеховских ситуаций, приемов.

6. Непреходящий интерес читающего китайского общества к творчеству Чехова зиждется не только на социально-исторических и культурологических основаниях, этот интерес имеет причины философского, ментального порядка. В христианстве для Чехова, как признается он в своих письмах, первична была не метафизика, а именно этика вероучения, и в этом видится его типологическое сближение с древнекитайской философией, во многом определившей и определяющей идентичность китайского народа. Дело не в упоминании писателем древнего азиатского мыслителя, само его творчество имеет очевидные переключки с конфуцианством.

7. Основные конфуцианские парадигмы «Жэнь» (любовь), «Ли» (этичность), «Чжун юн» (срединность) находят отражение в творчестве Чехова, коррелируются с его эпистолярными высказываниями. Типологическое сходство наблюдается в своеобразном понимании гуманизма, эмпатии, самосовершенствования, в понимании «природности» человека, в возможности построения должной жизни на земле в отдаленном, как говорят близкие автору персонажи, будущем и т. д. Есть основание полагать, что все это в презентации чеховского творчества находит отклик в душе и мышлении китайского читателя.

Степень достоверности результатов исследования. Высокая степень достоверности результатов обеспечивается опорой на современные теоретико-методологические разработки ключевых направлений российского и китайского литературоведения. Проанализировано около 200 научных работ, включая монографии, статьи и диссертации китайских ученых с начала XX века по

настоящее время, что обеспечивает комплексное рассмотрение проблематики диссертации.

Апробация предварительных концепций, основных положений и итоговых результатов проводилась на научно-исследовательских конференциях, таких как Научно-практическая конференция для аспирантов и молодых ученых «Расширяя границы» (Москва, 2022); III Межвузовская студенческая научно-практическая конференция «Восточный калейдоскоп» (Москва, 2023); Международный молодежный научный форум «Ломоносов-2023» (Москва, 2023); Международная научно-практическая конференция «Литература в современном мире: текст, контекст, интертекст (памяти проф. А.С. Карпова и В.В. Шервашидзе)» (Москва, 2023); Научно-практическая конференция для аспирантов и молодых ученых «Расширяя границы» (Москва, 2023); научно-практическая конференция для молодых ученых «Russian Culture: Literature, Language, Art» (Москва, 2023); XV Международная научно-практическая конференция «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск, 2025), а также в статьях журналов, входящих в перечень ВАК и Scopus.

Структура и объем диссертации соответствуют задачам и логике изложения. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка привлеченной художественной и научной литературы. Общий **объем работы** – 177 страниц. Библиография включает 209 наименований.

Основные положения и результаты исследования были опубликованы в научных журналах, включенных в перечень научных изданий ВАК и Scopus:

1. Чжан Хуэйчжэнь, В.А. Мескин. Новая китайская литература в призме конфуцианства // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2024. – Т. 68, № 3. – С. 154–165. – DOI: 10.55959/MSU0320-8095-13-68-3-9.

2. Чжан Хуэйчжэнь, Мескин В.А. Антон Чехов в творчестве Ван Цзэнци // Litera. 2024. № 7. – С. 148–157. – DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71090.

3. Чжан Хуэйчжэнь. Влияние А.П. Чехова на творчество Фэн Цициая // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2024. № 3 (124). – С. 57–64. – DOI: 10.37972/chgru.2024.124.3.007.

4. Мескин, В.А., Чжан Хуэйчжэнь. Чехов в творчестве Чжан Цзе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 524–533. – DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-524-533.

5. Чжан Хуэйчжэнь. Антон Чехов в творчестве Лу Синя // Филология и человек, 2025, № 1. – С. 197–204. – DOI: 10.14258/filichel(2025)1-14.

Глава 1. Эволюция восприятия чеховского творчества в Китае

1.1. Чеховедение в Китае нового и новейшего времени

Знакомство китайских читателей с творчеством А. П. Чехова началось в конце династии Цин, к началу XX века. В 1907 году на китайский язык была переведена повесть «Черный монах». К переводу было приложено послесловие переводчика У Тао, который поставил Чехова наравне с уже признанными в Китае авторитетами – с Горьким и Мопассаном. Подобные комментарии переводчиков играли важную роль для представления писателя читающей аудитории, для понимания значения автора. Переводчик рассказа «Альбом» Бао Тяньсяо в своих комментариях представил Чехова как автора-реалиста, «описывающего российское общество»⁴. Уже ранние китайские интерпретаторы чеховского творчества отмечали «тонкое мастерство прозаика, его умение выразить чувство посредством слова»⁵.

Лу Синь, основоположник современной китайской литературы, говорил о реалистическом характере творчества Чехова. В 1909 году он выпустил «Сборник иностранных рассказов», одной из целей которого было познакомить писателей-соотечественников с творческим мастерством зарубежных художников слова. В книгу вошли переводы Чжоу Цзожэнь, родного брата Лу Синя, рассказов «В усадьбе» и «В изгнании». Анализируя эти вещи, он отметил их критическую направленность, страдания людей думающих и конформизм других. Он также указал на чеховскую критику социальной иерархии, на духовное здоровье русского народа. Особое влияние на китайское общество оказала повесть «Палата № 6», переведенная в 1910 году Бао Тяньсяо. Можно сказать, что Чехов, наряду с другими мастерами слова, подготавливал китайских интеллектов к обустройству нового общества, к новой литературе.

⁴ Чехов А.П. Альбом (пер. Сяо) // Газета время прозы. 1909. № 1-2. 祁赫夫著, 笑译. 写真帖. 小说时报. 1909年. 第1年, 第2号.

⁵ Чехов А.П. В вагоне (пер. Сяо) // Газета время прозы. Первый год, 1909. № 1-3. 祁赫夫著, 笑译. 火车客. 小说时报. 1909年. 第1年, 第3号.

После успешной антифеодальной Синьхайской революции 1911 года китайские читатели познакомились со многими другими шедеврами Чехова. Инициаторы движения за новую культуру (1915–1923) пропагандировали творчество Чехова, отмечали его положительную роль в деле развития китайской литературы.

В 1919 году в журнале «Новая молодежь», игравшем ведущую роль в движении за новую культуру, опубликовался рассказ «Душечка» с приложением комментариев Л. Толстого. Так случилась первая полемика вокруг произведений Чехова. Редакторы журнала критиковали мнение Толстого в понимании образа Оли-душечки – как пример для подражания всех женщин. Проблема заключалась и заключается в том, что некоторые критики отождествили, уравнивая отношение Толстого и Чехова к Оле. Так переводчик «Душечки» Чжоу Чзожэнь в послесловии отмечал, что женщины всего мира должны относиться к этому персонажу как к антигероине, должны стремиться быть наравне с мужчинами, стать «самостоятельными личностями»⁶. С ним солидаризировался литератор Ли Дачжао в специальной статье под названием «Вопрос женщин после войны». Другое мнение относительно этого рассказа и центрального характера высказал Лу Синь. Он указал на амбивалентность характера и перенес критику с образа Оли на общество, по его мнению, порождающее таких женщин⁷.

Дело в том, что в то время в китайском литературоведении особенно явно доминировало утилитарное отношение к литературе вообще и к творчеству Чехова в частности. До 1918 года в китайской литературе не употреблялось женское местоимение «она» (她). Борясь за общественные реформы, за новую культуру литераторы использовали рассказы Чехова для внедрения новых идей в дело женской эмансипации в противостоянии с консерваторами.

⁶ Сюй Лэ. Исследование проблемы неопределенности в сочинениях А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. – Пекин, 2009. С. 21. 徐乐. 契诃夫创作中的不确定性问题研究. 中国社会科学院研究生院, 2009. 第 21 页.

⁷ Лю Ян. О переводе и изучении Антона Чехова в 1950-х годах в Китае: дис. ... маг. филол. наук. – Чанша, 2019. С. 27. 刘雅仪. 20 世纪 50 年代契诃夫在中国的译介研究. 湖南师范大学, 2019. 第 27 页.

С 20-х годов выходили и зарубежные работы по творчеству Чехова, и работы китайских чеховедов, появились работы в сравнительном аспекте, в сравнении с ранее известными зарубежными авторами. В книге «История западноевропейской литературы» (西洋小说发达史, 1923) Се Люйи отметил общее и различное в творчестве Чехова и Мопассана, отметил углубленный психологизм русского писателя и, в конечном итоге, его жизненность⁸. Тогда же вышла книга литератора Чжэн Чжэньдуо «Краткая история русской литературы» (俄国文学史略, 1923), можно сказать, самая первая работа по истории русской литературы в Китае. Книга состоит из четырнадцати глав, двенадцатая – посвящена Чехову и Андрееву. Трудно сказать, почему автор поставил рядом двух разных мастеров слова, вероятно, по каким-то внешним признакам. Чехов назван здесь великим художником, отмечается многообразие представленных им типов характеров, отмечается психологичная прописка каждого типа и индивидуальность творческой манеры, узнаваемость чеховского стиля⁹.

Особую роль в понимании русской литературы, творчества Чехова сыграл литератор Цюй Цюбай. Он опубликовал «Историю русской литературы» (十月革命前的俄罗斯文学, 1922), которая охватывала развитие русскую словесность с древних времен и до эпохи Октябрьской революции. Цюй Цюбай употребляет российскую терминологию, в частности, термин «лишний человек». Его взгляд на этого «человека» специфичен и не бесспорен, в его трактовке «лишние люди не способны на действия, но лишь на пустословие, хотят быть героями, но ничего для этого не предпринимают, их появление естественно в определенный исторический период»¹⁰. Проблема в том, что автор не дифференцирует «лишних» у разных авторов, в частности, у Тургенева и Чехова.

⁸ Се Люйи. История западноевропейской литературы. – Шанхай: Коммерческая пресса, 1923, С. 123. 谢六逸. 西洋小说发达史. 上海: 上海商务印书, 1923. 第 123 页.

⁹ Чжэн Чжэньдуо. Краткая история русской литературы. – Шанхай: Коммерческое издательство, 1924. С. 125. 郑振铎. 俄国文学史略. 上海: 商务印书馆, 1924. 第 125 页.

¹⁰ Цюй Цюбай. Полн. собр. соч.: в 14 т. – Пекин: Народная литература, 1986. – Т. 2. – 419 с. 瞿秋白. 瞿秋白文集 14 卷. 北京: 人民文学出版社, 1986. 第 2 卷. 419 页.

Свободное владение русским языком позволило Цюй Цюбаю хорошо понять некоторые тонкости произведений Антона Чехова. По мнению литератора, в эпоху торжества мещанства, когда пошлость была нормой жизни, Чехов воспротивился этому. По аналогии с Данте он определил чеховское творчество как «душевная комедия», называет его произведения «венцом литературы 1880–1890-х годов». Цюй сравнивает Чехова с Гоголем, по-своему объясняет их отличия. По его мнению, Гоголь лишь «высмеивает», а Чехов, высмеивая, показывая разные стороны жизни и заставляет читателя искать ответы на вопросы этой жизни¹¹. Относительно Гоголя мнение тоже не бесспорное.

В конце 1920-х годов начинается изучение Чехова в сравнительном контексте применительно к китайской словесности. Началом можно считать статью Чжао Цзиншэня «Лу Синь и Чехов», написанную в конце десятилетия. Автор обратил внимание и на то, что оба писателя перешли в литературу из медицины, оба были практикующими врачами, оба преодолевали драматизм, обращаясь к сатире и юмору¹². Продолжая сравнение, можно заметить, что оба писателя прожили недолгие жизни, оба умерли от болезни легких. Го Можо, продолжая сопоставление двух классиков, в написанной позже статье «Чехов на востоке» подчеркнул, что Лу Синь и Чехов, будучи «социальными врачами», ставили диагноз, но лекарство не выписывали¹³. Го Можо был здесь лишь отчасти прав, поздний Лу Синь пытался найти и указать на правильное радикальное лекарство.

До 1930-х годов были и другие большие и маленькие публикации, затрагивающие жизнь и творчество Чехова. В их числе «Биографии современных драматургов» (1919) и «Современная русская литература» (1920) Шэнь Яньбина, «В честь Чехова» (1922) Се Люйи, «А. Чехов» (1923) Шэнь Цифаня, «Рассказчик Чехов» (1924) Ян Юаньчаньин, «Немного о Чехове» (1926) Чжимо,

¹¹ Там же. С. 203.

¹² Чжао Цзиншэнь. Лу Синь и Чехов // Литературный еженедельник. – Т. 8. № 251–375. – Шанхай: Шанхайский книжный магазин, 1984. С. 651. 赵景深. 鲁迅与柴霍甫. 文学周报. 第8卷. 251–375期. 上海: 上海书店影印本, 1984. 第651页.

¹³ Го Можо. Чехов на Востоке // Газета Синьхуа. 15.07.1944. 郭沫若. 契诃夫在东方. 新华日报. 1944年7月15日.

«Реалистические произведения Чехова» (1928) Ван Тижаня, «Структура рассказа» (1927), «Чехов и Андерсен» (1928), «Чехов и Горький» (1929), «Лу Синь и Чехов» (1929) Чжао Цзиншэня, «Русские рассказчики и их произведения» (1929) Фу Циляна, «25-я годовщина со дня скончания Чехова» (1929) Пэн Бучжо.

И снова приходится сказать, что чеховские произведения понимались и трактовались в завязке с социально-политическими запросами того китайского общества, в связи с его настроем на демократическую модернизацию. Срабатывал принцип – «литература ради жизни». Исследователи подчеркивали реалистичность чеховской манеры, его гуманизм, все это было важно для тогдашнего общества Китая. При этом некоторые китайские писатели, например, Лу Синь, видели, что Чехов не укладывается в рамки традиционного реализма, но предпочитали об это не распространяться¹⁴. Случалось, что Антон Чехов представлялся в революционном свете. Так, на взгляд Шэнь Яньбина, «социально-революционное мировоззрение» является главным отличием реализма русской литературы от реализма других европейских литератур. И Чехов, по мнению этого литератора, в своих небольших по объему сочинениях отображал «великие идеалы» и тем самым оказывал огромное влияние на современных китайских писателей¹⁵.

В 1930–1940-е годы политизация литературы и, конечно, чеховского творчества, усилилась, и социальный реализм, стал мейнстримом творчества. Переводов чеховской прозы стало заметно больше. В 1930 году Шанхайский книжный магазин Каймин выпустил восемь томов «Шедевры Чехова» (柴霍甫短篇小说集) в переводе Чжао Цзиншэня. В эти тома вошли сто шестьдесят два рассказа Чехова. Это заметно ускорило развитие чеховедения в Китае. В 1941 году вышла «Переписка Чехова с Горьким», что в свою очередь способствовало усилению интереса к писателю.

¹⁴ Лю Янь. Чехов и современная китайская литература: дис. ... канд. филол. наук. – Цилянь, 2003. С. 53. 刘研. 契诃夫与中国现代文学. 东北师范大学, 2003. 第 53 页.

¹⁵ Шэнь Яньбинь. Немного о современной русской литературе // Газета прозы. 10.01.1920. № 11-1. 沈雁冰. 俄国近代文学杂谭. 小说月报. 1920年1月10日. 第11卷, 第1号.

Лу Синь, назвавший русскую литературу «наставником и другом», тоже начал переводить Чехова, в частности сатирические рассказы. Он писал, что сатира этого писателя не просто вызывает смех, она заставляет задумываться о причинах болезни общества¹⁶. Писатель Мао Дунь также считал, что Антон Чехов учит читателя познавать жизнь, правильно оценивать прошлое¹⁷.

Чеховские главы вошли в такие крупные издания, как «Общее введение в западную литературу» (西洋文学通论, 1930) и «Известные западные произведения на китайском языке» (汉译西洋名著, 1935) Мао Дуня, «Современное европейское литературоведение» (欧洲近代文艺思潮, 1931) Люй Тяньши, «Современная европейская драматургия» (欧洲近代戏剧, 1931) Юй Сина, «Семь великих русских писателей» (俄国七大文豪, 1943) Цзин Фаня. Также вышли книги Сао Сая, посвященные жизни и драматургии Чехова: «А. Чехов» (柴霍夫传, 1941) и «Драматургия Чехова» (柴霍夫的戏剧, 1948).

Были опубликованы научные статьи по творчеству Чехова: «Литературное движение в дореволюционной России» (1930) Фэн Найчао, «Литературная жизнь Чехова», «Чеховский пейзаж», (1934) А Ин, «О творчестве Чехова» (1935) Бай Лая, «Семьдесят пятая годовщина со дня рождения Чехова» (1935) Ши Жэня. В юбилейном 1935 году в газете «Новый Китай» вышли три статьи, посвященные рассказам Чехова: «Рассказы Чехова» У Лифу, «Рассказы Чехова» Чжоу Лэнцзя, «Рассказы Тургенева и Чехова» Ай У. С началом войны, сопротивления против японской агрессии (1937–1945), естественно, и литературоведение, и чеховедение отходят на второй план.

Тем не менее в 1940-х годах были опубликованы новые статьи по творчеству Чехова: «О Чехове» (1942) У Синя, «О Чехове» (1943) Мэн Иня, «Замечание к “Рождеству”» (1943), «О А. Чехове» (1944) Шао Цюаньлиня, «Антон Павлович

¹⁶ Лу Синь. Полн. собр. соч.: в 16 т. – Пекин: Народная литература, 1981. – Т. 10. С. 403. 鲁迅. 鲁迅全集 16卷. 北京: 人民文学出版社, 1981. 第10卷. 第403页.

¹⁷ Сюй Цзухуа. Теория литературной мысли Четвертого мая. – Ухань: Издательство Хуачжунского педагогического университета, 2002. С. 62. 许祖华. 五四文学思想论. 武汉: 华中师范大学出版社, 2002. 第62页.

Чехов» (1944) Шэн Цзыфу, «Обречен на упадок – после чтения “Вишневого сада”» (1944) Чэн Минцюя, «Чехов на востоке» (1944) Го Можо, «Чехов и ее “Чайка”» (1945) Цзяо Цзюйиня, «О драматургии Чехова» (1945) Ян Ханьшэна, «О А.П. Чехове» (1945) Ху Фэна, «Любовь Чехова к детям» (1945) Ван Цзячжэна, «А. Чехов» (1948) Чэн Цзинжуна, «О Чехове» (1948) Тянь Циня.

В это время зарождается внимание к драматургии Чехова. Большую роль в этом деле сыграл горячий поклонник, переводчик чеховских пьес и сам драматург Цзяо Цзюйнь. Ему импонировало «чеховское ощущение внутренней свободы творчества». Он писал это, рассматривая чеховскую «Чайку»¹⁸. Эта свобода, по мнению автора, позволила драматургу эпически относиться к жизни, рассматривать и показывать ее именно со своей точки зрения, не обсуждать, не решать вопросы жизни со зрителями или с читателями, а давать своим героям самостоятельно решать их. Таким образом почитатели чеховского таланта задаются социально-философскими вопросами, самостоятельно ищут на них ответы. Литератор говорит о символической основе чеховских пьес, о феноменальном значении «Вишневого сада», оригинально и справедливо определяет эту вещь как «символическое стихотворение»¹⁹.

О Чехове спорили в России, эти споры отозвались и в китайском чеховедении. Фэн Найчао в статье «Литературное движение в дореволюционной России» отметил, что такие писатели, как А. Чехов, А. Куприн, Л. Толстой, А. Ремизов, описывают реальность, серую жизнь, но отображают ее «без духа борьбы», асоциально²⁰. Другой литератор, Лу Лицзы, сделал вывод, что Чехов пессимист, что у писателя не хватало смелости вступать против времени. Он посчитал, что Чехов принадлежит прошлому веку, как и его персонажи из «Вишневого сада»²¹.

¹⁸ Цзяо Цзюйинь. Чехов и его «Чайка» // Современное искусство. 1943. № 2-2-3. 焦菊隐. 契诃夫与其《海鸥》. 时与潮文艺. 1943年. 第2卷, 第2-3期.

¹⁹ Цзяо Цзюйинь. Полн. собр. соч.: в 7 т. – Пекин: Издательство культуры и искусства, 1988. – Т. 2. С. 225. 焦菊隐. 焦菊隐文集 7卷. 北京: 文化艺术出版社, 1988. 第2卷. 第225页.

²⁰ Фэн Найчао. Литературное движение в дореволюционной России // Газета искусства. 1930. № 1-1. 冯乃超. 俄国革命前的文学运动. 艺术月刊. 1930年. 第1卷, 第1号.

²¹ Чехов М.П. А. Чехов. (пер. Лу Лицзы). – Шанхай: Шанхайское общество Шэньчжоу Гугуан, 1932. С. 151–152. 米哈柴霍甫著. 陆立之译. 柴霍甫评传. 上海: 上海神州国光社, 1932. 第151–152页.

Но так думали не все чеховеды, другие, их было больше, писали об оптимизме, о гуманизме прозаика и драматурга. Они доказывали, что Чехов является подлинным художником, который искал истину, красоту, надежду на будущее. Лу Синь говорил о «соединении искусства и истины» у Чехова, о его борьбе с рабской душой, мещанством, несправедливостью, указывал читателю путь к другой жизни²². По мнению Фэн Шоуцзюя, Чехов пессимистки смотрит на темное настоящее время, но вселяет светлые надежды на будущее²³. Мао Дунь отметил, что Чехов умеет проникать в глубины человеческой души, где есть и падение, и печаль, но умеет и там найти луч света и надежды²⁴.

Постижение Чехова в Китае шло не просто, на то был ряд причин. Сказывалось и долгая изоляция страны, и специфика китайского менталитета, и другие религиозно-философские взгляды. Чжоу Лэнцзя в упомянутой статье «Рассказы Чехова» говорит о трех этапах обращения китайского общества к писателю. Первоначально пришли несложные произведения, с небольшим подтекстом, прежде всего, краткие юмористические рассказы. Затем читатель обратился к более сложным социально-философско-психологическим вещам, как «Черный монах», «Палата № 6». Углубленное понимание этих произведений, заложенный в них гуманизм, скрытые надежды, ненависть к порокам – все это Чжоу Лэнцзя относит к третьему этапу²⁵.

И все же в чеховедении тех десятилетий преобладал прагматический социологический подход к сочинениям классика, в них искали полезное и нужное для текущего времени, позже – что-то имеющее отношение к так называемому социалистическому реализму. Так во время войны один из литературоведов писал о Чехове как о «разоблачителе зла», о его стиле, «пропитанном ненавистью и

²² Lvov-Rogochovski. Чехов и новое искусство (пер. Лу Синем) // Бэньлю. декабрь 1929. № 2-5. Lvov-Rogochovski 著. 鲁迅译. 柴霍甫与新文艺. 奔流. 1929年12月. 第2卷, 第5期.

²³ Фэн Шоуцзю. Биографии и труды русских литературоведов XIX века. – Шанхай: Шанхайский книжный магазин Дадун, 1929. С. 90. 冯瘦菊. 十九世纪俄罗斯文学家的传略和著作思想. 上海: 上海大东书局, 1929. 第90页.

²⁴ Лю Янь. Чехов и современная китайская литература: дис. ... канд. филол. наук. – Цзилинь, 2003. С. 78. 刘研. 契诃夫与中国现代文学. 东北师范大学, 2003. 第78页.

²⁵ Шао Цюаньлинь. О А. Чехове // Газета Искусства молодежи. 1944. № 1-6. 邵荃麟. 对于安东·柴霍夫的认识. 青年文艺. 1944年. 第1卷, 第6期.

гневом» и т. д.²⁶. В этом контексте интересно еще одно мнение Го Можо о Лу Сине, высказанное в вышеупомянутой статье. По его мнению, Чехов как бы подготовил китайского классика к «превращению» в китайского Горького, чему способствовали социальные бури в России, а затем и в Китае. Го Можо говорит о «семени, высаженным Чеховым на востоке»²⁷.

Одной из самых интересных работ в чеховедении тех годов видится статья «О Чехове» малоизвестного литератора Тянь Циня. В этой статье автор описал переломную социально-политическую эпоху, в которую жил прозаик и драматург, обратился к его мировоззрению, а затем – к своеобразию его прозы и драматургии. По основательному мнению Тянь Циня, Чехов представляет собой «последнего писателя-реалиста и первого писателя, обратившегося к новой прозаической форме». Для него Чехов – «художник-импрессионист», который рисует жизнь в символах²⁸. Можно заметить, что взгляды китайского литератора весьма близки к взглядам А. Белого «О Чехове», описанным в статье на смерть писателя и драматурга в 1907 году. Далее Тянь Цинь в духе времени говорит о чеховской уважительной любви к народу, о его оптимизме. Что справедливо говорится о Чехове в этой статье, так это то, что Чехов никогда не выражал свои политические взгляды, поэтому пишет Тянь Цинь, его творчество – «подлинное искусство, а не политический слоган». Это, возможно, самая значительная работа о Чехове до образования Нового Китая в 1949 году.

До Нового Китая чеховедение развивалось в целом за счет переведенных научных работ по творчеству Чехова. Но с 1950-х годов собственно китайских литературоведческих работ по Чехову стало больше, чем переведенных. Поэтому многие ученые считают, что серьезное чеховедение началось в Китае с 1950-х

²⁶ Мао Дунь. Августовские мысли – годовой обзор антивоенной литературы и искусства // Литературно-художественные позиции. 16.08.1938. № 1-9. 茅盾. 八月的感想——抗战文艺一年的回顾. 文艺阵地. 1938年8月16日. 第1卷, 第9号.

²⁷ Го Можо. Чехов на Востоке // Газета Синьхуа. 15.07.1944. 郭沫若. 契诃夫在东方. 新华日报. 1944年7月15日.

²⁸ Тянь Цинь. О Чехове // Газета Вэньчао. 1948. № 5-4. 田禽. 论契诃夫. 文潮月刊. 1948年. 第5卷, 第4期.

годов²⁹. С 1950 по 1958 год шанхайское издательство Пинмин и издательство Новое Искусство опубликовали двадцать семь сборников произведений Чехова, которые перевел Жу Лун. Книги содержат двести двадцать переводов чеховских рассказов и повестей, что служило еще одной опорой чеховедения в Китае.

В этот период литературный статус Чехова стал еще выше, писатель был признан выдающимся критическим реалистом, раскрывающим и правдиво отражающим старое российское общество. В 1954 году в рамках мероприятий по случаю пятидесятилетия со дня смерти Антона Павловича в Китае были изданы специальные выпуски журналов, посвященные Чехову и его творчеству. За этот год было опубликовано около 50 научных статей по творчеству прозаика и драматурга.

Тогда периодически возникали горячие споры вокруг плана содержания чеховских сочинений, чаще всего в центре этих споров был вопрос, пессимист ли Чехов или в коей мере он пессимист. Большинство литераторов сходилось во мнении, что сочинения Чехова дают возможность осмыслить социальную жизнь, почувствовать, что «больше так жить нельзя». Была и срединная позиция. Так, например, литератор Хунь Шэнь отмечал, что в произведениях Чехова скрывается «позитивизм за грустью»³⁰. Ему вторил литератор Тянь Хань, полагавший, что Чехов «с радостью готов встретить новое время»³¹.

Политическая конъюнктура в стране тоже делала свое дело. В конце концов китайское чеховедение пришло к заключению, что произведения Чехова всегда касались «политики, социальных вопросов, общественных отношений»³². Другое мнение решительно, порой угрожающе, осуждалось. Так одна из статей вышла под

²⁹ Хоу Сяоянь. Обзор переводов и исследований прозы Чехова в Китае // Вестник Ибиньского педагогического университета. 1996. № 4. С. 37–41. 侯晓艳. 对国内契诃夫小说译介及研究的简单回顾. 宜宾师专学报. 1996年. 第4期. 第37–41页.

³⁰ Хун Шэнь. Пятидесятилетие со дня смерти Антона Чехова // Газета драматургии. 1954. № 6. С. 7–10. 洪深. 安东契诃夫逝世五十周年纪念. 戏剧报. 1954年. 第6期. 第7–10页.

³¹ Тянь Хань. Учиться у Чехова, великого писателя-реалиста, верующий в свет и свободу // Сценарий пьесы. 1954. № 8. С. 124–130. 田汉. 向坚信光明自由的伟大现实主义作家契诃夫学习. 剧本. 1954年. 第8期. 第124–130页.

³² Ван Сянь. От жизни к творчеству. Шанхай: Новое литературное издание, 1954. – 333 с. 王西彦. 从生活到创作. 上海: 新文艺出版社, 1954. 333页.

заголовком: «Злоумышленное искажение Чехова». Срединное мнение было таково: «Поздний Чехов преодолел свою склонность держаться в стороне от политики»³³.

С начала 1950-х годов Чехов вошел в вузовские и школьные программы. Изучались такие произведения, как «Ванька», «Человек в футляре», «Смерть чиновника», «Госка», «Хамелеон». Важно исследовать интерпретацию этих рассказов, которые оказали влияние на новое поколение китайских писателей. Особым вниманием среди исследователей пользовались рассказы «Ванька» и «Человек в футляре», уже в начале этого десятилетия по ним было опубликовано около 15 статей, конечно, со спецификой восприятия.

Литератор Жу Лун отметил, что чеховский Ванька демонстрирует «неумолимый дух противления в обстоятельствах мрачной жизни, всех вдохновляющий»³⁴. Рассказ «Ванька» вызвал широкий отклик китайских читателей и литераторов, заметно повлиял на возникновение в то время китайской детской литературы. Тогда же в китайской словесности появились ремейки «Ваньки». Образ Ваньки отражается в таких рассказах как «А Фэн» (1921) Е Шэнтао, «Красные и опухшие руки» (1923) Чжао Цзиншэня, «Младший брат по учению» (1925) Сюй Чжисиня. С другой стороны, понятно, «Ванька» в учебники для школьников вводилась в социально-воспитательных целях. В замечаниях к «Ваньке» указывалось, что данный рассказ позволяет осознать недостатки старого общества и понять, что успешная революция обеспечивает детям возможность вести счастливую жизнь³⁵.

Примерно, такая же ситуация, вульгарно-социологическая трактовка произведения, сложилась с пониманием «Человека в футляре». Образ Беликова политизировали и считали лишь воплощением социального зла. Чехов в понимании исследователей того времени «беспощадно критиковал таких

³³ Чжан Билай. Злоумышленное искажение Чехова // Новое строительство. 1955. № 10. С. 28–32. 张毕来. 方然歪曲契诃夫的罪恶目的. 新建设. 1955年. 第10期. 第28–32页.

³⁴ Жу Лун. Беседа о «Ваньке» с молодежными читателями // Изучение литературы. 1954. № 8. С. 16–18. 汝龙. 和少年读者谈《万卡》. 语文学习. 1954年. 第8期. 第16–18页.

³⁵ Лю Яи. О переводе и изучении Антона Чехова в 1950-х годах в Китае: дис. ... маг. филол. наук. – Чанша, 2019. С. 49. 刘雅仪. 20世纪50年代契诃夫在中国的译介研究. 湖南师范大学, 2019. 第49页.

консерваторов, как Беликов», избегающих всего нового. Более того, критики увидели в рассказе аспекты, которых там нет, такие как «бессилие интеллигенции, ее пустоту и пошлость»³⁶. Важно отметить, что Беликов представляет собой интеллигента по своему социальному статусу, но не по существу. Утилитарно-социологический подход применялся при анализе и юмористического рассказа «Смерть чиновника». По мнению китайских литературоведов, смерть Ивана Червякова изобличает пороки российского императорского общества, вызывая сочувствие к герою. Несмотря на это, были и критики, выразившие более правдивое мнение. Упомянутый Жу Лун отмечал, что образ Червякова вызывает осуждение, так как герой «сам себя поставил в положение раба», что и привело его к гибели. Литератор справедливо подчеркивал сложность характеров героев Чехова, их амбивалентность, которая «исходит из самой жизни». Для Чехова, писал он, «не существовало простых тем, в жизни все переплетено – великое и маленькое, печальное и абсурдное»³⁷.

Тем не менее, китайские литературоведы справедливо оценили гуманистическую направленность творчества Чехова. Значительное внимание они уделили рассказу «Тоска», но интерпретировали его не столько в психологическом, сколько в социальном контексте. Согласно их анализу, рассказ выражает «сочувствие к угнетенному народу», «протест против жесткой российской социальной системы». Тоска Ионы в их трактовке является результатом несправедливого общества, которое автор резко осуждает³⁸.

В этом же духе продолжилось критическое обсуждение Оленьки из «Душечки». Выведенная автором женщина осуждалась за то, что она, по мнению жестких критиков, «не живет, а существует». Редкие критики были снисходительны к ней, отмечая ее отдаленность от эксплуататорского сословия,

³⁶ Хэ Цзяхуай. Чтение «Человек в футляре» Чехова // Изучение китайского языка. 1954. № 8. С. 6–13. 何家槐. 读契诃夫《套中人》 // 语文学习. 1954年. 第8期. 第6–13页.

³⁷ Жу Лун. Обсуждение «Смерти чиновника» с юными читателями // Изучение китайского языка. 1958. № 3. С. 26–28. 汝龙. 和少年读者谈《小公务员的死》 // 语文学习. 1958年. 第3期. 第26–28页.

³⁸ Жу Лун. Чтение «Тоска» Чехова // Изучение китайского языка. 1960. № 1. С. 10–12. 汝龙. 读契诃夫的《苦恼》. 语文学习. 1960年. 第1期. 第10–12页.

доброту природы и полагали, что таких «можно и нужно ее перевоспитать»³⁹. Понятно, что важным пунктом интерпретации произведений было их идейно-воспитательное значение в создании нового человека в Новом Китае.

В этот период были другие работы, в которых относительно объективно исследовались произведения Чехова. Например, «Мысль и творчества Чехова» (1954) Хуан Цзядэ, «О прозе Чехова», «Чехов и его произведения», «Патриотизм Чехова» (1954) Жу Луна. Последний не только перевел сотни рассказов Чехова, но и приложил усилие в расширительной трактовке чеховских произведений, положительно было и то, что он увидел в картинах художника слова описание «самых обыкновенных людей и их жизни»⁴⁰. Переводчик и ученый, можно сказать инициировал изучение чеховской формы, писал о его импрессионизме, о его амбивалентности.

В эти десятилетия появились и конъюнктурно-сравнительные работы, например, публикации о превосходстве Лу Синя в сравнении с Антоном Чеховым. Критерии сравнения, конечно, не выдерживают критики. Так, например, писалось, что «идеи и замыслы у Лу глубже, чем у Чехова», так как Чехов «всего лишь прогрессивный писатель-демократ», а Лу «достиг социалистического реализма»⁴¹.

В 1960 году в честь столетия со дня рождения А. Чехова была опубликована серия статей в крупных газетах и журналах Китая. Наиболее известные работы – «Творчество Чехова в Китае» Гэ Баоцюаня, «Значение чеховского творчества» Мао Дуня, «Драматургия Чехова» Ма Цзяцзюня, «Характерные черты чеховского реализма» Го Цзяшэня, «Немного о художественных особенностях чеховской прозы» Лин Сю и т. д.

Несложно заметить, не изжитую до конца и сейчас, политизацию в оценке Чехова, в желании критиков представить его не просто писателем-реалистом, а

³⁹ Тянь Лань. О чеховской «Душечке» // Литературное изучение. 1954. № 3. С. 5–11. 天蓝. 关于契诃夫的《宝贝儿》. 文艺学习. 1954年. 第3期. 第5–11页.

⁴⁰ Жу Лун. Чехов и его произведения // Народная литература. 1954. № 7. С.93–111. 汝龙. 契诃夫和他的小说. 人民文学. 1954年. 第7期. 第93–111页.

⁴¹ Су Идан. О Лу Синя и Чехове // Вестник Шаньсийского педагогического университета. 1960. № 1. С. 9–27. 苏以当. 关于鲁迅和契诃夫. 山西师范学院学报. 1960年. 第1期. 第9–27页.

личностью, «вдохновляющей массы на революционные преобразования». До определенного момента этот утилитарный подход укреплялся и становился все более очевидным. Чехов нередко воспринимался как «социолог, историк, а затем уже как писатель»⁴².

Затем пришли другие времена, началась так называемая культурная революция и до 1978 года развитие чеховедения в Китае было прекращено.

В конце 1978 года началась политика реформ и открытости, которая открыла новую страницу в истории Китая. В литературоведение пришли новые авторы, чеховедение возобновилось и, естественно, изменилось в сторону большей объективности. В 1980-х – 2010-х годах вышел ряд переводов работ русских ученых по Чехову, такие, как «А.П. Чехов и его время» Андрея Туркова, «А.П. Чехов. Очерк творчества» Зиновия Паперного, «Чехова» Михаила Громов а и т. д. Тогда же китайские исследователи опубликовали около восьмисот научных статей, посвященных творчеству Чехова, их писали такие видные литературоведы, как Чжу Исэнь, который переводил три вышеупомянутой книги, Ли Чэньминь, Дун Даомин. В основном затрагивались такие темы, как своеобразие Чехова в рядах реалистов, своеобразие его героев, русский писатель сопоставлялся с писателями китайскими и зарубежными.

В новое время стало появляться больше специфических работ о писателе, конкретно о юморе, о сатире, о стиле и т. д. Ян Сяоянь в статье «Художественный замысел и детальное описание – исследование особенностей чеховской прозы» (1981) отметил, что чеховская проза привлекает нас «богатством содержания, описанием обыденной повседневности, привлекает строгостью и краткостью, позволяет анализировать социальные проблемы в призме мелочей реальной жизни». Исследователь обращает внимание на тонкое описание окружающего мира, персонажей, что углубляет тематику, проясняет идейный замысел⁴³. Ван Лимин в

⁴² Чжи Лян. Русская литература и Китай. – Шанхай: Издательство Восточно-китайского педагогического университета, 1991. С. 270. 智量. 俄国文学与中国. 上海: 华东师范大学出版社, 1991. 第270页.

⁴³ Ян Сяоянь. Художественный замысел и детальное описание – простое исследование художественных особенностей чеховской прозы // Вестник Уханьского университета. 1981. № 3.

статье «Простота и краткость – языковой стиль произведений Чехова» (2005) так же подчеркивал убедительность чеховской образности, правдивость, внешнюю простоту, краткость. Ли Кунь рассматривал своеобразие творчества Чехова с точки зрения лексики, речевых особенностей, жизненной энергичности⁴⁴.

Китайские литераторы отдают должное и чеховской сатире, указывают на ее объективность, правдивость в отображении реальной жизни, достаточно глубокий социальный подтекст. Му Шуюань в работе «Уникальный характер сатирических рассказов Чехова» (1985) говорит об эволюции чеховской сатиры, об углублении ее проблематики, о широком подтексте, о скрытых за смехом содержательных идеях⁴⁵. Были и другие работы о сатире Чехова. К сожалению, китайские литераторы не уделили должного внимания чеховскому юмору, порой путая, не различая то и другое.

Китайские исследователи пытаются классифицировать созданные писателем характеры, отдельно говорят о чеховских интеллигентах, о «паталогических» персонажах, типа Беликова, особенно подробно описывают чеховского «маленького человека», сложное к нему отношение⁴⁶. По мнению Ли Тяньин, писатель, описывая одиночество маленького человека, и разоблачает, и сочувствует. Ян Лю же отметил, что «маленький человек» у Чехова характеризуется социальным отчуждением и «футлярным мышлением»⁴⁷.

Ян Сяоянь в статье «Образ интеллигенции в произведениях Чехова» (1988) говорит о двух типах интеллигенции в чеховской прозе, болезненную, в состоянии

С. 77–82. 杨小岩. 艺术构思与细节描写——契诃夫小说艺术特色初探. 武汉大学学报. 1981年. 第3期. 第77–82页.

⁴⁴ Ли Кунь. Антон Павлович Чехов – парадигма языковой индивидуализации // Вестник Хубэйского второго педагогического университета. 2008. № 10. С. 34–35. 李昆. 安东 巴甫洛维奇 契诃夫——语言个性化的典范. 湖北第二师范学院学报. 2008年. 第10期. 第34–35页.

⁴⁵ Му Шуюань. Уникальный стиль сатирических рассказов Чехова // Вестник Северо-Восточного педагогического университета. 1985. № 3. С. 77–80. 穆树元. 契诃夫短篇讽刺小说的独特风格. 东北师大学报. 1985年. 第3期. 第77–80页.

⁴⁶ Чэнь Цзяньхуа. Исторические очерки по изучению русской и советской литературы в Китае: в 4 т. Чунцин: Чунцинское народное издательство, 2007. – Т. 4. С. 186. 陈建华. 中国俄苏文学研究史论. 第4卷. 重庆人民出版社, 2007. 第186页.

⁴⁷ Ян Лю. Деконструкция «маленького человека» у Чехова // Юньмэн. 2009. № 4. С. 119–120. 杨柳. 契诃夫笔下“小人物”的解构. 云梦学刊. 2009年. 第4期. 第119–120页.

кризиса, и другую, здоровую, трудовую. Чехов, по мнению автора статьи, выразил глубокое уважение к интеллигенции, бескорыстно трудившейся во всех сферах жизни, и возложил на нее надежду⁴⁸. Эти мысли развивает Ли Чэнминь, обращая внимание на чеховскую критику мещанской психологии⁴⁹.

По-прежнему внимательны исследователи к женским персонажам в прозе и драматургии мастера. Среди них преобладают женщины. Сяо Чжицюнь в статье «Женский мир в произведениях Чехова» (1996) говорит о чеховских женских персонажах с неопределенным «серым оттенком», делит их на три типа: героиня-попрыгунья как Ольга из «Попрыгуньи», героиня-мещанка как невеста из «Любви», героиня-сторонняя как Лида из «Дома с мезонином». По мнению литератора, Чехов пытается исследовать социальные причины явления таких женщин и закладывает свои произведения воспитательный эффект⁵⁰. Конечно, стоит иметь в виду, что это чеховедение имеет китайскую специфику, с оглядкой на социальные проблемы в стране, этическое отношение часто преобладает над эстетическим.

У Хуэйминь в статье «Слабые – пробужденные – активные: трилогия женских образов в произведениях Чехова» (1997) разделила женских персонажей Чехова на слабых, как Лиза из «Живого товара», пробужденных, как Зина из «Соседей», и активных, как Надя из «Невесты». Здесь, по ее мнению, отображается образ чеховской женщины в ее личностном развитии. Ли Цзябау в статье «О печальной судьбе женщин в творчестве Чехова» (2002) выделяет у Чехова семь типов образов героинь: женщины в брачном футляре, например, Пелагея из рассказа «Кухарка женится», оставленные мужем, как жена профессора из «Скучной истории», без вины виноватые, как Анна из «Дамы с собачкой», униженные и оскорбленные, как Паша из «Хористки», женщины-идолопоклонницы, как Ольга из «Попрыгуньи», женщины черствые, как Анна из «Анна на шее», и, наконец,

⁴⁸ Ян Сяоянь. Образ интеллигенции в произведениях Чехова // Вестник университета Чанцзян. 1988. № 2. С. 52. 杨小岩. 契诃夫小说中的知识分子形象. 长江大学学报. 1988年. 第2期. 第52页.

⁴⁹ Ли Чэнминь. Мещане у Чехова // Цзяиньский гуманитарный вестник. 2003. № 2. С. 60. 李辰民. 契诃夫笔下的小市民. 嘉应人学学报. 2003年. 第2期. 第60页.

⁵⁰ Сяо Чжицюнь. Мир женщины в творчестве Чехова // Русская литература и искусство. 1996年. № 6. С. 44. 肖支群. 契诃夫笔下的女性世界. 俄罗斯文艺. 1996. 第6期. 第44页.

пробужденные женщины, как Надя из «Невесты». Последний тип – наиболее принимаемый автором.

Несколько работ на данную тему написала Сяо Чана, например, в 2007 году ею были опубликованы статьи «О генезисе чеховского взгляда на женщину», «Анализ чеховского взгляда на женщину и трех этапов его развития», «Художественные образы пробуждающихся женщин в творчестве Чехова» и также магистерская диссертация под названием «Женские образы в литературе в аспекте чеховского взгляда на женщину». Вышли и другие ее статьи: «Анализ чеховских героинь в кризисных обстоятельствах» (2011), «О идеальной женщине у Чехова» (2012). Рассматривая особенность женских персонажей в произведениях Чехова, Сяо Чана отметила крайне сочувственное отношение писателя к слабому полу⁵¹.

В новейшее время существенно пересматриваются прежние характеристики хрестоматийно известных чеховских персонажей, они лишаются однозначности. Наиболее показательное – изменение понимания рассказа «Человек в футляре», который до сих пор изучают в школах Китая. Беликова всегда считали абсолютно отрицательным персонажем, однако теперь китайские литераторы начали рассматривать его в более сложном аспекте, как бы вписывая его в обстоятельства жизни. Сун Ипин в статье «Образ Беликова и его смысл» (2004) видит описание психически больного человека. Тан Цзянхуэй говорит о мазохистской основе характера, о его социальной опасности⁵². Также пишут об «аномалии психики» Беликова в свете теории З. Фрейда, утверждая, «Я, Оно и Сверх-Я не гармонируют в герое, что привело к его психопатии»⁵³.

⁵¹ Сяо Чана. О генезисе чеховского взгляда на женщину // Вестник Университета этнических меньшинств Внутренней Монголии. 2007. № 4. С. 65. 肖查娜. 谈契诃夫女性观之成因. 内蒙古民族大学学报. 2007年. 第4期. 第65页.

⁵² Тан Цзянхуэй. Отчаяние, мазохизм и деструктивность – новый анализ характера Беликова из «Человека в футляре» // Современное литературоведение. 2007. № 4. С. 80–81. 唐建辉. 绝望化、受虐性与破坏性——《套中人》别里科夫性格的再分析. 现代语文. 2007年. 第4期. 第80–81页.

⁵³ Ян Хуа. Беликов – трагический персонаж, созданный аномальной психологией: психоаналитический анализ причин образования его характера // Вестник Аньшуньского педагогического университета. 1997. № 1. С.28–32. 杨华. 别里科夫: 畸形心理造就的悲剧人物——从心理分析角度简析其性格成因. 安顺师范高等专科学校学报. 1997年. 第1期. 第28–32页.

В современной психологической перспективе рассматривается и интерпретация рассказа «Тоска». Чеховед Дун Даомин не без основания отметил, что в образе Ионы автор «обобщил тоску всего человечества». Он увидел в рассказе размышления мастера о сложности жизни, «не считая социальную несправедливость и классовый антагонизм» основными причинами тоски героя. По мнению Дун Даомина, рассказ «Тоска» повествует об «одиночестве человека и разобщенности между людьми»⁵⁴. Очевидно, что данная трактовка отличается от предыдущих десятилетий. Также сдвигаются акценты и в понимании рассказа «Смерть чиновника», где в меньшей степени осуждается общество, в большей – человек. Становится ясно, что не общество, а сам запуганный маленький человек губит свою душу, делает себе несчастным.

Много писалось так же об образе Очумелова из рассказа «Хамелеон». Здесь можно вспомнить такие основательные работы, как, например, «О особенности характера Очумелова и Хрюкина» (2002) Тянь Хунмэй, «Метаморфозы Очумелова в средствах языка» (2004) Дуань Шисю, «Способы создания персонажей в “Хамелеоне”» (2004) Тань Цзайвэня. В таких статьях, как «Особенности языка в “Хамелеоне”» (1982) Син Вэня, «Прием тавтологии в “Хамелеоне”» (1988) Цзэн Тяня, «Искусство сатиры в “Хамелеоне”» (1999) У Янбиня, рассматриваются языковые особенности этого рассказа. Исследователи отмечают, что автору хорошо удаются детальные изображения характеров персонажей, их укорененность социальной среде, раскрытие их внутреннего содержания через внешние проявления. Отсюда следует вывод, что изображаемые Чеховым персонажи взяты из жизни и отображают реальную жизнь.

В этот период изменяется характер изучения чеховской прозы в учебных программах. В статье «Проигнорированная душа Ваньки – идеологическое значение чеховского рассказа “Ванька”» (2011) автор статьи Чжань Дань стремится продемонстрировать несостоятельность общепринятой трактовки рассказа

⁵⁴ Дун Даомин. Люблю это небо: о Чехове. – Пекин: Издательство китайской федерации литературных и художественных кругов, 2004. С. 66. 董道明. 我爱这片天空: 契诃夫评传. 北京: 中国文联出版社, 2004. 第 66 页.

«Ванька» в школьной программе, акцентируя внимание на скрытой «надежде Ваньки в окружении тьмы»⁵⁵. Сложно полностью согласиться с автором, поскольку его искания вряд ли находятся в амплитуде колебаний замысла автора. При всем этом сама попытка переосмысления сложившихся мнений заслуживает внимания, так как в статье пишут о широком аспекте чеховской проблематики, о внимании писателя душевным переживаниям, о вариативности истолкований его сочинений. Очевидно, что интерпретации чеховских произведений углубляются и развиваются в более правильном направлении.

Продолжаются споры вокруг рассказа «Душечка». И здесь китайские литературоведы стали уделять больше внимания внутреннему миру героини, ее отношению к любви, к жизни. Конформистские семейные перипетии как бы отходят на второй план. Один из современных исследователей отмечает, что образ Оленьки, «будучи вечным призывом к любви, прекрасен»⁵⁶. Однако мнения разнятся и сейчас, не все согласны, что эта женщина способна любить. «Душечку» также рассматривают в свете теории З. Фрейда, на «подсознательном уровне», предполагая, что ею движет желание «самоудовлетворения»⁵⁷. Кроме того, отмечается, что в рассказе используется чеховская система зеркал, и Оля предстает перед читателем живым человеком, в котором каждый может узнать себя. В наше время китайские литературоведы справедливо отмечают амбивалентность чеховских персонажей, подчеркивая, что образ героини не является «единой сатирой»⁵⁸. В связи с этим уместно вспомнить точку зрения Льва Толстого, согласно которой «истинное художественное произведение может производить

⁵⁵ Чжань Дань. Незамеченная душа Ваньки: об идеологическом значении «Ваньки» Чехова // Литературное изучение. 2011. № 5. С. 44–48. 詹丹. 被忽视的凡卡的心灵: 也谈契诃夫小说《凡卡》的思想意义. 语文学学习. 2011年.第5期. 第44–48页.

⁵⁶ У Цзелинь. Неудачный Чехов и удачный Чехов – интерпретация «Душечки» // Русская литература и искусство. 2010. № 4. С. 10–12. 吴泽霖. 失败的契诃夫和成功的契诃夫——小说《宝贝儿》解读. 俄罗斯文艺. 2010年. 第4期. 第10–12页.

⁵⁷ Мэн На. Новая интерпретация речевого поведения Оленьки в аспекте психоаналитической теории Фрейда // Научная информация. 2008. № 21. С. 117–118. 孟娜. 《宝贝儿》主人公奥莲卡言语行为新解——弗洛伊德精神分析理论解读. 科技信息. 2008年. 第21期. 第117–118页.

⁵⁸ Гуан Линлин. Измерение принятия: исследование субъективности в и «Душечке» // Русская литература и искусство. 2020. № 4. С. 102–108. 管玲玲. 接受的维度: 《宝贝儿》解读的主体性研究. 俄罗斯文艺. 2020年. 第4期. 第102–108页.

различные эффекты, подобно лакмусовой бумаге». И эти эффекты, по мнению писателя, могут быть «столь же различны, как и явления самой жизни»⁵⁹.

В последние десятилетия вышло много работ сравнительного характера. Чехов сопоставляется с такими известными рассказчиками, как О. Генри и Мопассан. Особенно часто рядом с Чеховым упоминался французский прозаик. Рассказ «Хамелеон» соотносился с известным рассказом Мопассана в статье «“Дядя Жюль” и “Хамелеон”» (1990) Вань Эньцая, «“Дядя Жюль” и “Хамелеон”» (2001) Чжан Цзинькуя. Естественно, речь шла о личинах главных персонажей. Внимание уделялось тонкой чеховской поэтике в описании лиц, манеры поведения и т. д.

В этом ряду стоит большая работа сравнительного плана Ли Чэньминя о Чехове, О. Генри, Мопассане. Автор пытается осветить и сходство, и различие и в содержательном, и в формальном планах. Чехов рассматривается как писатель реалист с выходом к модернизму, у Мопассана он обнаруживает элементы натурализма, заимствованные у Золя. О. Генри, в понимании исследователя, отличается от упомянутых рассказчиков особой субъективностью. Чехов и Мопассан, утверждает Ли Чэньминь, более сочувственно изображают страдания маленького человека при критическом к нему отношении, видят и раболепие, и тщеславие⁶⁰.

Естественно, чаще литературоведы сопоставляют Чехова с китайскими писателями. Особенно часто рассматривается творчество Антона Чехова в параллели с Лу Синем. Исследователь Ван Чжаонянь обратил внимание на гуманизм обоих писателей, на их сочувственное отношение к жизни обычных людей. Из профессиональных врачей заключает он, и Чехов, и Лу Синь превратились во врачей душ⁶¹. Похожие мнения позже и были высказаны

⁵⁹ Семенкин А.К. Почему Льву Толстому так нравился рассказ А.П. Чехова «Душечка» // Русский язык и литература для школьников. 2014. № 2. С. 18–32.

⁶⁰ Ли Чэньминь. Сравнительное исследование рассказов Чехова, Мопассана и О. Генри // Вестник Университета Сучжоу. 1991. № 2. С. 87–92. 李辰民. 契诃夫、莫泊桑、欧亨利短篇小说比较研究. 苏州大学学报. 1991年. 第2期. 第87–92页.

⁶¹ Ван Чжаонянь. Времена, люди, стремления: сравнительный анализ эпох, жизни и творческих путей Лу Синя и Чехова // Вестник Хэбэйского университета. 1985. № 2. С. 48–54. 王兆年. 时代、

Лю Цзянчжуним в статье «От медицины к литературе: Лу Синь и Чехов» (1987) и Ван Данем в статье «Творчество Лу Синя и Чехова» (1996).

В магистерской диссертации «Комплексное сравнение философии и поэтики Лу Синя и Чехова» (2006) Гао Син пришел к выводу о том, что оба писателя, с одной стороны, восстают против отчаяния, с другой стороны, выступают против пошлости. И в философских, и в эстетических взглядах, делает вывод диссертант, Лу Синь испытал глубокое чеховское влияние⁶².

Чэнь Хуэй в магистерской диссертации подошла к обоим авторам с другой стороны, ее работа носит название «Влияние сатирического искусства Чехова на Лу Синя и Чжан Тяньи» (2013). Она сопоставляет приемы сатиры, находит много общего и тоже говорит о влиянии русского писателя на своих китайских коллег. Дмитрий Хличкин, русский, обучавшийся в Китае, тоже написал сопоставительную магистерскую работу по творчеству Лу Синя и Чехова (2018), он также обнаружил схождения этих мастеров слова и в идейных замыслах, и в стилях написания рассказов, отметил существенное влияние одного автора на другого.

Появились работы более детальные, посвященные конкретным произведениям с очевидной переключкой в планах содержания и формы. Укажем на работу «Два одиноких и страдающих сердца: рассказы “Тоска” Чехова и “Благословения” Лу Синя» (1989) Го Хуэйлин, «Одинокие и печальные сердца, жалоба скорбного гнева: “Тоска” и “Благословения”» (1999) Лю Шисюна. Справедливо отмечается умение авторов передать душевные муки персонажей, переживания, связанные со смертью близких людей, общественную черствость, людскую отчужденность. В этом ряду сопоставительных работ статьи «Беликов и А-кью» (2004) Лян Дунмэй и «“Подлинная история А-кью” и “Человек в футляре”»

人民、追求——鲁迅与契诃夫的时代、生活和创作道路的比较分析. 河北大学学报. 1985年. 第2期. 第48–54页.

⁶² Гао Син. Комплексное сравнение философии и поэтики Лу Синя и Чехова: дис. ... канд. филол. наук. – Уху, 2006. – с. 45. 高兴. 鲁迅、契诃夫主体哲学及小说诗学综合比较论. 安徽师范大学, 2006. 45页.

(2005) У Цзюньин. Разные эпохи, разные культуры, заключают исследователи, не помешали созданию явно «перекликающихся» художественных произведений.

Выделяется ряд сопоставительных работ о Чехове и китайских писателях, особенно внимавших Чехову и, по-своему, продолжавших его, например, Лин Шухуа. Литературовед У Хуэйминь опубликовала такие статьи, как «Влияние Чехова на творчество Лин Шухуа» (1999), «Еще о влиянии Чехова на творчество Лин Шухуа» (2003), «Вклад Чехова в становление Лин Шухуа» (2003). Ее работы строятся на многих документах, оставленных самим Лин Шухуа. Так же относительно недавно появились две магистерские диссертации на эту тему: «Схождение традиций и времен: влияние Чехова на творчество Лин Шухуа» (2011) Лю Гуаняо, «Нарративный дискурс в прозе Лин Шухуа и Чехова» (2020) Куан Цзюньвэя.

В этом плане рядом с Лин Шухуа стоит Шэнь Цунвэнь. Он тоже в свое время засвидетельствовал большое влияние Чехова на свое творчество. По этой теме вышли такие сравнительно-литературоведческие статьи, как «От Чехова до Шэнь Цунвэня – два рассказа “Муж”» (1996) Ли Вэньцзюна, «Проза Шэнь Цунвэня и Чехова» (1997) Чжоу Сяолина, «Тургенев и Чехов в творчестве Шэнь Цунвэня» (2001) Цянь Шаоу, «Шэнь Цунвэнь и зарубежная литература» (2003) Ли ЮеЦзина.

Так же рядом – известный китайский классик Ба Цзинь, о нем в сопоставлении с Чеховым также немало публикаций, особенно в последние годы. Хао Юнпин в магистерской диссертации «Влияние Чехова и эволюция творческого стиля Ба Цзиня» (2009) исследовала движение тем, образов, характеров, изменение самого творческого стиля у Ба Цзиня в связи с вниманием писателя к мастерству русского классика. Или более конкретно: «“Тоска” Чехова и “Холодная ночь” Ба Цзиня» (1998) Фан Ююй, «“Холодная ночь” Ба Цзиня и “маленький человек” в чеховской прозе» (2006) Ван Вэй. Чжао Вэньфэй в «Метафоре палаты: “Палата № 4” Ба Цзиня и “Палата № 6” Чехова» (2017) через три конкретных звена – «ситуация в палате», «болезнь в палате» и «лекарство в палате» отметила отраженные в произведениях политическую и культурную обстановку, физическое и духовное страдание маленького человека в тогдашнем обществе России и Китая,

подчеркнула, что выписанным лекарством пациентам Чеховым и Ба Цзинем является гуманизм⁶³.

Китайские писатели в диалоге с Чеховым – это можно сказать, популярная тема в китайском литературоведении, особенно с 1950-х годов, когда Чехов вошел в учебные программы. Все образованные китайцы знают и читают Чехова. Публикации открывают связи русского художника слова с известными и малоизвестными авторами Поднебесной, публикации, понятно, имеют разные научные и околонучные достоинства. Укажем лишь некоторые из них: «Ай У и зарубежная литература» (1984) Ван Сяомина, «“Хамелеоны” разных эпох: “Не созрел” Чжан Цзе и “Хамелеон” Чехова» (1988) Тянь Юаня, «Картина “маленького человека”: Чехов в творчестве Фэй Мина» (2001), «Влияние Чехова на творчество Фэй Мина» (2004) Ян Ли, «Влияние Гоголя и Чехова на сатирические произведения Чжан Тяньи» (2007) Чжан Пуцзюня, «Образы чиновников у Чехова и Чжан Тяньи» (2012) Чэнь Хуэй, магистерская диссертация «Картины быта у Чехова и Лю Чжэньюня» (2014) Лян Цзунлэя, «“Дама с собачкой” Чехова в “Пестром голосе” Ли Эра» (2018) Сюй Саоюя, «Зарубежная классика в произведениях Ма Бушэна» (2019) Ма Фэнин, магистерская диссертация «Чехов и китайский рассказ девяностых годов: Ши Шудин, Ли Эра, Янь Лянькэ» (2020) Чжэнь Ичана и т. д.

Чеховедение в Китае обширно, но нельзя сказать, что писатель в полной мере понят и описан. Есть явное недопонимание того, что хотел сказать он, есть сомнительная интерпретация его произведений. Дело осложняют несовпадения культурные, исторические, социальные, политические и, в какой-то мере, ментальные. При всем при том, можно говорить о положительной динамике чеховедения в Китае. И, что совсем не подлежит сомнению, русский классик – это важная составляющая моста, соединяющего два великих народа.

⁶³ Чжао Вэньфэй. Метафора палаты и критика реальности – сравнительное исследование «Палата № 4» Ба Цзиня и «Палата № 6» Чехова // Вестник Университета Суйхуа. 2017. № 37-5. С. 55–58. 赵文菲. 病室的隐喻与现实的批判——巴金《第四病室》与契诃夫《第六病室》比较探究. 绥化学院学报. 2017年. 第37卷. 第5期. 第55–58页.

1.2. Практика переводов А. Чехова на китайский язык

Антон Павлович Чехов – один из наиболее широко представленных русских писателей в новой и современной китайской словесности. Есть точные статистические данные с 1903 по 1987 год: на китайский язык переведено семьсот пятьдесят четыре произведения русской прозы, из них произведения Л. Толстого составили 17 %, А. Чехова – 13,6 %, И. Тургенева – 12 %⁶⁴. На сегодняшний день на китайский язык переведены практически все произведения Чехова. Лу Синь, основоположник современной китайской литературы, немало переводил Чехова и считал его творчество, в сравнении с творчеством других известных зарубежных авторов, более значимым, поскольку оно «новее и ближе к китайскому миру»⁶⁵.

Знакомство китайских читателей с творчеством Чехова началось в конце династии Цин, в начале XX века. Это был важный, переходный в политическом и культурном смысле, период в истории Китая. Перевод иностранной литературы, сыгравший важную роль в возникновении и развитии новой китайской литературы, начал тогда массово проникать в Китай. После Опиумных войн китайское общество претерпевало глубокие изменения, закончилось замкнутое положение страны.

Первоначально о русской литературе в Китае писали меньше, чем о другой. В каталоге аннотаций западноевропейской романной литературы 1903–1913 годов было упомянуто пятьсот семьдесят один роман, среди них только пятнадцать русских романов. Указано шестнадцать пьес, из которых только две – русские. Но со временем переведенных русских произведений словесности становилось все больше и больше, в том числе и чеховских.

Чехов дебютировал в Китае повестью «Черный монах» в 1907 году. Эта повесть, как и многие другие сочинения зарубежных авторов, была переведена с японского языка. Языками-посредниками выступали японский и английский языки,

⁶⁴ Чжи Лян. Русская литература и Китай. – Шанхай: Издательство Восточно-китайского педагогического университета, 1991. С. 337. 智量. 俄国文学与中国. 上海: 华东师范大学出版社, 1991. 第 337 页.

⁶⁵ Лу Синь. Полн. собр. соч.: в 16 т. – Пекин: Народная литература, 1981. – Т. 6. С. 219. 鲁迅. 鲁迅全集 16 卷. 北京: 人民文学出版社, 1981. 第 6 卷. 第 219 页.

позже – немецкий. В комментариях переводчик У Тао назвал Чехова «русским Мопассаным». Таким образом переводчик как бы поднимал оценку неизвестного тогда русского писателя. Понимание того, что Чехов – писатель более значительный в европейском ареале, чем уважаемый Мопассан, придет позднее.

В 1911 году Синьхайская революция свергла династию Цин, монархию, просуществовавшую в Китае в течение тысячи лет, началась демократизация страны. Двигателем процесса была и литература, в частности произведения Антона Павловича Чехова, чьи произведения, рассказы и повести, были опубликованы еще до падения Цин. Они издавались и в Китае, и в Японии. Таблица изданий выглядит примерно следующим образом:

Год публикации	Произведения Чехова	Переводчик	Издательство / журнал
1907	Черный монах	У Тао 吴枹	Государственное печатное ведомство 府务印书馆
1908	В усадьбе	Ду Ин 独应 (Чжоу Цзожэнь 周作人)	Хэнань 河南 (Токио)
1909	В усадьбе, В изгнании	Чжоу Цзожэнь 周作人	Сборник иностранных рассказов 域外小说集 (Токио)
1909	Лишние люди	Лэн 冷 (Чэнь Цзинхань 陈景韩)	Газета проз 小说时报
1909	Альбом, Дачники	Сяо 笑 (Бао Тянься 包天笑)	Газета проз 小说时报

1910	Палата № 6	Тянь Сяошен 天笑生 (Бао Тяньсяо 包天笑)	Газета проз 小说时报
------	------------	--------------------------------------	------------------

Первые переводы не отличались точностью. Переводчики не избежали субъективности, нередко вносили в переводы что-то «от себя». Яркий пример – перевод «Черного монаха». Переводы эпизодов встречи Коврина с Таней в 1907 и в 1950 годах значительно разнятся. В первом переводе, У Тао, Таня – описывается как китаянка, а во втором переводе, Жу Лун, она предстает русской девушкой. В первом случае Коврин влюбляется в девушку, во втором случае нет проявления этого чувства. Как замечают исследователи, в начале века переводчики «не могли избежать клише классической китайской литературы»⁶⁶. Западные литературы, в частности сочинения Чехова, и в формальных, и в содержательных компонентах не всегда были понятны китайскому читателю. Именно для смягчения этих недопониманий, переводчики добавили в тексты национальные элементы, сочинения как бы «китаизировались».

В «Сборник иностранных рассказов» (1909) под редакцией Лу Синя входят рассказы Чехова «В усадьбе» и «В изгнании». Фамилию писателя переводили на китайский по-разному, например, 溪崖霍夫 (Сияхофу), 契柯夫 (Цикэфу), 屈华夫 (Цюйхуафу), 祁赫夫 (Цихэфу), 奇霍夫 (Цихофу). Разные иероглифы, разное звучание зачастую вводили читателей в заблуждение. С изданием этой книги вошла в употребление распространенная ныне транскрипция фамилии писателя – 契诃夫 (Цихэфу)⁶⁷.

Второе десятилетие XX века в Китае отмечено началом так называемого движения за новую культуру, за демократизацию. В русле этого движения, наряду с сочинениями других западных авторов, в 1916 году вышел сборник рассказов Чехова «Праздные сказы на бытовые темы» (风俗闲评). В первую часть сборника

⁶⁶ Лю Янь. Чехов и современная китайская литература: дис. ... канд. филол. наук. – Цзилинь, 2003. С. 22. 刘研. 契诃夫与中国现代文学. 东北师范大学, 2003. 第 22 页.

⁶⁷ Го Баоцюань. Связи китайской и зарубежной литературы. – Пекин: Пекинский Пресс, 1992. С. 137. 戈宝权. 中外文学因缘. 北京: 北京出版社, 1992. 第 137 页.

входили четырнадцать рассказов: «Пересолил», «Дома», «Лишние люди», «Толстый и тонкий», «Воры», «Злоумышленник», «Беспокойный гость», «Смерть чиновника», «Егерь», «Орден», «Рассказ старшего садовника», «Тссс!...», «Шило в мешке». А во вторую – девять других рассказов и повестей: «В Овраге», «Ванька», «Мечты», «Без заглавия», «На пути», «Приданое», «Человек в футляре», «Детвора», «Святою ночью». Казус издания – переводчики, Чэнь Цзялинь и Чэнь Дадэн, перевели рассказы с английского языка, но не указали имени автора. Тем не менее, по мнению ученых, этот сборник «впервые дал относительно полное представление о творчестве Чехова»⁶⁸.

Переводы, за исключением «Черного монаха», были сделаны на старокитайский литературный язык вэньянь, который еще не давал возможности в полной мере выразить дух и стиль подлинника, и все же с выходом этого сборника произошло основательное знакомство китайского читателя с Чеховым.

Коренное изменение отношения к русской литературе случилось в 1917 году, считается, что в этом же году произошло рождение современной китайской литературы. Тогда по инициативе Лу Синя язык вэньянь стал заменяться языком байхуа, более простым и понятным. Строчки в вэньянь писались сверху вниз и справа налево, во многом другими были и иероглифы.

Согласно неполной статистике, с 1917 по 1927 год в Китае было опубликовано двести двадцать пять переводов иностранной литературы, из которых шестьдесят пять переводов были с русской литературы, тридцать один – с французской, двадцать четыре – с немецкой, двадцать один – с английской, четырнадцать – с индийской, двенадцать – с японской. Количество произведений русских авторов впервые превысило количество других авторов. Из шестидесяти пяти представленных русских литературных произведений двенадцать –

⁶⁸ Чжэн Фанцзе. Хронология современной китайской литературной истории. – Цзилинь: Народное издательство, 1983. С. 360. 郑方泽. 中国近代文学史事编年. 吉林: 人民出版社, 1983. 第360页.

произведения Л. Толстого, десять – А. Чехова, девять – И. Тургенева⁶⁹. Налицо большой интерес к творчеству Чехова.

Примерно с второго десятилетия наблюдается активизация внимания к Чехову. В 1919 году Чжоу Цзожэнь перевел «Душечку», Шэнь Яньбин перевел рассказы «Дома», «Клевета», «Ванька», а Ху Ши – «Произведение искусства» и т. д. На диаграмме эта активизация выглядит примерно так:

В 1921 году Тайтунский книжный магазин в Шанхае выпустил «Сборник рассказов Чехова», в который вошли шесть рассказов. В 1923 году Шанхайская коммерческая пресса выпустила третий «Сборник современных русских произведений» с шестью рассказами, сборник перевыпустили в 1924, 1925 годах. В 1923 году Общество совместного обучения переиздавало «Сборник рассказов Чехова» с семью рассказами. В 1927 году Шанхайский литературный еженедельник выпустил сборник с пятнадцатью рассказами, их перевел самый известный переводчик русского классика Чжао Цзиншэнь.

С 1920-х годов в стране стали переводить чеховские пьесы. В 1920 году в газете «Освобождение и реформация» вышел перевод пьесы «Предложение». В 1921 году Общество совместного обучения выпустило «Сборник русских пьес», в который входят пьесы Н. Гоголя, А. Островского, И. Тургенева, Л. Толстого и А. Чехова – «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Вишневый сад». В 1923 году

⁶⁹ Чжи Лян. Русская литература и Китай. – Шанхай: Издательство Восточно-китайского педагогического университета, 1991. С. 231. 智慧. 俄国文学与中国. 上海: 华东师范大学出版社, 1991. 第231页.

китайские читатели познакомились с пьесами «Лебединая песня», «Медведь», «Свадьба», а в 1925 году – с «Тремя сестрами».

Первые переводчики, как уже говорилось, не обладали должным уровнем языковой подготовки, кроме того, им не хватало системных знаний и представлений, и нередко в одной и той же газете и журнале попеременно публиковались произведения разного жанра, написанные в разные годы. Это, конечно, мешало пониманию динамики развития таланта, своеобразия творчества писателя.

Стоит отметить, перевод русской литературы, в том числе произведений Чехова, с 1920-х годов перестали переводить исключительно с языков-посредников, с английского, японского, немецкого. В круг переводчиков вошли интеллигенты, владеющие русским языком, например, Гэн Цзичжи, Шэнь Ин, Вэй Суюань, Цао Цзинхуа, Гэн Шичжи. Известные литераторы, такие как Ху Ши, Чжоу Цзюжэнь, Мао Дунь, Цюй Цюбай, Ван Тучжао, Чжэн Чжэндуо, Сюй Чжимо, Чэнь Вэймо, тоже начали переводить русскую литературу и, конечно, произведения А. Чехова.

Основное внимание переводчики уделяли идейному содержанию произведений, сочинениям, обращенным к проблемам социальной жизни, свободной мысли, то есть тому, что способствовало развитию китайского общества. Такое прагматичное отношение сужало круг произведений для переводов.

С 1921 года в стране начали переводить не только произведения Чехова, но и литературоведческие статьи по его творчеству. За 1920-е годы было переведено четырнадцать публикаций, большинство из них были переведены Чжао Цзиншэнем. Благодаря этим изданиям китайские читатели и литературоведы смогли больше узнать о творчестве писателя и драматурга.

Следующий этап, своего рода, освоения чеховского наследия в Поднебесной начинается в 1930–1940-е годы, его можно назвать развивающим этапом. Он и совпал, и был вызван большими переменами в социальной и политической жизни страны, достаточно сказать, что за эти два десятка лет Китай пережил и войну против японской агрессии (1931–1945), и гражданскую войну (1946–1950).

Естественно, все происходящее влияло и на социальное, и на эстетическое мышление китайцев, прежде всего, конечно, интеллигенции, свою роль в происходящих процессах играло и чеховское творчество. Количество переведенных и опубликованных чеховских произведений отображает следующая гистограмма:

Гистограмма говорит и о влиянии военных лет, и во всем прочем, с войною связанном. Работала и цензура, так в 1934 году Лу Синю не дали разрешение на публикацию юмористического рассказа «Орден», вероятно лишь потому, что там смешные события связаны с упоминанием военной награды.

В 1930 году Чжао Цзиншэнь перевел и дважды издал восемь томов «Шедевры Чехова» (柴霍甫短篇杰作集). Тома содержали сто шестьдесят два рассказа. Переводчик со знанием дела систематизировал сочинения русского классика и назвал все восемь томов следующим образом: «Шампанское», «Царство женщин», «Черный монах», «Счастливый конец», «Дети», «Женщина-демон», «Суд», «Старость». В 1933 году произошло еще одно переиздание. Каждый том предварялся биографией, эссе и иллюстрациями к прозам Чехова. Данное издание явилось прорывом в продвижении чеховского творчества в Китае.

Тогда же начались дискуссии как переводить Чехова. Так, переводчик Чжао Цзиншэнь полагал, что «гладкий перевод» правильнее, чем «точный

перевод»⁷⁰. Под «гладким» переводом он подразумевал перевод более доступный китайскому читателю. Он заменил все русские имена и фамилии на китайские, составил таблицу транслитерированных имен и фамилий. Не все литераторы одобрили этот переводческий эксперимент из уважения к писателю.

В 1948 году переводчик Ли Чжэнь перевел и выпустил «Сборник рассказов Чехова». В 1949 году вышли три «Сборника рассказов Чехова» с шестьюдесятью четырьмя рассказами писателя. Первый и третий сборники были переведены Цзин Жэнем, второй – Бао Цюнем. Эти сборники свидетельствуют об интересе к Чехову и в сложные военные годы. Заметно повысилось качество переводов, переводчики озаботились стилем Чехова, оригинальностью его языка.

В 1930–1940-е годы усилилось внимание и к драматургии Чехова, о чем свидетельствует следующая таблица:

Год выхода	Название пьес	Переводчик
1930	Дядя Ваня	Чжу Жанчэн 朱穰丞
1935	Безотцовщина	Хэ Фан 何妨
1939	Три сестры	Юй Ди 俞荻
1940	Чайка, Дядя Ваня, Вишневой сад	Фан Синь 芳信, Фан Синь 芳信, Мань Тао 满涛
1943	Вишневой сад	Цзяо Цзюйинь 焦菊隐
1944	Вишневой сад, Чайка, Дядя Ваня, Вишневой сад	Мань Тао 满涛, Ху Суй 胡随, Ли Ни 丽尼, Фан Синь 芳信
1945	Три сестры	Цао Цзинхуа 曹靖华
1946	Вишневой сад, Иванов, Чайка, Дядя Ваня,	Цзы Цзян 梓江, Ли Ни 丽尼, Ли Ни 丽尼, Ли Ни 丽尼,

⁷⁰ Ли Цзинь. О китайских переводах Чехова в 1930-х и 1940-х годах и их влиянии // Русская литература и искусство. 2004. № 4. С. 41. 李今. 论三十年代契诃夫的中译及其影响. 俄罗斯文艺. 2004年. 第4期. 第41页.

	Три сестры, Вишневой сад	Цао Цзинхуа 曹靖华, Мань Тао 满涛
1947	Вишневой сад, Безотцовщина	Мань Тао 满涛, Хэ Фан 何妨
1948	На большой дороге, О вреде табака, Лебединая песня, Медведь, Предложение, Татьяна Репина, Трагик поневоле, Свадьба, Юбилей	Ли Цзяну 李健吾

Пьеса «Вишневый сад» была переведена несколькими переводчиками. Все они понимали сложности стоящих перед ними задач, многовекторность чеховской драматургии, глубину ее подтекста. Уже переводя «Вишневый сад» Мань Тао писал, что «в Китае нет совершенного перевода такого эпохального шедевра, как “Вишневый сад”, суть пьесы еще не до конца передана китайским читателям»⁷¹. Цзяо Цзюйинь отметил, что, работая над этой вещью, старался прежде всего постигнуть лежащее в ее основе настроение, затем же язык драматурга⁷². У каждого переводчика был свой стиль, свой центр внимания, и сложно сказать какой перевод более совершенен.

В эти годы продолжало возрастать чеховедение. С 1930-го до конца 1940-х вышло пять переводов книг разных авторов с обзором русской литературы, драматургии, с особым вниманием к чеховскому творчеству. Тогда вышел перевод книги известного анархиста П. Кропоткина «Курс лекций по истории русской литературы», книга В. Немировича-Данченко «Искусство. Драматургия. Жизнь». В этом ряду были книги не только русских ученых, но и зарубежных, например, «Русская литература», написанная англичанином Maurice Baring, книга японца

⁷¹ Мань Тао. О «Вишневом саду» – послесловие переводчика. – Шанхай: Культурная жизнь, 1940. С. 149–150. 满涛. 《樱桃园》译后记. 文化生活出版社, 1940. 第 149-150 页.

⁷² Цзяо Цзюйинь. О «Вишневом саду» – послесловие переводчика. – Чунцин: Книжная комната писателей, 1947. С. 137. 焦菊隐. 《樱桃园》译后记. 作家书屋, 1947. 第 137 页.

Нобори Сёму (昇曙夢) «Русская современная мысль и литература», книга еще одного японского автора Йонегавы Масао (米川正夫) «Русская литературная мысль». Вышло более сорока публикаций и книг, посвященных конкретно творчеству Чехова, три книги в жанре биографии прозаика и драматурга с одинаковым названием: «Антон Чехов». Одна из них принадлежит Михаилу Павловичу, брату Чехова, авторство других – не указано, но указаны имена переводчиков, книга «Записки Чехова» книга писем Чехова и к Чехову.

С образования Нового Китая начался, можно сказать, этап зрелого освоения творческого наследия Чехова, дальнейшего совершенствования переводческой работы. При этом число переводов советской литературы в 1950-е годы составило почти 9/10 от общего числа переводов русской литературы, переводы классической русской литературы составили лишь 1/10. Это было связано и с тем, что большинство произведений русской классики было уже переведено. Но число переводов чеховской прозы и научных работ о писателе и драматурге было все-таки значительно, что показывает следующая гистограмма:

В этот период появились новые объемные сборники чеховской прозы. С 1950 года по 1958 год Шанхайское издательство Пинмин и издательство Новое Искусство опубликовали двадцать семь сборников произведений Чехова, которые перевел Жу Лун. Он известен как лучший переводчик русского классика. Книги

вышли под следующими названиями: «Сборник ведьм», «Сборник приемов врача», «Сборник тоски», «Сборник приданого», «Сборник едоков», «Сборник ярких огней», «Сборник жен», «Сборник ужасов», «Сборник любви», «Сборник зеркал», «Сборник банкетов», «Сборник отцов», «Сборник невест», «Сборник дуэлей», «Сборник искусства», «Сборник крестьян», «Сборник соседей», «Сборник крыжовников», «Сборник ректоров», «Сборник старости», «Сборник детей», «Сборник поющих девушек», «Сборник врагов», «Сборник красавиц», «Сборник врачей», «Сборник пари». Названия, конечно отражают специфику китайской номинации. Книги содержат двести двадцать переводов чеховских рассказов и повестей.

В 1954 году в двадцать третьем томе Жу Лун опубликовал обстоятельную работу «А.П. Чехов и его проза», позволившую китайским читателям узнать, с каких позиций китайский переводчик рассматривал произведения Чехова, какие главные черты его творчества учитывал в своей работе⁷³. Публикации по тематике были нарушением авторской воли, позже в Китае стали выходить сочинения классика в хронологическом порядке их написания.

В предыдущий период, примерно, один из десяти переводов делался с русского языка, но к середине 1950-х годов цифры «перевернулись», уже девять из десяти переводов переводились с русского языка, что, естественно, отразилось на качестве переводов⁷⁴.

Известная культурная революция 1966–1976 годов, ухудшение отношений между Китаем и СССР приглушили внимание к Чехову в Поднебесной. Это продолжалось до политики реформ и открытости (1978). Можно заметить, что до переломного 1978 года всей зарубежной литературе практически не уделялось внимания. Исключительное и характерное явление этого периода – упомянутый переводчик Жу Лун. Переводчик работал с Чеховым в годы так называемой культурной революции, когда выход книг по русской и вообще по зарубежной

⁷³ Серебряков Е.А. Чехов в Китае // Литературное наследство. 2005. – Т. 100, № 3. С. 5–51.

⁷⁴ Лю Яи. О переводе и изучении Антона Чехова в 1950-х годах в Китае: дис. ... маг. филол. наук. – Чанша, 2019. С. 15. 刘雅仪. 20世纪50年代契诃夫在中国的译介研究. 湖南师范大学, 2019. 第15页.

литературе был невозможен. Обвиненный в защите феодализма, капитализма в ревизионизме он продолжал работать. За темное десятилетие Жу Лун перевел около 90 % всего Чехова, причем без возможности публикации. На пятом десятке лет мастер перевода изучил русский язык и затем заново перевел с русского языка все произведения Чехова, которые ранее переводил с английского языка. Его новая Чехова считается в Китае классической. Естественно, сейчас труд Лу Жуна оценен по достоинству. Писатель Ба Цзинь отметил, что Жу Лун «посвятил всю свою жизнь творчеству Чехова, благодаря ему, многие китайские читатели полюбили Чехова»⁷⁵.

Современный чеховед Чжу Исэнь, выпускник МГУ, пишет: «В страшное десятилетие культурной революции, когда кара грозила за чтение иностранной литературы, невольно возникало опасение, что русский писатель будет забыт, но этого не случилось... Имя Чехова и его бессмертные произведения уже давно глубоко укоренились в сердцах многочисленных китайских читателей... После лет страданий в изменившихся общественных условиях с особым интересом они обратились к чеховским произведениям, открывая в них все новые достоинства»⁷⁶.

Согласно «Каталогу переводов и публикаций зарубежной классической литературы с 1949 по 1979 год», за этот период были переведены и опубликованы произведения двухсот семидесяти шести писателей из сорока семи стран, среди них сорок шесть – русские классические писатели. И здесь выделяется количество переводов сочинений Чехова – более восьмидесяти произведений, сорок, пятьдесят, шестьдесят переводов творчества А. Пушкина, Л. Толстого, И. Тургенева соответственно.

С 1980 года Шанхайское издательство переводов начало выпускать шестнадцать томов Чехова в переводах Жу Луна, последний том вышел в 1999 году. Тогда же, с 1990-х годов, стали выходить новые переводы новых переводчиков –

⁷⁵ Вэнь Ин. Жизнь переводчика Жу Луна // Новости китайского чтения. 2008-03-14. 文颖. 翻译家汝龙的一生. 中华读书报. 2008年3月14日.

⁷⁶ Чжу Исэнь. Мастер рассказа Чехов. – Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета, 1984. С. 6. 朱逸森. 短篇小说家契诃夫. 上海: 华东师范大学出版社, 1984. 第6页.

Чжоу Бодуна, Чжан Шэньюя, Ся Чхунъи, Хуан Чжижуя, Ли Хуэйфаня, Чжу Исэня. В новое тысячелетие к ним присоединились Юань Наньнань, Сун Синьпин, Вэнь Бинь, Цю Юньхуа, Лю Баоюй, Ван Минь, Пэн Хуэй и другие. В текущем столетии было опубликовано более пятидесяти сборников произведений, вышел перевод монографии М. Громова «Книга о Чехове» (2003), переводы работ французского, канадского ученых.

Прав Г. Бялый, заметивший, что «смысл чеховского творчества был поучителен и важен для читателей всего мира и при жизни писателя, когда за рубежом его знали еще не все, и после его смерти, когда началась его мировая слава. Тогда всем стало ясно, что, говоря о России, Чехов – новеллист и драматург говорил обо всем современном человечестве, о его противоречиях и надеждах, о его настоящем и будущем»⁷⁷. В отношении Китая эти слова особенно верны и актуальны.

⁷⁷ Бялый Г.А. Антон Чехов. История русской литературы: в 4 т. – Л.: Наука, 1983. – Т. 4. С 230.

Глава 2. А. Чехов и китайская литература:

связи генетические и типологические

2.1. А. Чехов и китайская литература нового времени

Сравнительное литературоведение – продуктивное направление современной филологии. В. Жирмунский, продолжая и развивая учение А. Веселовского, кроме других, как особо важное, выделил сравнение литературных явлений, обусловленных генетическими связями на основе культурных взаимодействий, влияний, заимствований, обусловленных близостью народов, схожестью общественно-исторических обстоятельств⁷⁸.

В эпоху глобализации изучение взаимосвязи литератур разных народов стало особенно актуально. Действительно, чем больше расширяется – географически и исторически – круг литературных явлений, тем очевиднее становится взаимосвязь этих явлений или, во всяком случае, необходимость изучать их в сопоставлении, не изолированно, а в общем контексте художественной деятельности человека⁷⁹. В этом плане интересно, в некотором смысле поучительно, рассмотрение разного рода связей творчества Антона Чехова и с современной китайской литературой.

В реальных исторических условиях не существовало и не существует абсолютно изолированного общественного и культурного развития⁸⁰. Именно эти исторические и социальные факторы повлияли на генетические и типологические связи чеховской прозы и китайской литературы. Чехов писал в кризисный период Российской Империи. Тогда, как отзвук половинчатых антикрепостных реформ, возник ряд сложных социальных проблем, шли процессы, которые вели к революции, кардинально изменившей судьбу страны и народа. Начало XX века было чрезвычайно сложным и для китайского народа. В 1911 году Синьхайская революция свергла монархию, просуществовавшую в Китае в течение тысячи лет.

⁷⁸ Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. С. 194.

⁷⁹ Виппер Ю.Б. Творческие судьбы и история. О западноевропейских литературах XVI – первой половины XIX века. – М.: Художественная литература, 1990. С. 300.

⁸⁰ Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. С. 195.

Свержение многовековой власти не могло пройти бескровно. С наступлением демократизации в Китае началось движение за новую культуру, примерно, 1915–1923 годы. В этот кризисный период где-то в конце второго десятилетия наступившего века зарождалась новая, в китайской историографии – современная, китайская литература. В этот период китайские литераторы стремились заимствовать художественный опыт зарубежной литературы, в большой степени русской, развитие которой приходилось в схожие переломные для страны годы.

В ряду особенно привлекательных для китайских литераторов российских авторов выделился Антон Чехов. Его произведения заставляли переосмыслить явления текущей жизни, подталкивали к выводу – так жить больше нельзя. Их привлекала подлинность отображения действительности русским писателем, чеховский реализм. Китайские литературоведы слышали и цитировали слова уважаемых предшественников Чехова, высоко оценивавших мастерство своего коллеги современника В. Короленко, пророчившего долгую жизнь не своим, а именно чеховским произведениям. Авторитет Чехова-новатора в глазах китайцев существенно поднимал Л. Толстой, например, такой впечатлившей их оценкой современника: «Он создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы письма, подобных которым я не встречал нигде»⁸¹.

Изучение чеховских «новых формы» предполагает, в частности, внимание своеобразию чеховского реализма, самобытности построения художественного хронотопа в его прозе, по М. Бахтину – взаимосвязи временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе⁸². По наблюдениям И. Сухих, хронотопу дочеховской литературы свойственны замкнутость и однородность. Доминантный же хронотоп чеховского творчества строится на «разомкнутости, неограниченности мира, психологической неоднородности». Иначе говоря, чеховский художественный мир безграничен и не предрешен⁸³. Прав и В. Катаев, оценивший полную прописку «среднего человека»

⁸¹ Л.Н. Толстой и А.П. Чехов. Рассказывают современники, архивы, му. зеи... / Сост., комм. А.С. Мелковой. – М.: наследие, 1998. С. 285–287.

⁸² Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. Лит, 1975. С. 234–235.

⁸³ Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 142.

у Чехова⁸⁴. Прав В. Маяковский, заметивший, что «литература до Чехова – это оранжерея при роскошном особняке “дворянина”»⁸⁵.

На взгляд Лу Синя, творчество Чехова «всех новее и ближе к китайскому миру»⁸⁶. Антон Чехов действительно привлекал китайских литераторов своим новым реализмом. Для образования литературы нового времени в Поднебесной перенимались многие особенности чеховского творчества, краткость, объективность повествования, своеобразие юмора, граничившего с сатирой, амбивалентное изображение «маленького человека», неприятие рабской психологии, пошлости, глухоты взаимонепонимания и т. д.

Первым очевидным «выпускником» школы Чехова можно назвать Лу Синя (настоящее имя – Чжоу Шужэнь, 1881–1936)⁸⁷. Как было уже упомянуто, будущий классик с юности читал Чехова, называл его своим «любимым писателем»⁸⁸. С начала творческой деятельности он стал переводить его на родной язык. Лу Синь, особенно ранний, писал под глубоким влиянием Чехова. Это часто оговаривается в литературоведении Китая. Влияние было столь очевидно, что их назвали «писателями-близнецами»⁸⁹.

Можно отметить, что сходство есть и в биографии того и другого писателей. Оба они знали дорогу в ломбард, обоим в детстве приходилось отдавать туда семейные вещи в материально тяжкие времена. Оба они пришли в литературу после получения медицинского образования. Лу Синь говорил, что медицина не спасет народ, нужно, прежде всего, врачевать его «духовное здоровье»⁹⁰. Нет сомнений, что под этими словами подписался бы и Антон Павлович. Хотя, конечно,

⁸⁴ Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. – М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 45–46.

⁸⁵ Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. – М.: Гослитиздат, 1955. – Т. 1. С. 298–299.

⁸⁶ Лу Синь. Полн. собр. соч.: в 16 т. – Пекин: Народная литература, 1981. – Т. 6. С. 219. 鲁迅. 鲁迅全集 16卷. 北京: 人民文学出版社, 1981. 第6卷. 第219页.

⁸⁷ Все его нижеупомянутые рассказы переведены на русский язык.

⁸⁸ Ли Хэлинь. Мнения Лу Синя. – Шанхай: Шанхайский книжный магазин Бэйсинь, 1930. С. 146. 李何林. 鲁迅论. 上海: 上海北新书局, 1930. 第146页.

⁸⁹ Го Можо. Сбор. соч. – Пекин: Издательство народной литературы, 1958. С. 196–199. 郭沫若. 沫若文集. 北京: 人民文学出版社, 1958. 第196–199页.

⁹⁰ Лу Синь. Полн. собр. соч.: в 4 т. – Хайкоу: Издательство Хайнаня, 2011. – Т. 1. С. 216–218. 鲁迅. 鲁迅文集 4卷. 海口: 海南出版社, 2011. 第1卷. 第216–218页.

медицинское образование, врачебный опыт оказали на них существенное положительное влияние, и дело не только в том, что в их художественных мирах много врачей, «случаев из практики». Чехов писал, что ему, «благодаря близости к медицине... удалось избежать многих ошибок»⁹¹. Под этими словами вряд ли отказался бы подписаться Лу Синь. Биографических и творческих совпадений много до самого факта их кончины. Оба писателя страдали заболеванием легких и умерли от туберкулеза. Можно сказать, что типологическая близость этих писателей была предопределена и субъективными, и объективными обстоятельствами.

Известность Лу Синю принес рассказ «Записки сумасшедшего» (1918). Кстати сказать, это первое произведение новой литературы на живом, повседневном, китайском языке, путем этого языка пошли затем писатели современники и писатели последующих поколений. «Записки сумасшедшего» – своеобразный ремейк одноименной гоголевской повести. В этом рассказе в форме дневника от первого лица отображается паническое состояние, бесконечный бред безыменного сумасшедшего, который видит всех окружающих не просто убийцами, а каннибалами, жаждущими сожрать друг друга, а прежде всего – его самого.

При этом китайскому безумцу важно вникнуть в философию человеческого поступка. Он читает книги по истории и обращает внимание, что слова «гуманность», «справедливость», «добродетель» уравновешены словами противоположными⁹². Несчастный приходит к мысли о лицемерии человечества: маска гуманизма не мешает «пожирать людей»⁹³. Критики из России тоже отмечают, что это сочинение имеет подтекст, что бред сумасшедшего отражает скрытую истинную жестокость человеческого общежития⁹⁴.

⁹¹ Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 211.

⁹² Лу Синь. Повести и рассказы. – М.: Издательство Художественной литературы, 1971. С. 52.

⁹³ Цю Цзытун. Возникновение и упадок безумия – Сравнивая «Записок сумасшедшего» Лу Синя и «Палаты № 6» Чехова // Новые действительности. 2022. № 5. С. 3. 邱子桐. 疯癫的产生与消亡——比较鲁迅的《狂人日记》与契诃夫的《第六病室》. 新纪实. 2022年. 第5卷. 第3页.

⁹⁴ Ветрова А.А. Художественное осмысление социальных противоречий Китая в сборнике малой прозы Лу Синя «Клич» // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2023. № 1(98). С. 82.

Литературоведы в Китае, анализируя «Записки сумасшедшего», естественно, вышли и к Чехову, к его «Палате № 6», тогда уже переведенной на китайский язык. По мнению Г. Бялого, в мире, неразумном до фантастичности и ненормальном до безумия, нормальное воспринимается как ненормальность, а безумие как здравый смысл. У Чехова в «Палате № 6» показано то «всеобщее безумие», которое считается обыденным порядком жизни⁹⁵. И в чеховском, и в китайском произведениях изображен схожий род абсурда в социуме. Следует заметить, что эта чеховская повесть сильно впечатлила не только Лу Синя, но и многих других китайских писателей, подвигла их написать сюжетно и идейно схожие сочинения. Главная идея «Палаты № 6» в Китае воспринята так же, как в России – «изображение большого Сахалина – царской России»⁹⁶.

Трудно сказать, генетическая или типологическая связь наблюдается между двумя этими произведениями, но она есть. Описание мании преследования Ивана Громова – «Он всегда возбужден, взволнован и напряжен каким-то смутным, неопределенным ожиданием. Достаточно малейшего шороха в сенях или крика на дворе, чтобы он поднял голову и стал прислушиваться: не за ним ли это идут? Не его ли ищут? И лицо его при этом выражает крайнее беспокойство и отвращение» – почти повторяется в описании мании преследования безымянного больного Лу Синя⁹⁷. Вот строчки из рассказа: «Еще человек семь-восемь шептались между собою обо мне... Один из них был особенно злым; увидев меня, он рассмеялся во весь рот. Меня с головы до пят пронизала холодная дрожь, и я понял, что их приготовления уже закончены»⁹⁸.

Лу Синь предпочитал русскую литературу, поскольку в ней, по его мнению, всегда живет надежда, в ней много «крика и сопротивления»⁹⁹. Лу Синь и другие

⁹⁵ Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. – Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1990. С. 291.

⁹⁶ Гуцин М. Творчество А.П. Чехова. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1954. С. 75.

⁹⁷ Все ссылки на художественные произведения Чехова, прозаика и драматурга, делаются изданию: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009.

⁹⁸ Лу Синь. Повести и рассказы. – М.: Издательство Художественной литературы, 1971. С. 50.

⁹⁹ Лу Синь. Сборник рассказов о юге и севере. – Пекин: Издательство народной литературы, 1973, С. 82.鲁迅.南腔北调故事集.北京:人民文学出版社,1973,第82页.

литературоведы узрели эту надежду в словах протеста Громова, убеждавшего окружающих, что «воссияет заря новой жизни, восторжествует правда, и – на нашей улице будет праздник!». Китайский безумец, по мнению литературоведов, близок безумцу Громову пафосом поиска добра и справедливости¹⁰⁰. Его разоблачения очень глубоки, уходят в критику конфуцианской этики, говорят о ее лживости, несостоятельности. Можно обратить внимание на специфику реализма Антона Чехова и Лу Синя, на схожесть их символики – палата, ночь, тьма, луна и т. д. В традиции обоих писателей, и Чехова, и Лу Синя, ставить диагноз больному обществу, но не выписывать рецепт излечения.

Следы Чехова можно обнаружить и в рассказе «Кун Ицзи» (1919). Кун Ицзи, главный персонаж этого сочинения напоминает известного несчастного злодея учителя Беликова. «Человек в футляре» был переведен на китайский еще в 1916 году, до сих пор входит в школьную программу по литературе. Их связывает консерватизм, почитание власти, желание поучать окружающих. Есть и внешнее сходство, Беликов всегда ходил в пальто, Кун Ицзи всегда ходил в халате. Футлярность обоих вызывает у окружающих презрение и насмешки. Оба антигероя в конце умирают. Хоронить Беликова, заключает повествователь Чехова, «большое удовольствие», собственно, такое заключение мог сделать и повествователь Лу Синя.

Известно, Чехов был внимателен к внутреннему миру маленького человека, он один из первых реформировал взгляд на него классиков-предшественников. Нельзя сказать, что писатель не сочувствует бедным, не чиновным, но они у него могут быть и бездушными, и лицемерными, и пошлыми и точно не вызывать сочувствия. Более того, Чехов мог видеть в них «завтрашних тиранов и деспотов». Об этом чеховский рассказ «Торжество победителя», в котором главный персонаж,

¹⁰⁰ Лю Бибо. О влиянии Чехова на создание образа «сумасшедшего» в рассказе Лу Синя // Вестник Юго-Западного сельскохозяйственного университета. 2009. № 7-5. С. 132. 刘碧波. 试论契诃夫对鲁迅小说中“狂人”形象创造的影响. 西南农业大学学报. 2009年. 第7卷. 第5期. 第132页.

некогда несчастный Козулин, стал более жестоким и злобным, чем его бывшие притеснители¹⁰¹.

С «Торжеством победителя» коррелирует рассказ Лу Синя «Подлинная история А-кью» (1921). Он об опасности, таящейся в маленьком человеке, о зле, которое ходит по кругу и имеет особенность – возвращаться. Крестьянин А-кью, униженный и оскорбленный, позволяет себе угнетать более, чем он, униженных и оскорбленных. В Китае литературоведы говорят о жизненности характеров Лу Синя. Именно о том, что отличает Антона Чехова. Оба они описывали проявления бесчеловечности и несправедливости как со стороны властей, так и в отношениях между обычными людьми.

Примечательно, оба писателя работали в жанре малой прозы, писали рассказы и повести. Лу Синь, как и Антон Чехов, отличается исключительной емкостью. Он учился у Чехова, писал под косвенным влиянием русского мастера. Китайский прозаик, несомненно, слышал, знал известное чеховское изречение «краткость – сестра таланта». Он признавался, что «старается избегать многословия, почти не останавливался на второстепенных, побочных моментах и ограничиваюсь лишь тем, чтобы достаточно полно передать другим свои мысли»¹⁰². Чаще всего он показывал только одно событие с некоторыми героями, или же писал об одной встрече, о беседе, о впечатлении. Китайские исследователи полагают, что данный стиль у него взят именно от Чехова¹⁰³.

Таков, например, рассказ «Родина» (1921), он о встрече повествователя на малой родине с другом детства, сыном домработника. Спустя годы бывший друг стал запуганным и подавленным. Разница в статусе, которая не замечалась в детстве, стала препятствием их взаимопониманий. Когда друг принял почтительную позу и обратился к собеседнику «господин», тот понял, что их разделяет стена. Нет сомнения, что этот рассказ и генетически, и типологически

¹⁰¹ Бердников Г.П. А.П. Чехов – идейные и творческие искания. – Л.: Гослитиздат, 1961. С. 36.

¹⁰² Лу Синь. Избранное: пер. с кит. / Лу Синь; [вступ. ст. Л. Эйдлина, с. 5–34; коммент. В. Петрова]. – М.: Худож. лит., 1989. С. 8.

¹⁰³ Ван Фужэнь. Ранняя проза Лу Синя и русская литература. – Тяньцзинь: Тяньцзиньское образовательное издательство, 2008. С. 84. 王富仁. 鲁迅前期小说与俄罗斯文学. 天津: 天津教育出版社, 2008. 第 84 页.

связан с чеховским рассказом «Толстый и тонкий». Однако, рассказ у Чехова выдержан в юмористических тонах, а у Лу – в драматических. «Родина» о социальной стене, об атмосфере глухоты. Рабская психология, глубоко укоренившаяся в повседневной жизни, тревожила обоих писателей. Они разоблачают это явление в простых житейских эпизодах, вполне реалистично. Оба рассказа включены в обязательные учебные программы китайских школьников.

Еще общее, у обоих прозаиков много рассказов, где так или иначе фигурируют дети, можно предположить, что их занимал вопрос воспитания, тема взаимоотношения детей и взрослых. У Лу Синя есть изящный трогательный рассказ «Кролики и кошка» (1922). В нем описывается, как дети переживали за несчастных зайцев, которых съела уличная кошка. Этот небольшой рассказ, вероятно, что-то особенно значил для писателя. Он был единственным произведением, которое Лу Синь лично переводил на иностранный язык. Китайские литературоведы полагают, что к написанию данного сочинения Лу Синя подтолкнуло чтение столь же трогательного чеховского рассказа «Событие»¹⁰⁴. В нем автор описал детские восторги вокруг маленького котенка в начале рассказа и их драматичные переживания в конце, когда пушистый комочек разорвала собака. Оба автора тонко отображают детские переживания, их неприятие зла окружающего мира, передают как бы само ощущение детства.

Творческое соответствие обоих писателей открывается так же в их внимании к людской черствости, апатичном отношении к чужой боли, к равнодушному отношению к страданиям других людей. Рассказ «Моление о счастье» (1924) вызывает в памяти читателя чеховский рассказ «Тоска». Само заглавие «Тоски» – «Кому повем печаль мою?..» – начало духовного стиха об Иосифе Прекрасном, проданном в рабство своими братьями. Как Иосиф плакал не о себе, а обо всем человечестве, так и «тоска Ионы – тоска всечеловеческая»¹⁰⁵. В этом рассказе ярко выражена отмеченная особенность чеховского хронотопа – психологическая

¹⁰⁴ Чжан Юфэй. Сравнение «События» Чехова и «Кроликов и кошки» Лу Синя // Преподавание русского языка в Китае. 2023. № 42-1. С. 88. 张宇飞. 契诃夫的《变故》与鲁迅的《兔和猫》之比较. 中国俄语教学. 2023年. 第42卷. 第1期, 第88页.

¹⁰⁵ Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. – М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 37.

неоднородность. Людей, находящихся физически близко друг к другу, разделяют душевные барьеры, равнодушие.

В «Молении о счастье» описывается судьба бедной женщины домработницы Сян Линь. Несчастливая похоронила первого мужа, затем второго мужа, и единственного сына. Ее горе обостряет тот факт, что не с кем поделиться своей горькой долей, а те, с кем она пробовала делиться, не только не сочувствовали ей, но и надсмехались над ней. Таково было и положение чеховского Ионы. Конечно, не случайно Чехов дал своему страдающему герою имя, напоминающее библейского страдальца, которому так же, как Иосифу, некому поведать печаль свою. Финал рассказа китайского писателя тоже обостренно драматичен. Сян Линь потеряла место, стала нищенкой. Она задает вопрос о существовании ада, вероятно, полагая, что ад она переживает на земле, но никто не дает женщине ответа на этот вопрос. Сян Линь умирает, но никому нет дела до ее смерти, окружающие заняты наступившим праздником. Можно отметить, что оба рассказа связывают схожие сюжетные повороты, примечательно, герой Чехова и героиня Лу в конце концов беседуют сами с собой, испытывают экзистенциальное одиночество.

К рассказам «Тоска» и «Моление о счастье» примыкает чеховская повесть «Скучная история», где говорится о том, что «равнодушие – это паралич души, преждевременная смерть». Лу Синь написал свой рассказ совсем вскоре после публикации этой повести на китайском языке.

О переживаниях, по Чехову, не должен говорить автор-рассказчик, все то, что на душе героя, по мнению писателя, должен чувствовать сам читатель¹⁰⁶. Лу Синь относился к тем почитателям русского классика, которые вняли этому суждению. Он подчеркивал черствость человека посредством объективного, как бы нейтрального описания, избегая подробностей, резких противопоставлений, в итоге у читателей образовалось «самостоятельное» сочувствие к страдающим персонажам.

¹⁰⁶ Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 297.

По мнению Чехова, лучшие из писателей «реальны и пишут жизнь такую, какая она есть»¹⁰⁷. Все это было близко китайским деятельным участникам литературной революции. Лу Синь и шедшие за ним писатели старались показать действительность, народную жизнь как она есть. Они порвали со старой традиционной установкой – писать о верхах, начали брать в качестве своих героев простых людей, искали и создавали типические образы.

Лу Синь создал тогда ряд ярких образов женщин, вызывающих в памяти именно чеховских героинь, кроме «Моления о счастье» можно вспомнить еще такие сочинения, как «Завтра» (1919), «Развод» (1925). В этом ряду, например, запоминающийся образ интеллигентки из рассказа «Скорбь по ушедшей» (1925), в нем повествуется о женщине, которая стремилась к любви и браку в согласии со своими чувствами. По сути Цзы Цзюнь боролась за человеческое достоинство, восставая против общественного мнения. Рассказ заканчивается трагически, молодая женщина в конце концов покончила собой, не выдержав расставания с любимым человеком. Эти и другие рассказы писателя были актуальны в контексте обсуждаемой тогда в китайском обществе темы женской эмансипации. Еще раз отметим, что именно тогда в китайском языке появилось местоимение «она» в параллель местоимению «он». Как известно, Чехов, автор «Бабьего царства», «В родном углу», «Невесты», нередко упоминается в ряду писателей, поднимавших вопрос женской эмансипации. Цзы Цзюнь типологически напоминает Зинаиду Федоровну, героиню повести Чехова «Рассказ неизвестного человека».

Внешне равнодушный к социальным катаклизмам Чехов, конечно же, писал в надежде лучшего обустройства жизни. Иначе он не совершил бы, можно сказать, героической поездки на Сахалин. Китайский прозаик открыто признавался, что пишет «ради жизни», для улучшения жизни. В своем творчестве он прежде всего старался «обнажать болезни общества, чтобы двигаться к их исцелению»¹⁰⁸. В этом контексте вспоминается утверждение Чехова, который в свойственной ему

¹⁰⁷ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 5: Март 1892–1894. С. 133.

¹⁰⁸ Лу Синь. Полн. собр. соч.: в 16 т. – Пекин: Народная литература, 1981. – Т. 4. С. 512. 鲁迅. 鲁迅全集 16卷. 北京: 人民文学出版社, 1981. 第4卷. 第512页.

юмористической манере говорил, что его цель – «убить сразу двух зайцев: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы»¹⁰⁹. Таким образом оба они были свидетелями и летописцами действительности, разного рода процессов и умонастроений современников. Лу Синь – писатель, имеющий мировое признание, особенно высоко его чтят, можно сказать, во всех странах Азии. Следовательно, посредством Лу Синя, чеховская школа имеет воздействие на всю азиатскую словесность, и, по большому счету, не важно, упоминают или не упоминают азиатские литераторы имя русского писателя или русских писателей наряду с именем Лу Синя.

Виднейшим прозаиком наряду с Лу Синем видится Е Шэнтао (настоящее имя – Е Шаоцзюнь, 1894–1988). Он вышел из бедней семьи, с трудом закончил среднюю школу, после чего начал работать сельским учителем. В 1920-е годы прошлого века произведения Е Шэнтао регулярно печатались в журнале «Ежемесячник новеллистики», где помещались переводы иностранной прозы, в частности и рассказы Чехова. Многие китайские и зарубежные литературоведы утверждают, что Е Шэнтао читал Чехова и учился у него. Особенно подробно об этом писал чешский литературовед Я. Прушек¹¹⁰. Значимых конкретных доказательств много, достаточно яркий пример – рассказ «Молодежь» (1924). У главного героя этого рассказа на стене висят три портрета трех главных авторитетов – Лев Толстой, Ханс Андерсен и Антон Чехов. Герой, как можно предполагать, автобиографичен, на связь с Андерсеном указывает наличие у Е Шэнтао одноименного произведения – «Новый наряд короля» (1930).

Писатель, в чеховском понимании, должен непременно выработать в себе зоркого, неутомимого наблюдателя¹¹¹. Именно такой наблюдательностью отличается Е Шэнтао. При описании самых обыденных явлений жизни он подводит читателя к осознанию ее скрытой, незаметной для других, пошлости,

¹⁰⁹ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 3: Октябрь 1888–декабрь 1889. С. 180.

¹¹⁰ Прушек Я. Е Шаоцзюнь и Чехов (пер. Ин Хуэйминь) // Вестник Шандунского педагогического университета. 1983. № 1. С. 86. 雅罗斯拉夫·普实克著., 尹慧珉译. 叶绍钧和契诃夫. 山东师大学报. 1983年. 第1期. 第86页.

¹¹¹ Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 298.

порождает иронию. Показательный пример – рассказ «Друг» (1920), автор восстает против того, что является нормой для массового сознания – брак малолетних. Герой-повествователь пришел на свадьбу двенадцатилетнего сына своего давнего приятеля, вспоминает, как тринадцать лет назад этого приятеля в тринадцать лет родители поженили с малознакомой ему девушкой. Брак был явно без любви, следовал по шаблону жизни, сформированному предками, по принципу: женился – перед родом не стыдно, отцовский долг выполнен. Повествователь видит в череде празднований череду семейных драм, замкнутый круг несчастий, порождающих счастья.

Типологически этот рассказ соотносится с чеховским рассказом «Припадок», перевод которого был опубликован несколькими месяцами раньше в регулярно читаемом Е Шэнтао журнале «Ежемесячник новеллистики». Е Шэнтао, естественно, не мог пропустить чтение этого рассказа. В том и другом рассказе заложен протест против аморальных явлений, принятых обществом. Как героя китайского рассказа возмущает корыстная женитьба малолетних, так герой русского рассказа восстает против проституции, более, чем сам грех, его возмущает спокойное к этому явлению отношение людей. Оба сочинения относятся к разряду психологических, строятся на внутренних монологах. Схожи и финальные части рассказов, один герой находит выход из болезненных переживаний в алкоголе, другой – в психотропных препаратах.

Е Шэнтао занимает особое место в современной китайской литературе, во-первых, он зачинатель собственно детской литературы, во-вторых, он автор вряд ли не первой литературной авторской сказки, в 1922 году он написал сказку «Пугало» (1922). По мнению китайских литературоведов, и в этом деле важную роль сыграло творчество Чехова, его такие широко известные рассказы о детях и для детей, как например, «Ваньки» «Спать хочется», «Устрицы»¹¹². Типологические очертания «Ваньки» просматриваются в рассказе Е Шэнтао о маленькой девочке, ее и назван рассказ, «А Фэн» (1921). Она, как и чеховский

¹¹² Лю Янь. Чехов и современная китайская литература: дис. ... канд. филол. наук. – Цзилинь, 2003. С. 39–40. 刘研. 契诃夫与中国现代文学. 东北师范大学, 2003. 第 39–40 页.

Ванька, живет в приемной семье и так же страдает от непосильной работы, брани. Вся разница в том, что А. Фэн принята в этот дом с тем, чтобы в будущем стать невесткой. Единственной радостью для девочки становится домашний кот, только с ним она находит утешение. А Фэн, равно как и Ванька скучает по родному дому и, конечно, мечтает о другой жизни. Рассказы похожи не только сюжетными построениями, но и неспешной повествовательной манерой, лирическими вставками, пониманием детской психологии. Эмпатия к герою особенно сближает тот и другой рассказ. Вот строчки Чехова: «Убаюканный сладкими надеждами, он час спустя крепко спал... Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам... Около печи ходит Вьюн и вертит хвостом...». Строчки Е Шэнтао: «Она все забыла – невзгоды, обиды, даже самое себя. И если бы мир был соткан из любви, стремления к жизни и радости, он сосредоточился бы сейчас в одной А Фэн»¹¹³.

Не надо выдумывать страданий, – писал Чехов, – которых не испытал, и не стоит рисовать картин, которых не видел, ибо ложь в рассказе – скукота¹¹⁴. Е Шэнтао стремился изображать именно то, что он сам пережил и увидел. Работая в сельской школе, он познал низовую нищету, суровости и жестокости крестьянской жизни. Об этом рассказ «Утренняя прогулка» (1921), как и «А Фэн», переведенный на русский язык. Здесь дано повествование от первого лица, сельский учитель, в котором просматривается автор, прогуливается вдоль озера. Он заводит разговоры с крестьянами и ему, и читателю открываются безрадостные картины сельской жизни. Большую часть урожая забирают землевладельцы, некий помещик, господин Шао, может загубить человека за такое «серьезное преступление», как задолженность по арендной плате. Автор не говорит о душевных муках учителя и страданиях крестьян, описание по-чеховски сдержано, но то и другое понимает читатель. Г. Бялый справедливо отметил, что «говоря одинаковым тоном о больших и малых вещах, Чехов не делал различия между крупными и

¹¹³ Е Шэнтао. Одна жизнь: Рассказы / [Вступ. статья В. Сорокина]. – М.: Гослитиздат, 1960. С. 45.

¹¹⁴ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 10: Апрель 1901–июль 1902. С. 226.

мелкими явлениями, между значительными и незначительными событиями... разрушал привычное соотношение тем, сюжетов и авторских акцентов»¹¹⁵. Все это характерно и для Е Шэнтао, который покойно рассуждает о болезненной амбивалентности действительности.

Заметим, Е Шэнтао был одним из организаторов «Общества изучения литературы», созданного для изучения мировой словесности в связи с отечественной словесностью. Общество пропагандировало реалистическую литературу, как писалось, «жизненную», утверждало ту мысль, что литература призвана «пробуждать народные массы», описывать страдания людей, «кровь и слезы униженных»¹¹⁶. Лозунги общества были пафосными, а сам Е Шэнтао избегал пафосности, экспрессии, образно говоря, он писал, не повышая голоса, интеллигентно, тяготея к импрессии, и тут опять вспоминается Чехов. Китайский писатель признавался, что всегда пытался избегать дидактики, писать предельно «нейтрально»¹¹⁷. Как пример, можно рассмотреть рассказ «Тяжелый груз печали» (1921), где рассказчик описывает разговоры пассажиров на речном пароме, и разговоры эти тихие, спокойные, но очень печальные. Один переживает смерть детей, другой жалуется на голодную жизнь, третий – на тяжести крестьянского труда. Выразителен вывод стороннего рассказчика, ему представляется, что паром скоро утонет из-за этого тяжелого груза печали. Такое же, как бы со стороны, как бы спокойно, говорится о горе женщины, вынужденной выдать дочь замуж в другой город в рассказе «Попутчик» (1921). И таких примеров много.

А. Чудаков в «Поэтике Чехова» отметил, что с самого начала критика говорила о фрагментарности, этюдности произведений писателя, о том, что они только фиксируют непосредственные, мимолетные впечатления, не давая художественных обобщений, и т. п.¹¹⁸. Е Шэнтао, находясь под влиянием Антона

¹¹⁵ Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. – Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1990. С. 256.

¹¹⁶ Е Шэнтао. Одна жизнь: Рассказы / [Вступ. статья В. Сорокина]. – М.: Гослитиздат, 1960. С. 8.

¹¹⁷ Е Шэнтао. Полн. собр. соч.: в 25 т. – Нанкин: Издательство образования Цзянсу, 1990. – Т. 9. С. 248. 叶圣陶. 叶圣陶集 25 卷. 南京: 江苏教育出版社, 1990. 第 9 卷. 第 248 页.

¹¹⁸ Чудаков А.П. Поэтика и мир Антона Чехова: возникновение и утверждение. – М.: Эксмо, 2024. С. 299.

Чехова, избрал для себя схожий творческий путь. Писатель того же импрессионистского склада, он сторонился бурных эмоции, всяких «вдруг», резких антагонистических конфликтов, бежит оценок «от автора». Все подобное давало повод некоторым критикам упрекать его «в желании встать в позу стороннего наблюдателя, добру и злу внимать равнодушно»¹¹⁹. Как известно, подобные обвинения выдвигались и в адрес Антона Чехова, в частности его же другом А. Сувориным. На что Чехов отвечал со свойственным ему остроумием: «Вы браните меня за объективность, называя ее равнодушием к добру и злу, отсутствием идеалов и идей и проч. Вы хотите, чтобы я, изображая конокрадов, говорил бы: кража лошадей есть зло. Но ведь это и без меня давно уже известно. Пусть судят их присяжные заседатели, а мое дело показать только, какие они есть»¹²⁰. Эти мысли, по всей вероятности, близки китайскому прозаику, отсюда проистекает их родство, связи генетические и типологические.

Чехов признавался, что он хорошо знал тип школьного учителя¹²¹. Не случайно у него ряд произведений, где учителя выступают как главные герои, как центральные персонажи, хорошие и дурные. В этом плане чаще всего вспоминают рассказы «Учитель», «Учитель словесности», «Человек в фуляре», освещающие внутреннее содержание характеров. У Е Шантао, учителя со стажем, тоже немало повествований об учителях, сюжеты этих, как и других рассказов, он брал, по собственному признанию, «из жизни»¹²². Их он вписал, по словам, литератор Мао Дуня, «в серый ряд городских обывателей»¹²³.

Так, рассказ «Рис» (1921) об учителе У. Это жалкая персона, по протекции получившая место в школе. Время было голодное, рис продавался только в определенное время. Однажды, отстояв в очереди за рисом, У опоздал на службу.

¹¹⁹ Е Шэнтао. Одна жизнь: Рассказы / [Вступ. статья В. Сорокина]. – М.: Гослитиздат, 1960. С. 13–14.

¹²⁰ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 4: Январь 1890–февраль 1892. С. 54.

¹²¹ Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 285.

¹²² Е Шэнтао. Е Шэнтао о творчестве. – Шанхай: Шанхайское издательство литературы и искусства, 1982. С. 195. 叶圣陶. 叶圣陶论创作. 上海: 上海文艺出版社, 1982. 第 195 页.

¹²³ Е Шэнтао. Одна жизнь: Рассказы / [Вступ. статья В. Сорокина]. – М.: Гослитиздат, 1960. С. 9.

На беду в этот день в школу нагрянула комиссия. Проверяющий осудил опоздание учителя, посчитал, что он не любит свою работу, не имеет должного рвения. В наказание у несчастного вычли треть месячного жалования. У раздавлен этим наказанием. Как бы сжалившись, контролер одарил У какой-то суммой денег, и тот с радостью принимает эту подачку, «схватил монетку обеими руками»¹²⁴.

Схожесть видения жизни, тематики, проблематики Чехова и Е Шэнтао очевидны, и это отмечено исследователями¹²⁵. «Рис» типологически напоминает рассказ Чехова «Кошмар». Не генетически, а именно типологически, потому что на китайский язык рассказ Антона Павловича был переведен и опубликован позже на три десятилетия. Речь в рассказе Чехова идет о чиновнике по крестьянским делам по фамилии Кунин. Проверяя сельский приход, он не доволен местным священником Яковом. Он видит попа диким, грязным, грубым, глупым. Кунин написал на Якова докладную, обвинив его в отсутствии рвения, любви к своему делу. По заключению Кунина, этот священнослужитель не может быть «духовным отцом». Яков раздавлен, униженно просит определить его хотя бы писарем, и тут Кунин осознает драму жизни Якова, нищенское, полуголодное существование его семьи. Таким образом оба писателя утверждают, что нищество материальное влечет за собой нищество духовное.

Типологические связи этих рассказов просматриваются и в образе «среднего человека», к которому относятся учитель У и священник Яков. У Чехова это «представитель массы», главное в нем – обыкновенность, распространенность. Суть чеховского новаторства составляет стремление рассмотреть людей разных сословий и состояний под единым углом зрения, найти закономерности, характеристики сознания «среднего человека»¹²⁶. На такой литературный опыт Чехова обращал внимание и Е Шантао, изображая самых простых людей той эпохи.

¹²⁴ Е Шэнтао. Учитель Ни Хуань-чжи: Роман. Рассказы: Пер. с кит. / [Предисл. В. Сорокина]. – М.: Гослитиздат, 1956. С. 255.

¹²⁵ Прушек Я. Е Шаоцзюнь и Чехов (пер. Ин Хуэйминь) // Вестник Шандунского педагогического университета. 1983. № 1. С. 86. 雅罗斯拉夫·普实克著., 尹慧珉译. 叶绍钧和契诃夫. 山东师大学报. 1983年. 第1期. 第86页.

¹²⁶ Катаев В.Б. сост. и науч. ред. А.П. Чехов: энциклопедия. – М.: Просвещение, 2011. С. 45.

Тематическая связь просматривается между многими рассказами этих писателей. В пример можно привести рассказы Чехова «Любовь», «Дамы» и, соответственно, рассказы Е Шантао «Обыкновенная история» (1923), «Создание команды» (1926). В рассказах «Нахлебники» Чехова и «Одиночество» (1923) Е Шантао говорится о беспросветной жизни стариков. Персонаж Е Шантао оставлен всеми, и близкими, и далекими, он не живет, а доживает, погруженный в одиночество, перебирая картины прошедшей жизни. Старик с горечью осознает, что он забыт, никому не нужен. По сути, об этом же чеховский рассказ «Нахлебники». Старик Зотов под старость впал в беспросветную бедность. Драма обостряется еще тем, что на его иждивении живут старая собака и дряхлая лошадь. В отчаянии он решил, что поедет доживать к своей внучке, не зная, примет она его или не примет. Перед отъездом он просит соседа убить собаку и лошадь, полагая что одному ему легче будет разжалобить родственницу. Оба рассказа чрезвычайно трагичны, психологически убедительны, вызывают к состраданию. Примечательно, убедительно, трогательно о несчастных стариках писали два молодых человека: Чехову тогда было двадцать шесть лет, а Е Шантао – двадцать девять лет. Гуманизм – это то, что их объединяет очень основательно.

Такого или иного рода переключек в творчестве двух авторов много. Можно предположить, что основательное сравнение художественных миров этих писателей еще впереди.

В «родстве» с Антоном Чеховым и Лин Шухуа (1900–1990), одна из первых женщин-писателей. Она родилась в семье интеллигенции, с детства занималась живописью, получала хорошее образование. Модернизация общества и развитие родной словесности побудили ее к литературной деятельности. Будущая писательница училась у Чжоу Цзожэня, младшего брата Лу Синя. В 1924 году учитель помог ей с публикацией дебютных рассказов. В них Лин Шухуа выражала сочувствие женщинам, страдающим под гнетом пережитков феодальной этики. Рассказы были незрелыми и позже она не включала их в свои сборники. В 1925 году Лин Шухуа опубликовала рассказ «После выпивки», который привлек внимание современников, в том числе и Лу Синя. Очевидно, в это же время

произошла «встреча» писательницы с Чеховым, набиравшим тогда в Китае популярность. По мнению Чэн Сюэюна, специалиста по творчеству Лин Шухуа, писательница училась у Антона Чехова, современный литературовед находит в ее творчестве основательные чеховские реминисценции и мотивы¹²⁷.

Чеховед В. Ермилов справедливо отмечал такую особенность чеховского стиля, как «разговорность», самовыражение персонажей в своеобразии языка, что в ясном, динамическом сюжетном действии делает маленькие рассказы писателя «сценками» и «большинство из них, без какого бы то ни было насилия над их природой, свободно, естественно может перейти, перелиться в форму маленькой пьесы»¹²⁸. Известно, прозаик Чехов был склонен двигать сюжет с помощью диалога, отсюда его выход в драматургию был, можно сказать, неизбежен. Современники, в частности, один из первых – владелец частного театра Федор Корш, увидели в Чехове способности драматурга раньше, чем он сам осознал их наличие в себе.

Нечто чрезвычайно похожее случилось и с Лин Шухуа. Все началось с упомянутого рассказа «После выпивки», именно в нем современники усмотрели драматургическую завязку. После вечеринки взбалмошной жене вдруг захотелось поцеловать заснувшего гостя. Она долго уговаривала мужа допустить это, а получив разрешение на «kiss», передумала. Автор реалистично изображает женщину модернистской эпохи, распространения западной культуры, весьма далекой от культуры национальной, от традиционной этики. Большую часть этого сочинения занимают разговоры супругов, что позже и было реализовано в форме небольшой пьесы, кстати сказать, до сих пор идущей на сценах китайских театров. Понятно, диалог лежит в основании пьесы, он является сильной стороной этой писательницы. Собственно пьесы Лин Шухуа стала писать с 1928 года, и исследователи открывают в них «чеховскую разговорность». Конечно, эта разговорность, как уже было отмечено, отразилась не только в творчестве

¹²⁷ Чэн Сюэюн. О прозе Лин Шухуа // Китайские культурные исследования. 2000. № 1. С. 126. 陈学勇. 论凌叔华小说创作. 中国文化研究. 2000年. 第1期. 第126页.

¹²⁸ Ермилов В.В. Драматургия Чехова. – М.: Гослитиздат, 1954. С. 7.

Лин Шухуа, шире – в новой китайской прозе, в которой «доминировало повествование изложения»¹²⁹.

Учеба у Чехова у начинающей писательницы видится во многих ее сочинениях. Как на показатель особого внимания к Чехову, можно обратиться к случаю вокруг рассказа «До свидания» (1925). В этом сочинении бывшие влюбленные случайно встретились спустя годы. Девушка осталась такой же, какой была, доброй и светлой, мужчина же огрубел, стал строгим господином по отношению к окружающим его людям. Все, казалось бы, складывается, что они вновь станут парой, но этого не случилось, после выяснения некоторых отношений произошел окончательный разрыв. Закончив рассказ, Лин Шухуа написал приятелю-литератору Ху Ши, переводчику Чехова. В этом письме писательница просила его прочесть рассказ и подать совет: какая требуется доработка, чтобы «рассказ был по-чеховски красив». Она признается, что пыталась писать, как Чехов, но не получилось. Дальше она пишет: «Ты хорошо знаком с Чеховым и должен знать, как он работал над текстом. Не расскажешь мне?»¹³⁰. Ответа нет в архиве Лин Шухуа, но литературоведы предполагают, что он был. От момента написания до момента публикации прошло два месяца, и те же исследователи полагают, что советы Ху Ши она реализовала в окончательной редакции.

Чеховская «красота», к которой стремилась писательница, для нее выражалась прежде всего в стиле русского прозаика, в его, что называется, живописном реализме. Лин Шухуа очень романтично изображает неожиданную встречу у озера некогда любивших друг друга людей. Лирическая тональность сохраняется до конца рассказа, когда разлюбившее сердце увязывается с осенним похолоданием. О переживаниях по-чеховски напрямую не говорится, они скрыты в подтексте, в диалогах обо всем, занимающих почти все пространство рассказа. Как писал один из современников Лин Шухуа, она пишет о любви, не говоря о

¹²⁹ Лю Янь. Чехов и современная китайская литература: дис. ... канд. филол. наук. – Цилинь, 2003. С. 105. 刘研. 契诃夫与中国现代文学. 东北师范大学, 2003. 第 105 页.

¹³⁰ Лин Шухуа., ред. Чэнь Сюэюна. Сборник Лин Шухуа. – Чэнду: Сычуаньское издательство литературы и искусства, 1998. С. 899–900. 凌叔华著. 陈学勇编. 凌叔华文存. 成都: 四川文艺出版社, 1998. 第 899–900 页.

самом чувстве любви¹³¹. По мнению А. Чудакова, когда автор не подготавливает будущие метаморфозы героя, это сигнализирует именно о сложности душевных движений, которых Чехов не считает себя вправе касаться¹³². Обращаясь именно к этой недоговоренности, Лин Шухуа наследует опыт Чехова, держит дистанцию с описываемыми явлениями, отчего они становятся более трогательным.

Тема любви является одной из главных в творчестве Лин Шухуа. Писательница нередко изображает девушек, желающих быть любимыми, счастливыми в самом традиционном понимании – в семейной жизни, но их желаниям не дано осуществиться. Примеров рассказов на эту тему, много, самые известные это «Вышитые подушки» (1925), «После чая» (1925), «Поворот» (1935). Как известно, немало рассказов на эту тему и у Чехова, например, «Приданое», «Володя большой и Володя маленький», «В родном углу», «У знакомых».

В ряду несчастных у обоих писателей есть женщины, заслуживающие осмеяния, есть легкомысленные кокетки, есть такие, для которых замужество – самоцель. Такова двадцатилетняя Леля из «Скверной истории». Она страдает и негодует от своего одиночества. За ней ухаживает художник Ногтев, Леля ждет предложения, но художник предложил ей не руку и сердца, а место натурщицы. Так в рассказе «Чаепитие» (1925) Лин Шухуа изобразила похожую ситуацию. Главная героиня – девица на выданье Фаньин, воспитанная в традициях старой китайской культуры. Некоторое внимание ей оказывает брат подруги, недавно вернувшийся из-за границы. Это внимание молодого человека Фаньин воспринимает, как его влюбленность, она вся в ожидании сватовства. В финале подруга приглашает ее на свадьбу брата, она объясняет Фаньин, что ухаживание за многими дамами соответствует нормам современной западной этики. Все эти рассказы заканчиваются горьким смехом героинь. Типологические связи произведений основываются на необыкновенной наблюдательности Антона Чехова и Лин Шухуа, оба писателя тонко передают внутренние переживания

¹³¹ Чэнь Сюэюн. Мир талантливой женщины. – Пекин: Издательство Куньлунь, 2001. С. 108. 陈学勇. 才女的世界. 北京: 昆仑出版社, 2001. 第 108 页.

¹³² Чудаков А.П. Поэтика и мир Антона Чехова: возникновение и утверждение. – М.: Эксмо, 2024. С. 257.

женщин, ожидающих счастья и – трагикомедию в финале. По мнению литературоведа, чеховский стиль в обработке обыденных тем, тонкая ирония – все это отражаются и в творчестве писательницы¹³³.

В упомянутых рассказах писательницы проявляется чеховское своеобразие – бессобытийность. Показателем значительности события является существенность его результата. По законам дочеховской литературной традиции размер события адекватен размеру результата. Чем больше событие, тем значительнее ожидается результат, и наоборот. События в мире Чехова ничего не меняют. Достаточно указать на такие его сочинения, как «Страх», «Супруга», «У знакомых», «Ионыч», «Архиерей» и т. д. Здесь результат равен нулю. Но если это так, то и само событие как бы равно нулю, то есть создается впечатление, что события не было вообще¹³⁴. Лин Шухуа отчетливо изображала неизменность бытия и «нулевой результат» в рассказах «После выпивки» «До свидания», «Чаепитие», «Вышитые подушки», «После чая». Эта бессобытийность сближает писательницу с Чеховым, усиливает родство прозы обоих прозаиков.

Зачастую персонажи и Чехова, и Лин влюблены не в человека, а в то чувство, которое они принимают за любовь, например, в осознание того, что надо выйти замуж. Но, по их авторскому мнению, счастье совсем не в факте заключения брака, брак без истинной любви – залог несчастья в образовавшейся семье. Об этом чеховский рассказ «Казак», о драме взаимного непонимания. Недавние молодожены Торчаков и его жена Лиза возвращались из церкви в праздник Пасхи и встретили больного казака. Спор завязался вокруг желания мужа оделить мужчину куличом. Жена воспротивилась. Это стало причиной первой ссоры между супругами, после которой муж заметил, что его женщина и недобрая, и некрасивая. Эта ссора была своего рода прелюдией к дальнейшей несчастливой жизни. Все дело,

¹³³ Чэнь Сюэюн. О прозе Лин Шухуа // Китайские культурные исследования. 2000. № 1. С. 126. 陈学勇. 论凌叔华小说创作. 中国文化研究. 2000年. 第1期. 第126页.

¹³⁴ Чудаков А.П. Поэтика и мир Антона Чехова: возникновение и утверждение. – М.: Эксмо, 2024. С. 230–234.

по справедливому замечанию исследователя, в том, что супруги изначально были людьми разными, не понимавшими друг друга¹³⁵.

Лин Шухуа также изображала хрупкость супружеских взаимоотношений, хрупкость семьи, например в рассказе «Праздник середины осени» (1925). Здесь события тоже как-то связаны со значимым праздником. Как и в «Казаке», начало рассказа посвящено описанию счастливой атмосферы в семье молодоженов в день национального праздника. Неожиданно приходит печальное известие, Цзинжэню, молодому мужу молодой жены, надо срочно ехать к умирающей родственнице. Жена возражает, она против этой поездки, ей важнее застолье, семейное поедание традиционного блюда, символизирующего счастье семьи. Цзинжэнь сердится на жену, впервые видит ее как бы в новом свете, немилосердная жена предстает перед ним и некрасивой. С этого события в семье начался разлад, разрушение. Типологически эти два рассказа действительно близки, тот и другой говорит о драме взаимонепонимания.

Сближает их и так называемое, по Чехову, «объективное повествование». Авторы как бы не стоят на чьей-то стороне. Лин Шухуа безэмоционально описывает все то, что случилось. Женщине пришлось безропотно терпеть походы мужа в публичный дом, пережить оскорбления свекрови, смерть недоношенного ребенка. В этом смысле Лин Шухуа, как и Е Шэнтао, выделялись в кругах китайских писателей¹³⁶. Большинству прозаиков тогда была свойственна «субъективистская экспрессия»¹³⁷. Другие же критики отмечали, что «среди писателей периода движения четвертого мая только Лу Синь и Лин Шухуа по-

¹³⁵ Бердников Г.П. А.П. Чехов – идейные и творческие искания. – Л.: Гослитиздат, 1961. С. 195.

¹³⁶ Лин Шухуа., Ред. Чэнь Сюэюна. Сборник Лин Шухуа. – Чэнду: Сычуаньское издательство литературы и искусства, 1998. С. 13. 凌叔华著. 陈学勇编. 凌叔华文存. 成都: 四川文艺出版社, 1998. 第13页.

¹³⁷ Прушек Я. Очерки о современной китайской литературе. – Чанша: Хунаньское литературное издательство, 1987. С. 69. 普实克. 普实克中国现代文学论文集. 长沙: 湖南文艺出版社, 1987. 第69页.

настоящему освоили манеру объективного повествования»¹³⁸. Все это понятно, поскольку все три названных писателя учились у Чехова.

Так или иначе, о типологических контактах Лин Шухуа с Чеховым свидетельствует скандальная история с публикацией ее рассказа «Цветочный храм» (1925). Вскоре после публикации критик Чэнь Му написал статью, в которой обвинил писательницу в плагиате, указывая на рассказ Чехова «На даче». В защиту писательницы выступил муж, Чэнь Сиин, основатель журнала «Современное обозрение», где и был опубликован «Цветочный храм». Он поверил слухам, что под именем Чэнь Му скрывается сам Лу Синь. Нелепый конфликт закончился, все прояснилось, благодаря вмешательству других литераторов.

Рассматривая «Цветочный храм», действительно можно усомниться в оригинальности рассказа, не может не вспомниться чеховский рассказ «На даче». Оба произведения сближает краткость, емкость повествования, своеобразный психологический рисунок и, конечно, юмористический дискурс. Существенные сходства просматриваются в сюжетных линиях. Оба рассказа открываются любовными письмами, написанными незнакомками главным героям с просьбой о тайной встрече. Затем там и там подробно описываются душевные переживания двух женатых мужчин. В конце концов оба идут в указанные места, предвкушая романтические отношения. Но – вдруг выясняется, что письма были написаны и отправлены их женами. «Цветочный храм» и «На даче» заканчиваются смущенными разочарованиями мужей и смехом их жен.

Писательница снова и снова обращается к Ху Ши, переводчику Антона Чехова. Ее интересовала поэтика русского писателя, в частности «механизмы» его юмора. В одном из писем она пишет: «Читаю Чехова и получаю от него много подсказок... Теперь я могу смеяться над всем, как будто жилы мои наполнились замерзшей водой и никак не оттаивают... Некоторые коллеги советуют мне оставить Чехова, обратиться к более фундаментальным сочинениям, но я не могу

¹³⁸ Чэнь Пиньюань. Трансформация повествования в китайской литературе. – Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1988. С. 99. 陈平原. 中国小说叙事模式的转变. 上海: 上海人民出版社, 1988. 第99页.

изменить себе, творчество Чехова глубоко проникло в мое сознание»¹³⁹. Под «замерзшей водой» явно подразумевается чеховская сдержанность, хладнокровие, «объективность», вспоминается чеховское признание, что, садясь писать, он всегда чувствует себя «холодным, как лед»¹⁴⁰.

Хлад предшественника ощущается в ее рассказе «Блаженная» (1926). Пожилая состоятельная женщина довольствуется благополучной жизнью, она счастлива, испытывая искреннее уважение и любовь родственников. Но – ей приходится пережить состояние шока, случайно она услышала разговор внуков, и понимает, что и уважение, и любовь основывается исключительно на надеждах и желаниях побольше получить от ее состояния после ее смерти. Анализируя и это сочинение Лин Шухуа, отечественные литературоведы говорят о чеховских следах, относят ее «умеренный комедийный колорит и легкую иронию» к влиянию Чехова¹⁴¹. Действительно, этот рассказ писательницы может стоять в одном ряду с такими рассказами Чехова, как «Идиллия – увы и ах!», «Раз в год», в которых так же высмеиваются корыстные родственные связи, душевное тепло на основе материальной выгоды.

Оба писателя и высмеивают, и сочувствуют самодовольным богачам, ошарашенным открывшейся им правдой, оба писателя обнажают условность «счастливой» жизни, людское лицемерие – важнейшие темы юмористических рассказов. Г. Бердников справедливо пишет, имея в виду эту литературу, что живя в мире призраков, определяющих норму общественных и личных взаимоотношений, человек теряет внутреннюю цельность, что являясь человеком, он не может полностью отрешиться от естественных человеческих чувств, но, с другой стороны, будучи втянут в искусственную жизнь, где все подчинено капиталу и чину, он неизбежно оказывается во власти господствующих там теней

¹³⁹ Лин Шухуа., Ред. Чэнь Сюэюна. Сборник Лин Шухуа. – Чэнду: Сычуаньское издательство литературы и искусства, 1998. С. 905. 凌叔华著. 陈学勇编. 凌叔华文存. 成都: 四川文艺出版社, 1998. 第905页.

¹⁴⁰ Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 298.

¹⁴¹ Чжу Сяочжэн. Лин Шухуа и ее рассказы. – Гуанчжоу: Издательство Хуачэн, 1986. С. 381. 诸孝正. 凌叔华和她的短篇小说创作. 广州: 花城出版社, 1986. 第381页.

и призраков ¹⁴². Антон Чехов, Лин Шухуа, разоблачают «призрачность» повседневной жизни и общественное лицемерие, они обращаются к материалу им современному, но их творчество имеет непреходящее значение.

В 1920-е годы наблюдалось значительное увеличение переводов произведений Чехова на китайский язык. Так же активно он переводился тогда на английский и японский, свободное владение этими языками позволило Лин Шухуа знать большое количество чеховских сочинений. И сама она имела опыт перевода русского классика на родной язык. В 1928 году ею был переведен рассказ «Событие». Очевидно, этот рассказ особенно впечатлил ее и годом позже Лин Шухуа опубликовала типологически схожий рассказ «Братья». Здесь налицо и типологическая и генетическая связь, они о взаимоотношении детей и животных. В обоих рассказах реалистично описывается обычный день в обычной семье. В «Событии», о чем уже была речь, описываются горькие переживания детей, потерявших кошку, несчастную погубила злая собака. В «Братьях» дети переживают смерть птицы, принимают решение наказать злую кошку. Но, увидев кошку с котятами, дети забывают о мести, ухаживают за пушистыми комочками. Оба писателя трогательно рисуют переживания, чувства детей, само ощущение детства, радости, горести.

Влияние творчества Чехова на прозу Лин Шухуа, разного рода связи двух писателей не вызывают сомнений. Современники назвали ее импрессионистскую прозу «тихой трагедией», в которой всегда присутствует легкая ирония в свете грустной улыбки ¹⁴³. Все это очень характерно для ее, можно сказать, учителя Чехова. Внимание и любовь к Чехову она пронесла через всю жизнь. Незадолго до смерти в письме к своему коллеге Лин Шухуа вновь выразила свое восхищение его мастерством, вновь назвала себя «большой поклонницей творчества Чехова» ¹⁴⁴.

¹⁴² Бердников Г.П. А.П. Чехов – идейные и творческие искания. – Л.: Гослитиздат, 1961. С. 40.

¹⁴³ Чэнь Сюэюн. Мир талантливой женщины. – Пекин: Издательство Куньлунь, 2001. С. 109. 陈学勇. 才女的世界. 北京: 昆仑出版社, 2001. 第 109 页.

¹⁴⁴ Лин Шухуа., Ред. Чэнь Сюэюна. Сборник Лин Шухуа. – Чэнду: Сычуаньское издательство литературы и искусства, 1998. С. 937. 凌叔华著. 陈学勇编. 凌叔华文存. 成都: 四川文艺出版社, 1998. 第 937 页.

Знакомый писательницы Шэнь Цунвэнь (настоящее имя – Шэнь Лухуань, 1902–1988), литератор, публицист, ученый также немало писал под влиянием русской классической литературы. Шэнь Цунвэнь не получал известность в свое время по объективным причинам. Он «не сумел адаптироваться в существовавшей тогда политической обстановке»¹⁴⁵. Дело дошло до попытки суицида. Должное внимание он получил лишь после завершения культурной революции, когда стали ослабевать насаждаемые вульгарно-социологические подходы к анализу литературного произведения. В 1981 году Шэнь Цунвэнь выдвигался на присуждение Нобелевской премии. В 2022 году, в честь 120-летия со дня рождения писателя, вышел первый сборник прозы Шэнь Цунвэня на русском языке.

В изданной развернутой автобиографии Шэнь Цунвэнь пишет: «Достижения русской литературы существенно продвинули национальную культуру, в ней правдиво отражены народные характеры и их чаяния. Большой вклад в это важное дело внесли такие русские писатели, как Л. Толстой, А. Чехов, И. Тургенев, М. Горький. Думается именно таким путем следует развиваться китайской литературе»¹⁴⁶. Несомненно, Шэнь Цунвэнь, как Лу Синь и другие писатели их и последующего времени, считал русскую литературу своим коллективным наставником. При этом в упомянутой автобиографии Шэнь Цунвэнь несколько раз обращается к имени Чехова, говорит о его влиянии на свое творчество¹⁴⁷. Об этом же Шэнь Цунвэнь не однажды рассуждал в своих интервью, о чеховской школе, о чеховском стиле – объективном, полном сочувствия к обездоленным¹⁴⁸. И жена писателя упоминала о любви Шэнь Цунвэня к произведениям Чехова¹⁴⁹.

¹⁴⁵ Шэнь Цунвэнь. Полн. собр. соч.: в 12 т. – Гуанчжоу: Издательство Хуачэн, 1991. – Т 10. С. 338. 沈从文. 沈从文文集 12 卷. 广州: 花城出版社, 1991. 第 10 卷. 第 338 页.

¹⁴⁶ Шэнь Цунвэнь. Полн. собр. соч.: в 32 т. – Тайюань: Литературное издательство Бэйюэ, 2002. – Т. 27. С. 102. 沈从文. 沈从文全集 32 卷. 太原: 北岳文艺出版社, 2002. 第 27 卷. 第 102 页.

¹⁴⁷ Там же. С. 139.

¹⁴⁸ Линь Ю. Шэнь Цунвэнь о собственном творчестве – ответы на некоторые вопросы // Исследования по современной китайской литературе. 1980. № 4. С. 318–320. 凌宇. 沈从文谈自己的创作——对一些有关问题的回答. 中国现代文学研究丛刊. 1980年. 第4期. 第318–320页.

¹⁴⁹ Шэнь Цунвэнь. Полн. собр. соч.: в 32 т. – Тайюань: Литературное издательство Бэйюэ, 2002. – Т. 27. С. 341. 沈从文. 沈从文全集 32 卷. 太原: 北岳文艺出版社, 2002. 第 27 卷. 第 341 页.

И этому прозаику особенно импонировала чеховская объективность в повествовании. Шэнь Цунвэнь писал: «В мире литературы кровь и горькие слезы не всегда сопутствуют великим горестям, в описаниях человеческих страданий не исключается авторская улыбка»¹⁵⁰. Не трудно заметить, что здесь Шэнь Цунвэнь вольно или невольно перелагает, по сути, чеховские высказывания. О них уже шла речь. Реализация соответствующих принципов наблюдается во многих сочинениях этого китайского прозаика, например, в рассказе «Муж» (1930). Когда с материальным положением стало совсем плохо, главный персонаж, как и другие мужья региона, отправил свою жену в город «заниматься бизнесом» – проституцией. Навестив жену в городе, он шокирован униженным положением женщины, жестоко осуждает себя и, по сути, бежит из города в свою провинцию. Провожая мужа, жена сунула ему в руки заработанные деньги. Мужчина «затряс готовой, бросил деньги на пол и, закрыв лицо большими грубыми руками, неожиданно и необъяснимо для себя самого заплакал, как ребенок»¹⁵¹. В конце концов супруги тем же днем вернулись в деревню.

Шэнь Цунвэнь по-чеховски историчен и социален, он описывает эпоху полуфеодальных и полуколониальных отношений 1930-х годов, лапидарно, но исчерпывающе объясняет ситуацию – «львиная доля скудных местных урожаев достается окрестным богачам»¹⁵². Душераздирающие эпизоды повествователь описывает по-своему спокойно, сам не впадая в эмоции. Читателю и без подсказки ясно, что пренебрежением человеческим достоинством нельзя решить проблему. Вполне допустимо предположить, что на написание «Мужа» Шэнь Цунвэня навело знакомство с чеховским «Припадком», тоже бичующим зло узаконенной проституции, переведенным на китайский язык за десять лет до публикации «Мужа». Можно вспомнить так же чеховскую повесть «Живой товар», переведенную на китайский язык за три года до публикации «Мужа». Здесь тоже,

¹⁵⁰ Шэнь Цунвэнь. Полн. собр. соч.: в 32 т. – Тайюань: Литературное издательство Бэйюэ, 2002. – Т. 17. С. 186. 沈从文. 沈从文全集 32 卷. 太原: 北岳文艺出版社, 2002. 第 17 卷. 第 186 页.

¹⁵¹ Шэнь Цунвэнь. Сон цвета киноари: необыкновенные истории обыкновенной жизни: рассказы, повесть, главы автобиографии. (пер. Ю.С. Курако и др.). – М.: Текст, 2022. С. 90.

¹⁵² Там же. С. 70.

муж, можно сказать, корыстно продает свою жену. Сделка не принесла ничего хорошего ни супругу, ни любовнику, ни жене. Речь там не о проституции, но тоже о нездоровой этике супружеских отношений, о попрании человеческого достоинства.

Известная китайская исследовательница русской литературы причисляет Шэнь Цунвэня к писателям близким чеховскому сентиментальному темпераменту¹⁵³. И ее можно понять. Сам Шэнь Цунвэнь признавался, что все его произведения «пронизаны местной идиллической атмосферой с оттенком одиночества и печали, как будто он всю жизнь горевал по людям и событиям, которые когда-то описал»¹⁵⁴. Действительно, в его творчестве, как и в творчестве Чехова, часто чувствуются одиночество и грусть, проистекающие из их авторского наблюдения над обществом, над жизнью. Герои обоих писателей смутно чувствуют, что они живут не так, как следовало бы, страдают от рутины жизни, как бы догадываются о ее бессмысленности. Они от души желают начать жизнь по-новому, но не могут вырваться из предначертанной колеи быта. Чеховская безысходность, заявленная во множестве его произведений, достаточно вспомнить «Приданное», «Учитель словесности», «В родном углу», «Ионыч», во всей чеховской драматургии, будто вылилась на страницы произведений Шэнь Цунвэня.

Китайский писатель описал в своих рассказах драмы жизни, подвигая читателей к экзистенциальным размышлениям. Их конфликтология носит, конечно, специфический китайский характер. Вот, например, рассказ «Сяосяо» (1929). Главную героиню этого рассказа отдали замуж в двенадцать лет за трехлетнего мальчика. Как уже было упомянуто, такая практика была весьма распространенной в Поднебесной того времени, она была связана с материальными делами. Сяосяо несколько лет была фактически няней своего мужа, жизнь подтолкнуло ее на нарушение семейной этики, она вступила в отношения с другим

¹⁵³ Ча Сяоянь. Ветер с севера: русско-советская литература и Китай. – Хайкоу: Издательство Хайнань, 1993. С. 113. 查小燕. 北方吹来的风: 俄罗斯——苏联文学与中国. 海口: 海南出版社, 1993. 第113页.

¹⁵⁴ Шэнь Цунвэнь. Сон цвета киновари: необыкновенные истории обыкновенной жизни: рассказы, повесть, главы автобиографии. (пер. Ю.С. Курако и др.). – М.: Текст, 2022. С. 6.

мужчиной. Счастья женщина ни в семье, ни вне семьи не обрела, судьба ее была драматична. Сяосяо родила сына от любовника, влача жалкое существование в доме своего малолетнего мужа. Шли годы, через десять лет она сыграла свадьбу с мужем, а затем сыграла свадьбу своего двенадцатилетнего сына на женщине, которая была много старше подростка.

Как и русский писатель, Шэнь Цунвэнь рисует трагедию повседневности, трагедию привычности. Вспоминаются Чеховские рассуждения: «Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни»¹⁵⁵. Литературовед М. Шнейдер утверждает, что по многовековой традиции персонажи китайских произведений рисовались какой-нибудь одной краской, являясь воплощением либо добра, либо зла. Произведения Чехова раскрыли перед китайскими писателями новые пути и иные возможности творчества¹⁵⁶. Справедливости ради, можно заметить, что указанные пути раскрыли и другие писатели, не только Чехов, а однозначное определение персонажа – это этап литературного развития. Но факт, в судьбе Сяосяо отражается трагедия многих китайцев тех лет. Образ Сяосяо – новаторски неоднозначен, амбивалентен и влияние именно Чехова исключить нельзя.

Примечательно, что китайского писателя, как и русского осуждали из-за такой неопределенности замысла, ценности характеров, много было домыслов в адрес того и другого писателя. Чехов с досадою писал, что нередко критики «выдумывают на него из своей головы, что им самим хочется, а он этого и не думал и во сне не видел»¹⁵⁷. Шэнь Цунвэнь тоже досадовал на непонимание. В предисловии к повести «Пограничный городок» (1934) он во всеуслышанье заявил, что «пишет не для всех», указал, что его адресат – соотечественники мыслящие, небезразлично относящиеся к судьбе своего народа¹⁵⁸. «Пограничный городок» – сочинение лирическое, оно было многими не понято. На вопрос, как понимать, как

¹⁵⁵ Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 301.

¹⁵⁶ Шнейдер М.Е. Русская классика в Китае. – М.: Наука, 1977. С. 108.

¹⁵⁷ Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 307.

¹⁵⁸ Шэнь Цунвэнь., ред. Лю Хунтао. Сборник критических эссе Шэнь Цунвэня. – Чжухай: Издательство Чжухай, 1998. С. 234. 沈从文著. 刘洪涛编. 沈从文批评文集. 珠海: 珠海出版社, 1998. 第 234 页.

воспринимать его творчество, Шэнь Цунвэнь предложил вопрошавшим подходить к его созданиям с эстетических позиций и просил не задавать лишних вопросов, искать самим ответы¹⁵⁹. Похожую идею в свое время высказал и Чехов: «Меня часто спрашивают, что я хотел сказать тем или другим рассказом. На эти вопросы я не отвечаю»¹⁶⁰.

«Пограничный городок» вызывает в памяти чеховскую повесть, «Степь», восприятие которой тоже предполагает наличие у читателей развитого эстетического вкуса. В обоих произведениях предстает жизнь на фоне природы, в обоих много проникновенной поэзии, символики, природных картин – степь, небо, звезды, ветер, гроза и т. д. В «Пограничном городке» образ реки, который с давних пор символизирует бесконечность времени в китайской традиции, доминирует в рассказе, как степь у Чехова.

О чеховской символике убедительно писал А. Белый: «Он в них ничего не вкладывает преднамеренного, ибо вряд ли у него есть мистический опыт. Его символы поэтому произвольно вырастают в действительность»¹⁶¹. И по мнению А. Чудакова, символы Чехова – это некие «естественные» символы, целиком погруженные в предметный мир произведения¹⁶². Все эти черты, сочетание реального и символического, равно относятся и к «Степи», и к «Пограничному городку».

По мнению современной российской исследовательницы, Чехов был близок Шэнь Цунвэню своим уважительным и деликатным отношением к людям, своим стремлением избавлять людей от зла и пошлости¹⁶³. Действительно, оба писателя в своих рассказах нередко разоблачали пороки людей, например, лицемерие. Чеховские произведения «Хористка» и «Княгиня» были переведены в 1921 году на

¹⁵⁹ Линь Ю. Шэнь Цунвэнь о собственном творчестве – ответы на некоторые вопросы // Исследования по современной китайской литературе. 1980. № 4. С. 317. 凌宇. 沈从文谈自己的创作——对一些有关问题的回答. 中国现代文学研究丛刊. 1980年. 第4期. 第317页.

¹⁶⁰ Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 281.

¹⁶¹ Белый. А. Вишневы сад // Весы. 1904. № 2. С. 47.

¹⁶² Чудаков А.П. Поэтика и мир Антона Чехова: возникновение и утверждение. – М.: Эксмо, 2024. С. 185–186.

¹⁶³ Попова З.В. Путь Шэнь Цунвэня (1902–1988) к созданию знаменитой повести «Пограничный городок»: дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2004. С. 42.

китайский язык, могли подвести литераторов, включая Шэнь Цунвэня, к теме вреда, зла ханжества. В рассказе «Цяосю и Дуншэн» (1947) осуждается ханжество множества людей. Рассказ предельно жестокий: красивую женщину, двадцатилетнюю вдову, за незаконную любовь топят в реке с камнем. Таков обычай, таковы нравы. Картина экзекуции имеет подтекст. Судьи праведного гнева во главе с главным жрецом получают скрытое удовольствие от чужого страдания, женщину ругают, оскорбляют, обнажают и – наслаждаются, упиваются ее красотой. Моралисты в этом сочинении предстают в обличье садистов, автор разоблачает лицемерие жителей, злоупотребляющих своей властью, чтобы подчеркнуть свою нравственность, свое благородство. Здесь кстати вспоминается чеховский рассказ «Княгиня», хотя и не такой жестокий. Главный персонаж этого рассказа – Вера Гавриловна – чрезвычайно сурово относится к домашним, ко всем, кто ниже ее по статусу. При этом она очень набожна, с «благородной душой» посещает монастыри, восхищается своими, как она считает, искренними покаяниями. Известно, Чехов полагал, что совершенный человек явится в мир через тысячи лет. В этом смысле не отличался оптимизмом и Шэнь Цунвэнь. Рассказ «Цяосю и Дуншэн» он завершил такой фразой: «Все это только начало».

Как и другие литераторы, Шэнь Цунвэнь перенимал у Чехова серьезное отношение к творчеству, стремление показать жизнь как она есть на самом деле. Его тоже привлекало то чеховское, что он выразил в словах-признании – «отделить себя от ситуации, наблюдать издалека и со спокойствием, чтобы сблизиться с искусством»¹⁶⁴. Во многом это интерпретация Чеховских рассуждений: «Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле»¹⁶⁵. Влияние не вызывает сомнений.

Шэнь Цунвэнь был в дружеских отношениях с крупным литератором и переводчиком Ба Цзинем (настоящее имя – Ли Яотан, 1904–2005), на творчество

¹⁶⁴ Шэнь Цунвэнь., Ред. Лю Хунтао. Сборник критических эссе Шэнь Цунвэня. – Чжухай: Издательство Чжухай, 1998. С. 221. 沈从文著. 刘洪涛编. 沈从文批评文集. 珠海: 珠海出版社, 1998. 第221页.

¹⁶⁵ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 2: 1887–сентябрь 1888. С. 13.

которого также оказал влияние Антон Чехов. Будущий писатель родился в семье крупного чиновника. Он с детства видел бесправие, жалкую жизнь мелких людей. Образование получил во Франции. Там он попал под влияние анархистов, особенно русского теоретика анархизма – П. Кропоткина. Ба Цзинь перевел многие его работы. Там же, в Париже, в 1927 году, началась литературная карьера прозаика.

С 1955 года произведения Ба Цзиня начали переводить на русский язык и выпускать солидными тиражами. Российские литературоведы скоро отметили, что творческая манера Ба Цзиня формировалась под влиянием русской классической и более поздней, советской, литературы, что этому в немалой степени способствовала переводческая деятельность самого Ба Цзиня¹⁶⁶. Китайский писатель перевел многие произведения русских классиков, в их числе А. Пушкин, А. Герцен, Ф. Достоевский, В. Гаршин, А. Чехов, А. Куприн, М. Горький, И. Тургенев, А. Толстой и другие. Примечательно, Ба Цзинь способствовал пропаганде творчества Чехова, в частности, рекомендовал переводчику Жу Луну «переключиться» с переводов Мопассана на перевод Чехова¹⁶⁷.

В статье «Нам нужен Чехов», написанной к 50-летию со дня смерти Чехова, Ба Цзинь выделяет три этапа своего восприятия произведений русского рассказчика – в 1920-е, 1930-е и 1940-е годы. Он признается, что в начале не совсем понимал этого писателя. Это не удивительно, в 1930-е годы Ба Цзинь брался за перо с призывом активного отношения к жизни, а Чехов казался ему писателем пассивным, пессимистичным. О том времени Ба Цзинь писал: «Читая рассказы Чехова, мне становилось очень грустно. Чем больше я их читал, тем более боялся их читать. Я часто задавался вопросом: почему эти люди, чеховские персонажи, так покорны судьбе?.. Моему юному герою необходимы были страсть и действие, чего я тогда не находил в чеховской прозе»¹⁶⁸. Действительно, в те годы Ба Цзинь пишет

¹⁶⁶ Ба Цзинь. Рассказы / [Предисл. В. Петрова]. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 6.

¹⁶⁷ Чжоу Лимин. Два человека и великая книга – Жу Лун, Ба Цзинь и «собрание сочинений Чехова» // Биографическая литература. 2020. № 9. С. 108. 周立民. 两个人与一部大书——汝龙、巴金与《契诃夫文集》. 传记文学. 2020年. 第9期. 第108页.

¹⁶⁸ Ба Цзинь. Полн. собр. соч.: в 26 т. – Пекин: Издательство народной литературы, 1990. – Т. 14. С. 337–338. 巴金. 巴金全集 26卷. 北京: 人民文学出版社, 1990. 第14卷. 第337–338页.

объемные сочинения, призывавшие к разрушению старого мира, перевоспитанию людей в духе нового времени, сочинения весьма напоминали то, что писалось тогда в Советском Союзе. В те годы Ба Цзинь познакомился с Лу Синем и тоже принял марксистскую идеологию. Еще раз заметим, что и российское чеховедение тех лет немало говорило о пессимизме писателя.

С 1940-х годов в творчестве Ба Цзиня начинается своего рода перелом, он несколько иначе интерпретирует характеры людей маленьких, не чиновных, вносит их в свой художественный мир. Тогда же, по его словам, у него меняется отношение к творчеству Чехова, прежде всего Ба Цзинь ценит его всеохватность жизни, типов характеров: «Везде в жизни можно увидеть чеховских персонажей, они плачут, вздыхают, горько улыбаются, молят о жалости...». Ба Цзинь как-то вдруг осознает, что «он не может не думать о Чехове, и не может не любить Чехова»¹⁶⁹.

Анализ человеческих отношений Чехов производит именно в сфере «мелочей, пустяков, недоразумений». Чтобы понять, как же сложилась судьба человека, нужно обратиться не только к выдающимся случаям в его жизни, но и к самым мелким, ничем не примечательным фактам и фактикам. Именно поэтому китайский писатель мог везде в жизни видеть чеховских персонажей. Чеховские ровность и спокойствие иногда вызвали негодование, однако, в таком тоне писателя отражалось не равнодушие, а ясное понимание, что житейские «мелочи» так же важны и существенны, как тяжелые драмы жизни, что и в том, и в другом проявляется ненормальное устройство человеческих отношений¹⁷⁰. Ба Цзинь, осознал эти особенности и применил их в своем литературном опыте.

Начиная, примерно, с публикации рассказа «Трава воскресения» (1942) открывается новый, более зрелый этап творчества Ба Цзиня. В таких знаковых произведениях, как повесть «Сад радости» (1944), «Палата № 4» (1946), роман «Холодная ночь» (1947), писатель уходит от пафосной героики, описывает

¹⁶⁹ Ба Цзинь. О Чехове. – Шанхай: Гражданское издательство, 1955. С. 45–47. 巴金. 谈契诃夫. 上海: 平民出版社, 1955. 第 45–47 页.

¹⁷⁰ Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. – Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1990. С. 299–300.

трудную текущую действительность, жизнь множества людей, страдающих от разных напастей, от войн. Характерно название вышедшего тогда у него сборника рассказов «Маленькие люди, маленькие события» (1943). Уже само название говорит о переключке с русским писателем. Так в небольшом рассказе «Свинья и курица» (1942), вошедшем в этот сборник, описываются будни деревни, ссоры вокруг живности, маленькие драмы маленьких людей. Все это очень по-чеховски, тогда же Ба Цзинь, рассуждая о своем творчестве, говорит, что «присяжными заседателями» у него выступают его читатели: «В создающихся сейчас произведениях я не даю волю эмоциям, не заикливаюсь на сюжете как раньше. Я лишь пишу о жизни..., читателю предлагается сделать собственные выводы»¹⁷¹. С большой долей вероятности можно сказать, что объективность повествования здесь перенимается у русского автора, как и пристальное внимание к «обычным» людям, к большинству. Это подтверждает профессор А. Родионова, специалист по китайской филологии, он пишет, что «Ба Цзинь считал творчество Чехова своим маяком»¹⁷². Внимание китайского писателя к Чехову особенно наглядно в его повести «Палата № 4».

С одной стороны повесть Ба Цзиня отсылает к чеховской «Палате № 6», с другой стороны она имеет отношение к личной жизни автора. Во время гражданской войны Ба Цзинь лечился в палате третьего класса центральной больницы Гуйяна, однако он жил в палате № 3, а не № 4¹⁷³. Автор обратился к цифре четыре, поскольку она несет в себе негативную культурную коннотацию, произношение «четыре» созвучно произношению слова «смерть». Отношение к цифре четыре у китайцев напоминает отношение к цифре тринадцать у русских.

Ба Цзинь помещает своих персонажей в палату, осененную числом, символизирующим смерть, таким образом предрекая, что все ее пациенты

¹⁷¹ Ба Цзинь. Полн. собр. соч.: в 26 т. – Пекин: Издательство народной литературы, 1989. – Т. 10. С. 249. 巴金. 巴金全集 26 卷. 北京: 人民文学出版社, 1989. 第 10 卷. 第 249 页.

¹⁷² Родионов. А.А. Бахтинские исследования в России // Теория литературы и критика. 2005. № 6. С. 45–49. 罗季奥诺夫. 巴金研究在俄罗斯. 文艺理论与批评. 2005 年. 第 6 期. 第 45–49 页.

¹⁷³ Ба Цзинь. Полн. собр. соч.: в 26 т. – Пекин: Издательство народной литературы, 1989. – Т. 8. С. 415. 巴金. 巴金全集 26 卷. 北京: 人民文学出版社, 1989. 第 8 卷. 第 415 页.

обречены на физические и духовные страдания. Собственно, на это обречены и все чеховские персонажи. Ба Цзинь в жанре дневника очень убедительно описывает жизнь и пациентов, и врачей, и всю гнетущую атмосферу больницы. В палате влекут жалкое существование двадцать четыре человека, когда один из них умирает, его место сразу же занимает другой человек. Больные страдают от скудного питания, от нехватки лекарств, от не квалифицированных медиков, от грубого отношения санитаров, процветает мздоимство. Сама больница находится в полуразрушенном состоянии, крыша течет, всех мучает невыносимая резкая вонь. Герою-повествователю кажется, что он уже, до смерти, находится в аду. В послесловии к повести Ба Цзинь написал, что данная палата является «символическим изображением всего китайского общества того времени»¹⁷⁴. В этой оценке, конечно, слышится российская оценка чеховской повести, с которой повесть китайского автора находится и в генетической, и в типологической связи. В своем сочинении, как известно, Чехов отобразил впечатления о Сахалине, который он незадолго до этого посетил.

Конечно, между этими произведениями есть и отличия. Сочинение Антона Чехова более метафорично, Ба Цзиня – более метонимично. Сам автор утверждал, что в «Палате № 4» он внушает читателям «крошечную надежду»¹⁷⁵. В «Палату» он вводит светлый образ девушки, ответственной и доброй медицинской сестры. Ничего такого у Чехова, конечно, нет.

И позже в творчестве Ба Цзиня появляются характеры, чрезвычайно напоминающие чеховские. Так в романе «Холодная ночь» (1947) появляется маленький человек, который по своей сути близок Червякову из «Смерти чиновника». Его рабская натура, как само собой разумеющееся, принимает все унижения, ниспосланные ему судьбой, и когда у него ничего и никого не осталось, жену он покорно отдал любовнику, он в конце концов умирает. Другой характер представлен женой несчастного, она напоминает сильные женские чеховские характеры, прежде всего, Надю из «Невесты». Она реализуется в отчаянной

¹⁷⁴ Там же. С. 414.

¹⁷⁵ Там же. С. 416.

попытке самой устроить свою судьбу. Авторская позиция в отношении героев этого романа такова, что его симпатии и сочувствия отданы женщине, но не ее мужу, человеку с рабской психологией.

В своей книге «О Чехове» Ба Цзинь много внимания уделяет чеховским суждениям о литературе и не только. Ему особенно близки были строки русского писателя о необходимости напоминать людям, как плохо, как скучно они живут, как важно пробуждать в них стремление к другой жизни¹⁷⁶. Все эти мысли писатель реализовал в романе «Холодная ночь», утверждающем, что «так жить больше нельзя».

О Чехове, писал Ба Цзинь, можно говорить бесконечно, его творчество – неисчерпаемое сокровище. Он призывал китайских литераторов учиться у Чехова¹⁷⁷. В 1954 году Ба Цзинь участвовал в мероприятиях, посвященных пятидесятилетию кончины писателя. Он посетил памятные чеховские места, слушал лекции чеховедов. Марии Павловне, сестре русского классика, он рассказал о любви, которую китайский народ питает к Антону Чехову¹⁷⁸.

Подводя итоги, можно уверенно констатировать, что чеховская парадигма очевидна в китайской литературе и прошедшего, и текущего столетия. Она проявляется в связях и генетического, и типологического характера. Литераторы Поднебесной заимствовали многие черты стиля Чехова, перенимали объективность, «разговорность», емкость, недоговоренность, амбивалентность, бессобытийность, заимствовали образ «среднего человека» и многое другое. Все это модернизировало китайскую прозу. В идейном плане литераторы учились у русского писателя разоблачению рабской психологии, «футлярности», пошлости, лицемерия и многого другого.

По мнению В. Катаева, признание и распространение произведений Чехова во всем мире – знак своего рода культурной глобализации¹⁷⁹. Примечательно, в

¹⁷⁶ Ба Цзинь. Полн. собр. соч.: в 26 т. – Пекин: Издательство народной литературы, 1990. – Т. 14. С. 313. 巴金. 巴金全集 26 卷. 北京: 人民文学出版社, 1990. 第 14 卷. 第 313 页.

¹⁷⁷ Там же. С. 299.

¹⁷⁸ Там же. С. 321.

¹⁷⁹ Катаев В.Б. К Пониманию Чехова. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 43.

китайской прозе наблюдается своеобразная творческая эстафета, любовь к Чехову передается от одного поколения писателей к другому. Вероятно, первым эту любовь пронес через все свое творчество Лу Синь. Ба Цзинь называет себя «читателем и учеником» Лу Синя, на произведениях которого он вырос¹⁸⁰. Шэнь Цунвэнь также учился у Лу Синя, отмечал, что начинающим писателям необходимо следовать опыту великого писателя¹⁸¹. Разумеется, Е Шэнтао и Лин Шухуа в свою очередь учились у основоположника современной китайской литературы, и наследовали от него любовь к чеховскому творчеству. Творчество этих крупных китайских прозаиков оказывало и оказывает влияние на последующие поколения, что подливает эту творческую эстафету.

2.2. А. Чехов и китайская литература новейшего времени

После культурной революции 1970-х годов в китайской литературе появились такие литературные течения, как литература шрамов, литература переосмысления, литература реформ. В этих течениях центр писательского внимания сместился с общественно-политических явлений, с внимания к человеку «вообще», в сторону человека конкретно-исторического.

Литература шрамов возникла к концу 1977 года, в ней главным образом отражалась критика бесчеловечных событий недавнего прошлого, причинивших народу неизмеримые страдания. Она характерна «возвращением к литературной аутентичности», поскольку в ней отображается настоящая жизнь китайцев, а не мнимая, не воображаемое политическое развитие. «Пробуждение гуманизма» и «социально-критическая функция литературы» проявились как особенности данного направления. Литература шрамов рассматривает человека и в личностном, и в общественном аспекте, течение носит исторический, отчасти прагматический

¹⁸⁰ Ба Цзинь. Любовь: Роман: (Трилогия). Рассказы / [Вступ. статья В. Петрова]. – М.: Гослитиздат, 1957. С. 9.

¹⁸¹ Шэнь Цунвэнь. Полн. собр. соч.: в 12 т. – Гуанчжоу: Издательство Хуачэн, 1991. – Т 10. С. 234. 沈从文. 沈从文文集 12 卷. 广州: 花城出版社, 1991. 第 10 卷. 第 234 页.

характер. Эти особенности в какой-то мере отодвигают эстетическую функцию литературы на второй план¹⁸².

В 1979 году, когда китайские писатели начали в глобальном масштабе переосмыслять исторические события с конца 1950-х годов, ошибки «левого уклона», появилась литература переосмысления. Данное течение представляет собой углубление и расширение литературы шрамов, в нем более объективно описываются люди в различных политических и исторических обстоятельствах. «Объектом переосмысления» здесь предстают, – как констатирует историк китайской литературы, – все слои общества в свете своих жизненных проблем – крестьяне, рабочие, интеллигенция¹⁸³.

Почти одновременно к концу 1970-х годов образовалось еще одно течение – литература реформ. Она действительно отражала перемены, возникшие в процессе реформ в разных сферах жизни Поднебесной. Конфликты созданных в этом течении произведений заключались в реформенном противостоянии нового и старого, новаторского и консервативного, в итоге, добра и зла в авторском понимании. Эта литература, как пишут исследователи, характеризуется «чувством социальной ответственности»¹⁸⁴. Все эти течения схожи иногда до неразличения.

К середине 1980-х годов сфера переосмысления расширилась, при этом в поле основного внимания наряду с вопросами социально-политическими вошли вопросы истории, культурной идентичности. Так образовалось новое течение – литература поиска корней. Она повернулась в сторону отображения человеческой природы, экологической тематики, противостояния культуры и цивилизации. Это течение более совершенно в художественном отношении, более многообразно в стилистических исканиях. Здесь проявилось «критическое осмысление культуры, переосмысление культурных ценностей, ностальгия по не замутненному

¹⁸² Ван Циншэн. История современной китайской литературы. – Пекин: Издательство высшего образования, 2003. С. 277–278. 王庆生. 中国当代文学史. 北京: 高等教育出版社, 2003. 第 277–278 页.

¹⁸³ Там же. С. 290–293.

¹⁸⁴ Тянь Чжунъян, Чжао Шучинь. История современной китайской литературы. – Хайкоу: Наньхайская издательская компания, 2006. С. 191. 田中阳, 赵树勤. 中国当代文学史. 海口: 南海出版公司, 2006. 第 191 页.

цивилизацией образом жизни»¹⁸⁵. Все эти литературные течения, естественно, связаны с происходившей модернизацией китайского общества.

В этот динамичный период китайские писатели, стремясь к более художественному и более объективному отображению жизни, человека, обратились к опыту зарубежной литературы, естественно, выбирая из него то, что соответствовало внутренним эстетическим и этическим потребностям страны. Чтение зарубежной литературы, естественно, оказало влияние на китайских литераторов, поскольку «диалог между автором и читателем тем продуктивнее, чем дальше читатель находится от автора в историческом времени»¹⁸⁶. Об этом писал и М. Бахтин. По его мнению, произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в большом времени, причем часто более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности¹⁸⁷.

Так в начале новейшего времени наблюдалось повышенное внимание и к тем авторам, чье творчество было уже знакомо китайским читателям и литераторам. Таким автором был Антон Чехов, чьи произведения входили в школьные программы. Влияние мастера к тому времени стало фоновым, не таким заметным, как раньше. По этому поводу сетовал известный писатель Ван Мэн. Он справедливо заметил, что литература обладает «тонким и зачастую долгосрочным воздействием», которое может быть неявным и не связанным напрямую с тематикой произведения, что литература часто оказывает неожиданный «фланговый эффект»¹⁸⁸. Этот фланговый эффект в новейшей китайской литературе выразился в том, что переключки с чеховской прозой часто происходят в форме явного или скрытого диалога.

Литератор Ван Цзэнци (1920–1997) – один из крупнейших прозаиков и драматургов новейшей китайской литературы. Он начал писать с 1940 года, учился у Шэнь Цунвэня, на творчество которого сильное влияние оказало мастерство

¹⁸⁵ Там же. С. 214–215.

¹⁸⁶ Катаев В.Б. К Пониманию Чехова. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 10.

¹⁸⁷ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: 1979. С. 331–334.

¹⁸⁸ Ван Мэн. Полн. собр. соч.: в 23 т. – Пекин: Издательство народной литературы, 2003. – Т. 21. С. 414. 王蒙. 王蒙文存 23 卷. 北京: 人民文学出版社, 2003. 第 21 卷. 第 414 页.

Антон Чехова. Затем это влияние перешло от учителя к ученику, пало и на творчество Ван Цзэнци. По воспоминаниям детей писателя, в доме было немного книг, но было полное собрание сочинений Чехова¹⁸⁹. Сам прозаик неоднократно признался, что «из зарубежных писателей, Чехов больше всех других вдохновлял его»¹⁹⁰. И еще он выражал ту точку зрения, что «произведения, которым отдает предпочтение писатель, часто влияют на его темперамент и становятся частью его личности»¹⁹¹.

Любовь к Чехову он пронес через всю жизнь. Уже в конце жизни он утверждал, что Чехов открыл «новую эру в жанре рассказа». Ван Цзэнци акцентировал внимание на чеховском отображении настоящей жизни, на переходе мастера «от традиционной устоявшейся структуры к более свободной, способствовавшей аутентичности повествовательной манеры»¹⁹². Ван Цзэнци относился к писателям-экспериментаторам, обращался к приему потока сознания, разрушал или стирал границы между прозой и поэзией. В итоге многие его рассказы «перестают быть рассказами»¹⁹³. Лирическая стихия, как известно, была характерна и для прозы, и особенно для драматургии Чехова. То есть и здесь, можно предположить, прослеживается чеховское влияние.

Для примера можно обратиться к раннему рассказу прозаика «Лао Лу» (1945), примечательному еще и тем, что в нем упоминается герой из «Крыжовника» Чехова. В этом повествовании упомянут некий персонаж, который мечтает купить дом с садом, выращивать овощи, цветы и на этом построить свое счастье. Этот образ, несомненно, «вызван к жизни» чеховским Чимшой-Гималайским, не

¹⁸⁹ Ван Ланг, Ван Минг, Ван Чао. Старик Ван Цзэнци. – Пекин: Издательство Женьминского университета, 2000. С. 179. 汪朗, 汪明, 汪朝. 老头儿汪曾祺. 北京: 中国人民大学出版社, 2000. 第 179 页.

¹⁹⁰ Ван Цзэнци. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. – Т. 4. С. 288. 汪曾祺. 汪曾祺全集 8 卷. 北京: 北京师范大学出版社, 1998. 第 4 卷. 第 288 页.

¹⁹¹ Ван Цзэнци. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. – Т. 3. С. 336. 汪曾祺. 汪曾祺全集 8 卷. 北京: 北京师范大学出版社, 1998. 第 3 卷. 第 336 页.

¹⁹² Там же. С. 340.

¹⁹³ Там же. С. 165–166.

случайно близкие называют его «господин крыжовник». Примечательно и то, что техникой построения этот рассказ именно чеховский. Как известно, движение сюжета у Чехова определяется движением не «от события к событию», а, скорее, «от настроения к настроению»¹⁹⁴. Показательно, что и в «Лао Лу» сюжетная линия едва просматривается, все идет по заложенному в произведение лирическому настроению. «Никаких сюжетов не нужно, – говорил Чехов – нужны новые формы»¹⁹⁵. Поиском новых форм отличаются художества Ван Цзэнци. Согласно его мнению, в отличие от классиков прошлого, например, от О. Генри или Г. Мопассана, русский писатель не думает о формальностях, о композиции, пишет непринужденно, свободно, уходя от «сложившегося штампа»¹⁹⁶.

Вряд ли Чехов совсем не думал о построении своих произведений, но в целом мысль его понятна и ее уловил китайский последователь. К свободной форме чаще обращался поздний Чехов, в этом смысле характерны такие его сочинения, как «Отрывок» или «Из записной книжки старого педагога», представляющие собой описания слабо связанных между собой фрагментов жизни. В очень схожей манере, в стиле свободного образного течения написаны такие, например, сочинения Ван Цзэнци, как «Знакомый» или «Сон»¹⁹⁷. Ван Цзэнци, писатель эпохи модернизации искусства, и в этом направлении шел дальше, более поздние его, условно говоря, рассказы по своей форме сближаются со стихотворениями, обилием диалогов – с пьесами. У него наблюдается сознательная установка – уйти от формальностей классического рассказа¹⁹⁸. Это отчетливо заявлено во многих его сочинениях, таких, например, как «Биография кавалериста» (1979), «Смерть лебедя» (1980), «Восемь тысяч лет» (1983).

¹⁹⁴ Крючков В.П. Рассказы и пьесы А. П. Чехова: ситуации и персонажи. – Саратов: Лицей, 2002. С. 53.

¹⁹⁵ Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 291.

¹⁹⁶ Ван Цзэнци. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. – Т. 4. С. 80. 汪曾祺. 汪曾祺全集 8 卷. 北京: 北京师范大学出版社, 1998. 第 4 卷. 第 80 页.

¹⁹⁷ Годы написания произведений не указываются, если они не датированы авторами.

¹⁹⁸ Ван Цзэнци. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. – Т. 4. С. 80. 汪曾祺. 汪曾祺全集 8 卷. 北京: 北京师范大学出版社, 1998. 第 4 卷. 第 80 页.

В российском культурном сознании есть целый ряд чеховских мемов, связанных с такими словами, как палата, футляр, сад, вишневый сад, связанных с судьбами типичных персонажей. Очень похожее и китайский прозаик внес в сознание своих соотечественников ряд запоминающихся образов, породил запоминающиеся мемы.

Примечателен в этом смысле упомянутый рассказ «Смерть лебедя», отдаленно напоминающий стихотворение в прозе. Бывшая балерина, чью судьбу сломали репрессии, наблюдает вместе с детьми за лебедями, плавающими по озерной глади. Неожиданно раздаются выстрелы, охотники убивают одну птицу, и другие птицы улетают. Дети в смятении и плача просят улетевших лебедей вернуться. В этом рассказе образ лебедя имеет глубокое обобщение. Убитая птица соотносится с поломанной судьбой женщины, бывшей балерины, некогда, до репрессии, танцевавшей на сцене партию лебедя в известном балетном спектакле.

В этом же ряду, породивший мем, полуторастраничный рассказ «Истязания котов» (1986). Дети находят удовольствие в том, чтобы мучить несчастных животных. Рассказ аллегоричен, его суть в том, что мучители – дети репрессированных родителей. Истязаемые коты – прямая корреляция с истязаемыми репрессиями людьми, и те, и другие – без вины виноватые.

Можно заметить, что Ван Цзэнци, писатель жесткий, создавший много трагических картин, в некотором смысле по-чеховски хладнокровен, часто предельно объективен, его положение – как бы «вне событий». Здесь наблюдается влияние русского мастера, советовавшего вне изображаемого, при этом «знать их хорошо, до мелочи, но глядеть на них как бы с презрением, стреху вниз»¹⁹⁹. С этой позиции Ван Цзэнци ярко и убедительно показал драматические события китайской истории.

Известно, Чехов выступал против лжи в искусстве²⁰⁰. Путем суровой правды шел и Ван Цзэнци. О несправедливости, страшном голоде 1960-х годов в Китае его столь же страшный рассказ «Блины с маслом» (1980). В центре повествования

¹⁹⁹ Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 299.

²⁰⁰ Там же. С. 280.

мальчик, который не может понять, почему одни люди ведут сытый образ жизни, другие, как его бабушка, умирают от голода. Кульминация рассказа – ребенок ест блины и плачет, вспоминая бабушку. Ван Цзэнци скуп на психологическое описание, он не описывает напрямую внутренние переживания ребенка, но заставляет читателя их прочувствовать. И здесь вспоминаются советы Чехова, отмечавшего, что «лучше всего избегать описывать душевное состояние героев; нужно стараться, чтобы оно было понятно из действий героев»²⁰¹. В этом контексте с необходимостью вспоминаются многие сочинения прозаика, достаточно назвать такие, как «Приданое», «Горе», «Тоска», «Нахлебник», «Душечка». Внутренний мир персонажей здесь как бы заслоняется их словом, поведением, движением.

По мнению Чудакова, события, высшие точки на ровном поле произведений чеховской прозы, выглядят незаметными на общем повествовательном фоне. Иначе говоря, событие выглядит как несобытие. Психологический эффект от такого сюжетного оформления близок к эффекту от события с «нулевым результатом»²⁰². Так, сходство прозы Ван Цзэнци и Чехова прослеживается и в построении фабулы, и в, ее условно говоря, бессобытийности. Рассказ Ван Цзэнци «Роса» (1993) – характерный пример. Это повествование о женщине, потерявшей мужа, ребенка, второго мужа. При всех невзгодах женщина должна обыденно выходить на работу, вести обыденную жизнь. Здесь и смерти подчеркнута будничные, ничего не меняют в жизни. И все это излагается в нейтрально-спокойной интонации, как в таких чеховских произведениях, как «Спать хочется», «Гусев», «Рассказ неизвестного человека», «Мужики», «В враге».

Прием недоговоренности также создает эффект несобытия. Ван Цзэнци молчит о чувствах несчастной женщины из «Росы», но они совершенно понятны читателю. На взгляд китайского писателя, недоговоренность есть «уважение к

²⁰¹ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 1: 1875–1886. С. 237.

²⁰² Чудаков А.П. Поэтика и мир Антона Чехова: возникновение и утверждение. – М.: Эксмо, 2024. С. 240–241.

читателю»²⁰³. В другом случае он уточняет сказанное, пишет, что в идеале произведение создается «совместно автором и читателем», что процесс творчества завершается тогда, когда читатель прочтет созданный автором текст²⁰⁴. Известно, что некогда за «недосказанность» упрекали и Чехова, хотя этим приемом он так же проявлял доверие читателям: «Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам»²⁰⁵.

Для Ван Цзэнци реализм, – это и есть правдивое изображение жизни²⁰⁶. О важности правдивого изображения жизни, как известно, не раз высказывался и Чехов, причем это изображение оба писателя понимали широко, было в их сочинениях место и драме, и иронии. В драматичном рассказе «Мясо голландской коровы» (1988) Ван Цзэнци описывает чрезвычайно голодный период истории, народ без преувеличения умирал от голода. Работники сельскохозяйственного института радуются случайной смерти коровы, с нетерпением ждут возможности наесться. Этими ожиданиями очень недоволен их начальник. При этом после работы он сам спешит в столовую, много и жадно ест. В рассказе по-чеховски соединяется драматическое и комическое, а образ лицемерного начальника типологически напоминает чеховских персонажей, типа Очумелова из «Хамелеона». И у одного, и у другого автора важен поступок, который бросает яркий свет на их внутренний мир. Ирония «работает» во многих сочинениях Ван Цзэнци, таких, например, как «Бывший друг» (1993), «Седан Хунци» (1993) или «Умер» (1996).

²⁰³ Ван Цзэнци. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. – Т. 8. С. 112. 汪曾祺. 汪曾祺全集 8 卷. 北京: 北京师范大学出版社, 1998. 第 8 卷. 第 112 页.

²⁰⁴ Ван Цзэнци. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. – Т. 4. С. 292. 汪曾祺. 汪曾祺全集 8 卷. 北京: 北京师范大学出版社, 1998. 第 4 卷. 第 292 页.

²⁰⁵ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 4: Январь 1890–февраль 1892. С. 54.

²⁰⁶ Ван Цзэнци. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. – Т. 4. С. 295. 汪曾祺. 汪曾祺全集 8 卷. 北京: 北京师范大学出版社, 1998. 第 4 卷. 第 295 页.

В рассказе «Седан Хунци» обыгрывается чеховская ситуация, осмеивается извечное приспособленчество. Полиция грубо обходится с человеком на велосипеде, решительно выписывает штраф за нарушение правил дорожного движения, но не смеет сделать замечание тому же человеку, когда тот едет на машине престижной, на которой, как правило, разъезжает высокое начальство. И здесь срабатывает принцип «как бы чего не вышло», но уже в другой ситуации.

Много общего у Ван Цзэнци и Антона Чехова в плане тематики, особенно в последние десятилетия прошлого столетия, в произведениях о любви и даже о запретной любви, о которой немало писал русский классик, но крайне мало сочиняли китайские авторы. Характерен рассказ Ван Цзэнци «Тетя Сюэ» (1995). Его главная героиня, сорокалетняя Сюэ, впервые почувствовала себя настоящей женщиной, сойдясь с коллегой. Женщина по-настоящему влюблена, не обращает внимание на разговоры о ее измене, она считает себя естественным человеком, который имеет право на любовь.

Тетя Сюэ – это тип Гурова из «Дамы с собачкой», человека, который, прожив сорок лет, не познал настоящей любви. И там, и там описывается шторм чувств, сопротивляться которому у героев нет сил. Если говорить об отличиях, Чехов-повествователь, как известно, скрывает свое отношение к описываемым событиям, предпочитает открытый финал, Ван Цзэнци чаще пишет иначе, он по-своему возвышает Сюэ. Ее повествователь видит в ней «свободную личность», здоровую и физически, и психологически²⁰⁷. В этих и других рассказах на тему адюльтера Ван Цзэнци не формально смотрит на явления жизни, понимает их во всей сложности, высоко ставя истинные чувства, как Антон Чехов, как Шэнь Цунвэнь.

Ван Цзэнци был патриотом китайской культуры, но любовь к творчеству Чехова он пронес через всю жизнь. Он писал: «Мне очень нравится Чехов, его

²⁰⁷ Ван Цзэнци. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. – Т. 2. С. 435. 汪曾祺. 汪曾祺全集 8 卷. 北京: 北京师范大学出版社, 1998. 第 2 卷. 第 435 页.

свободный стиль, его горькие размышления о жизни и его теплая душа. Я считаю его истинно современным писателем»²⁰⁸.

Были и другие известные китайские писатели, испытавшие влияние Чехова, причем это влияние по-разному отразилось на их творчестве. В этом ряду заметной фигурой видится Ван Мэн (1934), его перу принадлежат романы, повести, рассказы, эссе, стихотворения, автобиографические, литературоведческие работы. Дебютировал он романом «Да здравствует юность» (1953), позже экранизированный и переведенный на русский язык. В 1956 году за нашумевший рассказ «Новичок в орготделе», о бюрократизме в социалистическом Китае, Ван Мэн был репрессирован как правый ревизионист, гонения на писателя продолжились в годы культурной революции. В полной мере Ван Мэн вернулся в литературные круги в 1980-е годы рассказом «Дверь лоббиста» (1980), который относится к литературе переосмысления. Ван Мэн – писатель известный, его творчество давно привлекает российских литераторов. Он не раз посетил Россию. В 2004 году в Институте Дальнего Востока ему был вручен диплом Почетного доктора. Писатель неоднократно отмечал влияние и русской, и советской литературы, признавался, что был «поклонником» Чехова, у которого выделял такие произведения, как «Человек в футляре», «Хамелеон», «Душечка», «Крыжовник», «Невеста», «Попрыгунья», «Степь», «Три сестры», «Вишневый сад» и т. д.²⁰⁹.

Известно, немало внимания Чехов уделял неразрушимости стен, разделяющих людей, взаимонепониманию людей, в его произведениях часто отображается, как пишет исследователь чеховских работ, «атмосфера глухоты – глухоты психологической». Действительно, при взаимной заинтересованности и доброжелательности чеховские персонажи никак не могут пробиться друг к

²⁰⁸ Ван Цзэнци. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. – Т. 5. С. 286. 汪曾祺. 汪曾祺全集 8 卷. 北京: 北京师范大学出版社, 1998. 第 5 卷. 第 286 页.

²⁰⁹ Ван Мэн. Ван Мэн о творчестве. – Пекин: Совместное издательство литературы и искусства Китая, 1993. С. 228. 王蒙. 王蒙谈创作. 北京: 中国文艺联合出版公司, 1993. 第 228 页.

другу²¹⁰. Ван Мэн тоже заостряет внимание на этой проблеме. Еще он по-чеховски разоблачает людей, боящихся жизни, пришибленных страхом перемен. Характерный пример – рассказ «Двоюродная сестра» (1979). Его сюжет связан с отношениями двух близкородственных персонажей, двоюродные брат и сестра не понимают друг друга. Главный модус поведения женщины – «как бы чего не вышло». Молодой человек – поэт, он достиг определенной известности, но именно это страшит сестру. Они разговаривают, но не слышат друг друга. В годы репрессий, когда брат был объявлен «врагом народа», сестра из чувства страха отказала ему в помощи. «Футлярность» – стиль всей жизни сестры, ее страхи мешали реализации таланта брата, не позволяли им искренне общаться. Не приходится сомневаться, что этот рассказ создан под впечатлением чеховского «Человека в футляре», здесь сестра – вариант китайского Беликова. В конце рассказа женщина не умирает, но автор вводит рассуждения ее брата. Он сожалеет, что его талантливая сестра всю жизнь облекала себя в некий футляр, с горькой иронией заключает, что таких, как она, успокаивает только смерть. Чеховская реминисценция в финале очевидна.

В чеховском творчестве Ван Мэн особенно положительно и неоднократно выделял повесть «Степь». Не без толики удивления он так писал об этом произведении: «Здесь нет увлекательных поворотов сюжета, нет незаурядного запоминающегося характера, есть лишь неспешное описание неяркого пленэра и обычного ребенка, его чувственного отношения к родной земле, но при этом сказано много такого, что трудно передать словами, все самое важное до читателя доносит лирическое настроение»²¹¹. Ван мог понять и Чехова, и это чеховское сочинение. Дело в том, что писатель шестнадцать лет жил на поселении в широких степях провинции Синьцзян «для трудового перевоспитания». Свое видение и понимание степи он отобразил в повести «Чалый» (1981), причем явно учитывая опыт Чехова, автора «Степи». Здесь тоже дано изображение одухотворенной жизни

²¹⁰ Крючков В.П. Рассказы и пьесы А. П. Чехова: ситуации и персонажи. – Саратов: Лицей, 2002. С. 55.

²¹¹ Ван Мэн. Ван Мэн о творчестве. – Пекин: Совместное издательство литературы и искусства Китая, 1993. С. 33. 王蒙. 王蒙谈创作. 北京: 中国文艺联合出版公司, 1993. 第 33 页.

свободного пространства, и те же размышления человека о своей жизни в тесной связи с жизнью природы. Это знаковое произведение Ван Мэна, и оно переведено на русский язык.

Иначе говоря, оба произведения во многом носят автобиографический характер. Прозаики выбрали хорошо знакомые им пространства, дали схожее лирическое изображение природы. Обращаясь к приему «потока сознания», они передают сокровенные переживания персонажей. Можно говорить об основательных интертекстуальных связях с повествованием предшественника, о влиянии известного чеховского положения – о важности системности в художественном творчестве: «Ружью, висящему на стене в первом акте, – размышляет автор-повествователь, – положено в четвертом выстрелить»²¹². Понятно, он перефразирует известное чеховское изречение: «Если вы говорите в первой главе, что на стене висит ружье, во второй или в третьей главе оно должно непременно выстрелить»²¹³.

В «Чалом» речь идет о музыканте по имени Цао Цяньли, сосланном как «враг народа» в отдаленную малонаселенную провинцию. Характер главного героя в некотором смысле автобиографичен. В этой повести, как и в «Степи», нет более или менее явно прописанного событийного сюжета, сюжетного движения, но есть, как и у Чехова, движение героя в пространстве и в мысли. Отличительная особенность – главный герой китайского прозаика – человек много повидавший на своем веку. Он едет по делам службы через степные просторы в горы к пастухам-казахам на старом, чалом коне. И Цао Цяньли, и его немой собеседник конь Чалый прожили и проживают трудную жизнь, обоим есть о чем подумать, взирая на таинственную жизнь природы, подписываясь ее жизненными силами, ее вечным движением. Их сознание и подсознание перемежаются, сплетается прошлое и настоящее, реальное и мнимое. Цао Цяньли охвачен теми же переживаниями полноты бытия, какими был охвачен чеховский Егорушка. Оба писатели оставили

²¹² Ван Мэн., Фэн Цицай и т. д. (пер. С. Торопцевым). Средний возраст. – М.: Радуга, 1985. С. 25–62.

²¹³ Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 292.

финалы своих сочинений открытыми, читатель может только догадываться, фантазировать на тему того, как в дальнейшем сложатся судьбы героев, но, что совершенно определено, по воле создателей-художников, к месту своего назначения они приедут изменившимися, Егорушка – повзрослевшим, Цао Цяньли – умудренным.

Российские и китайские чеховеды отметили важную особенность нарратива, присутствующего в обоих произведениях – наличие и сплетение до неразличимости трех автономных голосов – повествователя, главного героя и автора. По мнению русского исследователя, это служит «мостом», объединяющим мысли и переживания Егорушки с мыслями и переживаниями автора, а вместе с тем и читателя. Егорушка, автор и читатель сливаются в некое «нерасторжимое психологическое единство»²¹⁴. Присутствие трех повествовательных голосов, замечает китайский исследователь, «позволяет взглянуть на произведение с разных точек зрения, создает более полное представление об изображаемом»²¹⁵.

Схожесть повестей зиждется и на замысле произведений. В письме к Д. Григоровичу в год написания «Степи» автор писал, что в этом произведении он хотел показать, с одной стороны, маленького человека с его «страстной жаждой жизни и правды», с другой стороны, – русскую жизнь, которая «бьет русского человека так, что мокрого места не остается, бьет на манер тысячепудового камня»²¹⁶. Очевидно, и китайский прозаик хотел отобразить страдания своего народа. Нелепость ситуации, горькая ирония скрыты в содержании повести: талантливый музыкант прозябает учетчиком какой-то рабочей бригады. Естественно, он испытывает нравственные терзания из-за несовпадения мечты и реальности.

²¹⁴ Бердников. Г.П. А.П. Чехов – идейные и творческие искания. – Л.: Гослитиздат, 1961. С. 98–99.

²¹⁵ Синь Линь. Деконструкция ценности, производимой в ненадежных повествованиях, на примере повести «Чалого» Ван Мэна // Вестник Тайюаньского педагогического университета. 2013. № 12-1. С. 102. 辛玲. 不可靠叙述中产生的价值解构——以王蒙的中篇小说《杂色》为例. 太原师范学院学报. 2013年. 第12卷, 第1期. 第102页.

²¹⁶ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 2: 1887–сентябрь 1888. С. 184.

Амбивалентны переживания героев, амбивалентна отображаемая жизнь. И в «Степи», и в «Чалом» вечная прекрасная мобильная природа выступает светлым фоном, говорит о возможности другой жизни. В «Степи», по мнению известного чеховеда, есть скрытое утверждение, что «свобода и счастье неотделимы друг от друга»²¹⁷. Эпизодический герой Соломона излагает важную чеховскую мысль о высоком предназначении человека. Ван Мэн усиливает эту чеховскую парадигму. В его повести есть такая многозначная «перспективная» фраза: «Разве воспоминания о суровой зиме – не песнь во славу весны?»²¹⁸. В финале Цао Цяньли побеждает судьбу, он играющий музыкант.

У обоих писателей философская проблематика тесно связана с картинами природы, с их символическим значением. Пейзаж для Ван Мэна, – пишет российский исследователь китайской прозы, – не только натуралистическая картинка, но еще и «чувственное восприятие, все элементы которого связаны с внешними для этого пейзажа сферами, и это делает их символами – как представителями внешних структур»²¹⁹. На взгляд литературоведа, море у Ван Мэна, сочетая в себе различные поэтические образы, обладает множеством значений²²⁰.

По мнению А. Степанова, шум моря – самый «вечный» из всех, доступных человеческому восприятию и у Чехова в шуме моря буквально слышится шум времени²²¹. Чеховская системность, семантика чеховского моря прозревается в обращении китайского автора к образу моря, например, в рассказе «Грезы о море» (1980). Главный герой литератор Мяо Кэянь приезжает на курорт, впервые видит море, о чем мечтал многие годы. И здесь движение сюжета, как часто у Чехова, обусловлено настроением героя, его «потокосом сознания». Мяо Кэяня хотел бы доплыть до горизонта, но в конце концов осознает, что реализовать это желание в

²¹⁷ Бердников Г.П. А. П. Чехов – идейные и творческие искания. – Л.: Гослитиздат, 1961. С. 106.

²¹⁸ Ван Мэн., Фэн Цицай и т. д. (пер. С. Торопцевым). Средний возраст. – М.: Радуга, 1985. С. 25–62.

²¹⁹ Шулунова Е.К. Концепция творчества и творческой личности в прозе и публицистике Ван Мэна. – М.: ИДВ РАН, 2021. С. 68.

²²⁰ Там же. С. 70.

²²¹ Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – М.: Языки славян. культуры, 2005. С. 316.

его годы уже поздно. Все эти перипетии имеют, конечно, символическое значение, говорят о недостижимости полного счастья, и это тоже очень по-чеховски. Мяо Кэянь до срока покидает курорт. Он трогательно прощается с морем, освещенным лунным светом, осознавая что-то важное в жизни. В «Грезах о море», по мнению исследователей, раскрывается авторский «целостный синтетический взгляд на мир»²²². Известно, и чеховские персонажи нередко размышляют о жизни на фоне моря, например, в рассказах «В море», «Гусев», «Дама с собачкой».

Чеховская парадигма заложена и в рассказе «Глубины озера» (1981), так же переведенном на русский язык. Повествование, в котором неоднократно и не формально упомянут Антон Павлович, ведется от лица студента. Молодой человек, максималист, в начале повествования неуважительно относится к своему родителю-художнику. Живопись отца он считал пошлой, без толики таланта, стыдился ее. Он вспоминает, как в детстве его отца критиковали за «неправильный» портрет председателя Мао. Отец в страхе признался в своем «грехе» и исправил картину по требованию политической комиссии. После этого случая отец еще ниже пал в глазах сына. Все изменилось, когда однажды сын с удивлением увидел озерный пейзаж, нарисованный отцом в юности. Картина заставила юношу признать талант отца. Глубины озера – это глубины души художника, таинственные глубины жизни.

В рассказе разоблачается общий враг Чехова и Ван Мэна – пошлость, точнее, пошлость жизни. В нем важны те изменения, которые происходят в душе и в сознании молодого человека. В начале он видел отца воплощением житейской пошлости, но затем понял, что пошлыми были его взгляды. И к этому пониманию герой пришел благодаря Чехову. Он был фанатом чеховских произведений, смотрел вокруг как бы «сквозь чеховское пенсне» и постепенно ему «открывалась вся пошлость мира». Юноше хочется крикнуть по-чеховски: «Люди, я люблю вас, но почему вы живете так пошло...». В мысленных диалогах с Чеховым он начал понимать амбивалентности жизни. Герой прозревает, становится добрее, и это нередко случается в прозе Ван Мэна. Очевидно, прав востоковед С. Торопцев,

²²² Аманова Г.А. Ван Мэн: жизнь и творчество. автореферат. Москва, 1993. С. 18.

переводчик китайского писателя, писавший, что его «драматизм должен двигаться либо к трагическому исходу, либо к смягчению»²²³. Ван Мэн был внимателен к чеховскому пониманию пошлости, в этом плане его особенно привлекали такие вещи Антона Павловича, как «Крыжовник» и «Невеста»²²⁴.

Поэтика творчества Чехова и Ван Мэна имеет заметное сходство. Произведения двух писателей созвучны стилистически, их сближает тематика проблематика, приемы типизации, адекватное изображение действительности, сближает гуманизм, внимание к здоровым явлениям природы. Оба прозаика разоблачают психологическую глухоту, «футлярность», житейскую пошлость и т. д. Известный синолог, литературовед, справедливо пишет о тяготении Ван Мэна «к исследованию глубин человеческой души, нюансов национальной психологии»²²⁵. И в этом тяготении очевидно положительное влияние чеховской школы. Творчество Ван Мэна развивается в почве национальной культуры, но связи, и генетические, и типологические, очевидны. Несомненно, в становлении писательского мастерства Ван Мэна важную роль сыграл русский предшественник.

Возможно, самое яркое проявление связи китайской словесности с творчеством Чехова – это литературная деятельность Чжан Цзе (1937–2022). Ее творчество – одно из самых значительных явлений в новейшей китайской литературе. Она стала первой женщиной-лауреатом самой крупной китайской литературной премии, «Премии Мао Дуня», и единственной, кто получил ее дважды, в 1985 и 2005 годах. После завершения культурной революции Чжан Цзе начинала свое творчество в ряду писателей литературы шрамов, в центре которой изображался человек в эпоху драматических экспериментов и преобразований. Тогда, в конце 1970-х годов, стало позволительно правдиво рассказывать о судьбах людей в реальной исторической ретроспективе. Сама писательница была жертвой сложных исторических процессов, хотя и не самых жестоких. Отправленная на

²²³ Торопцев С.А. «Конфликт неосуществленности» в прозе Ван Мэна // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока: тезисы XII Науч. конф. – М.: Наука, 1986. С. 396.

²²⁴ Ван Мэн. Автобиография Ван Мэна, часть первая. – Гуанчжоу: Издательство Хуачэн, 2006. С. 157. 王蒙. 王蒙自传第一部. 广州: 花城出版社, 2006. 第 157 页.

²²⁵ Дагданов Г.Б. Современная литература Китая (1976–1999) / Г.Б. Дагданов, О.Д. Цыренова, Е.К. Шулунова. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999. С. 39.

принудительные работы, учить в школе в сельской глубинке, она стала свидетельницей действительно трагических явлений. Об этом она и писала в начальный период творчества в жанре рассказа. Позже ею были освоены и крупные прозаические жанры.

Уже дебютный рассказ, «Ребенок, пришедший из леса» (1978), принес Чжан Цзе широкую известность, первую национальную премию за «выдающийся рассказ». В нем повествуется о пожилом музыканте, осужденном по статье «враг народа», он занят тяжелым трудом на лесоповале. Музыкант заболел раком, обреченный, он все оставшиеся силы отдал обучению музыке чужого ребенка, мальчику, сыну дровосека. После школы юноша поехал в столицу, поступил в консерваторию, в конце концов стал призером престижного музыкального конкурса.

В кругах писателей своего течения Чжан Цзе имела свои особенности. Проблематика большинства ее коллег была направлена на выражение возмущения по поводу всего случившегося. У Чжан Цзе тоже было это, но кроме того она писала о добре под спудом тяжелых обстоятельств, о неумирающих надеждах даже у умирающих людей.

Позже аспект ее тематики расширился, и тогда в ее литературу, образно говоря, вошел Чехов. Чжан Цзе начинала литературное поприще, когда в Китае возвратился интерес к русской культуре. Новое поколение китайских писателей испытывало осязаемое влияние русской словесности, и классической, и постклассической. Именно чеховское творчество оказало самое сильное влияние на Чжан Цзе. В свое время ее покорила «Ванька» Антона Павловича. Она писала, что детские страдания умело описывали многие литераторы, но Чехов в этом ряду не превзойден. Такой поворот сюжета, по ее мнению, мог предложить только он²²⁶.

Чеховские «следы» обнаруживаются на разных поэтических уровнях сочинений Чжан Цзе. При этом можно говорить и о сознательных, и о бессознательных заимствованиях. Прежде всего писательницу впечатлило то, что

²²⁶ Хэ Хожэнь. Коллекция исследований Чжан Цзе. – Гуйчжоу: Народное издательство Гуйчжоу, 1991. С. 60. 何火任. 张洁研究专集. 贵州: 贵州人民出版社, 1991. 第 60 页.

называют чеховской объективностью. Известно, он писал: «Надо быть равнодушным, когда пишешь жалостные рассказы.. Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление»²²⁷. Именно объективной сдержанностью отличаются многие рассказы Чжан Цзе.

Впервые имя русского писателя упомянуто ею в рассказе «Любовь не забывается» (1979). И не просто упомянут, здесь Чехов – своеобразная точка схода повествования. Рассказ примечателен и свидетельством большой любви Чжан Цзе к Антону Чехову, и неутраченной вокруг него полемикой, здесь затронута табуированная в Китае тема незаконной любви. Сам рассказ ассоциируется с такими чеховскими рассказами, как «В родном углу», «Невеста», «О любви».

Шаньшань, героине повествования и повествовательнице, тридцать лет, она помышляет о любви и браке. Девушка встречается с молодым человеком, но не понимает их отношений, любовь ли это. Формального брака она не желает. Большое влияние на нее оказывает мать-писательница, страстная поклонница Чехова, с чеховским же отношением к любви и браку. По ее мнению, лучше оставаться одной, чем вступать в поспешный брак. Любовь пожилой женщины к Чехову была столь сильной, что к своему собранию сочинений писателя она никого не допускала, и завещала после смерти кремировать ее вместе с книгами любимого мастера слова. Но самое чеховское проявляется в заключительной части рассказа, в мемуарных записках умершей женщины. Из них дочь узнает о трогательной любви матери к мужчине, о драматических обстоятельствах, не позволивших им соединиться, но не помешавшим им всю жизнь любить друг друга. Так же она узнает, что чеховский многотомник был подарен матери этим мужчиной и служил своеобразной связью их сердец. Сам же любимый погиб в годы репрессий.

Идея рассказа действительно очень чеховская – утверждение того, что любовь выше брака, что окружения не должно ее касаться. Шаньшань не может не вызвать в памяти характер Нади, героини чеховской «Невесты». В связи с образом матери-писательницы выражено чеховское отношение к творчеству –

²²⁷ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 5: Март 1892–1894. С. 60.

неразрывному с жизнью. Любовь матери к женатому человеку, пусть и платоническая, была настороженно встречена в критической литературе, о такой любви не принято было писать, тем более касательно женщины. Как было отмечено, Чехов один из первых в русской литературе поднял проблему женской эмансипации, одним из первых литераторов, поднявших эту тему в китайской литературе, несомненно, не без влияния русского классика, была Чжан Цзе²²⁸. В защиту Чжан Цзе выступил известный писатель Ван Мэн, он указал на романтичность автора рассказа, на ее внимание к духовности, к искренней чувственности²²⁹. Другой литератор-современник справедливо заметил, что этот рассказ – свидетельство большой любви писательницы к великому автору²³⁰.

Как и в творчестве Чехова, женская тема – одна из самых частотных в сочинениях Чжан Цзе, у обоих она раскрывается в связи с героями, ищущими настоящую любовь, в разоблачении брака, лишённого чувственности. Весьма характерны в этом плане такие сочинения, как «Боснийская цветочная ваза» (1981), «Ковчег» (1982), «Изумруд» (1984) и многие другие. Чжан Цзе в своих произведениях показывает «рождение нового типа женщины» в китайском обществе²³¹.

Следующей по значению ее темой видится опять-таки чеховская тема – маленький человек. Этот образ героя она по-чеховски отображает и в свете сочувствия, и в свете сатиры. Например, рассказ «Покаяние» (1980) тематически напоминает чеховский рассказ «Тоска», оба они о страдании отца, потерявшего сына. Сюжет «Покаяния» связан с двумя персонажами, это отец, бывший репрессированный по пресловутой статье «враг народа», и сын, всю жизнь прозябавший под грузом обвинения – «сын врага народа». Этот груз сломал

²²⁸ По случайному или не случайному совпадению, но на следующий год после публикации рассказа китайское правительство внесло либеральные поправки к закону о браке.

²²⁹ Хэ Хожэнь. Коллекция исследований Чжан Цзе. – Гуйчжоу: Народное издательство Гуйчжоу, 1991. С. 20. 何火任. 张洁研究专集. 贵州: 贵州人民出版社, 1991. 第 404 页.

²³⁰ Чжан Цзе. Собрание сочинений: прозаических эссе. – Пекин: Издательство народной литературы, 2012. С. 282. 张洁. 张洁文集 散文随笔卷. 北京: 人民文学出版社, 2012. 第 282 页.

²³¹ Ли Т. "Женская тема" в русской и китайской прозе второй половины XX века (на материале произведений В. Токаревой и Чжан Цзе) / Т. Ли, Э. Ф. Нагуманова // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2022. № 4(77). С. 121.

юношу, этот слом выражался даже в его внешности, в робком выражении лица, в согбенной фигуре, он будто бы боялся занимать слишком много пространства. Автор сравнивает его с собакой, подобострастно виляющей хвостом. Однажды сын захотел «выпрямиться», выйти на протестные акции, отец в грубой форме запретил это, что и предопределило смерть молодого человека. Покаяние испытывает отец, человек без вины виноватый. Чжан Цзе – писатель последовательно беспристрастный, она не осуждает отца, «художественно констатирует», как бы следуя чеховскому совету: «художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем»²³².

Те же сдержанность и объективность наблюдаются в ее описании маленьких людей. Как и русский мастер, она «вблизи» рассматривает их быт. Чехов писал: «Если я когда-нибудь напишу рассказ про сельского учителя, самого несчастного человека во всей империи, то на основании знакомства с жизнью многих десятков их»²³³. Будущий прозаик тоже вышла «из низов», и пишет о том же, о желании вплотную познать жизнь героев своих будущих произведений. В одной из статей писательница признается, что нередко совершала поездки на транспорте третьего класса, чтобы видеть персонажей своих произведений, слышать, о чем они говорят²³⁴. Примечательно, в свое время Чехов советовал Куприну чаще ездить в третьем классе, поскольку там иногда можно услышать «замечательно интересные вещи»²³⁵.

Примеров как бы общения автора с персонажами ее рассказов много. Можно указать на рассказ «Тангулу» (1980), он о хромом юноше, продающем на улице тангулу – китайское лакомство. Автор создает нечто, напоминающее живые картины, читатель видит юношу, его улыбку, замерзшие щеки, то, как он застенчиво зазывает покупателей, конкурируя с другим юношей, продающим такое же тангулу. Также можно рассмотреть рассказ «Последняя высота» (1989), один из

²³² Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 2: 1887–сентябрь 1888. С. 270.

²³³ Там же. С. 285.

²³⁴ Чжан Цзе. Собрание сочинений: прозаических эссе. – Пекин: Издательство народной литературы, 2012. С. 346. 张洁. 张洁文集 散文随笔卷. 北京: 人民文学出版社, 2012. 第 346 页.

²³⁵ Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 285.

переведенных на русский язык. В нем повествуется о старушке, доживающей свой век в доме сына. Она винит себя, что «зажилась», что ей уделяется внимание, на нее тратятся деньги. Вся ее радость – старый кот. Однажды кот пропал, старушка нашла его в дальнем углу, куда он забился умереть наедине с собой. Она поняла, почему животные прячутся перед смертью, она сама хотела бы умереть так же, никого не беспокоя. Чжан Цзе демонстрирует детальное знание низовой жизни, ее проблем, повествователь, будто присутствует в описываемом пространстве.

Чжан Цзе не просто услышала чеховский афоризм «краткость – сестра таланта», она ему следует. Известно, чеховские рассказы, идеи которых изложить можно в паре фраз, в потенциале обладают очень большой содержательной глубиной. Можно предположить, что и в этом смысле Чжан Цзе – ученица русского писателя. Как пример, можно обратиться к ее рассказам «Неоконченные записки» (1980) и «Под боярышником» (1984). Особенно интересен первый рассказ, он не может не вызвать в памяти чеховскую повесть «Скучная история. (Из записок старого человека)». Дело, конечно не в частичном совпадении названий. Причем, здесь можно говорить и о типологических, и о генетических творческих связях. Оба произведения – рефлексия интеллигентных людей, ученых, подводящих жизненные итоги, к обоим героям приходит осознание быстротечности жизни, осознание того, что далеко не все задуманное сделано. Чжан Цзе, как и Чехов, прибегает здесь к изложению фабулы в стиле потока сознания. Второй рассказ – образец лапидарности. Человек на больничной койке получил известие о суициде друга в состоянии депрессии. При этом читателю дается большое поле для домысливания. Чжан Цзе писала, что для нее главное – создать, отобразить внутренний мир персонажей²³⁶. И это, по-чеховски, ей явно удастся.

Особая страница творчества Чжан Цзе – это ее сатира, к которой она обратилась в середине 1980-х годов. И здесь очевидно влияние любимого русского писателя, и ее врагом была «пошлость», и у нее сатирические начала обличают существующие общественные нравы. «Следы» чеховского Очумелова из

²³⁶ Хэ Хожэнь. Коллекция исследований Чжан Цзе. – Гуйчжоу: Народное издательство Гуйчжоу, 1991. С. 20. 何火任. 张洁研究专集. 贵州: 贵州人民出版社, 1991. 第 20 页.

«Хамелеона», тонкого из чеховского «Толстый и тонкий» отчетливо заметны в таких сатирических сочинениях, как «Не созрел» (1983) и «Габаритные огни» (1984). В первом рассказе чиновник по имени Юэ Тофу с огорчением узнает, что на должность, о которой он мечтал, назначается другой человек. Он делает все возможное, чтобы воспрепятствовать этому. Узнав, что из его стараний ничего не вышло, Юэ Тофу стал «сердечно» поддерживать приятеля, «искренне» желать ему успехов. Если искать отличия в «хамелеонных» характерах, можно сказать, что китайский прототип социально опаснее.

Еще более чеховское второе из упомянутых сочинений. Примечательно, что, как и у Чехова, описываемые события происходят на железной дороге. Главный герой оскорблен тем, что с ним в одном вагоне едут не чиновные люди. В пути он встречает человека, которого принимает за большого начальника, начинает вести себя подчеркнуто скромно, лебезить. Затем, узнав, что ошибся, что его попутчик скромный пенсионер, выпрямляет свою «почтительно согнутую спину». Если и здесь искать отличительные особенности, то можно заметить, что китайская писательница намекает на то, что время хамелеонов проходит.

В Китае есть устоявшееся мнение, что своим творчеством Чжан Цзе говорит своим соотечественникам: «Не красиво живете, товарищи»²³⁷. Но именно с этим Чехов обращался к своим соотечественникам. Чжан Цзе совершенно определенно иллюстрировала свои слова в жанре сатиры, очень ярко в таких вещах, как «Чем он болен?» (1986), «Раздражение» (1991). Это характерные сатирические разоблачения, дающие «полное представление об отрицательных качествах явления»²³⁸. Она по-чеховски ставит диагноз людям, обществу, что есть, как известно, первый шаг к излечению.

Чжан Цзе, как и Антон Чехов, пережила своеобразную творческую эволюцию. Русский писатель, начав как правоверный реалист, шел к модернизму. А. Белый, теоретик и историк модернизма назвал прозаика и драматурга

²³⁷ Чжан Цзе. Любовь не может быть забыта. – Гуанчжоу: Издательство Хуачэн, 1980. С. 5–6. 张洁. 爱是不能忘记的. 广州: 花城出版社, 1980. 第 5–6 页.

²³⁸ Есин А.Б. Типологические соотношения содержания и формы // Литературоведение. Культурология. – М.: Флинта, Наука, 2002. С. 40.

«подножием русского символизма», указал на его умение представлять явления в «совокупности многообразных тайн»²³⁹. С годами модернизировалась и проза Чжан Цзе, в последние годы жизни в ее творчестве стало много иносказаний, символики. В этом смысле примечателен рассказ «Прелесть сновидений» (1996). Это повествование о приключениях женщины, путешествующей по Франции и Италии. Содержание рассказа – ряд мистических событий и превращений. Здесь мимикрируют фотографии, происходят неожиданные телепортации во времени и в пространстве, пугающие таинственные преследования, дракон из браслета становится драконом настоящим, здесь стираются границы между миром иллюзорным и миром действительным. Символ, в понимании известного ученого, существует «до данного текста и вне зависимости от него, попадает в память писателя из глубин которой и оживает в новом тексте, как зерно, попавшее в новую почву»²⁴⁰. Зная, какое влияние оказал Чехов на писательницу, допустимо предположить, что свою роль в создании этого произведения могло сыграть ее знакомство с «Черным монахом». Конечно, у русского автора нет таких впечатляющих ирреальностей, но тут следует учесть, что китайская писательница жила в эпоху постмодернизма.

Как отметил А. Чудаков, абсолютно адогматично единственно само бытие, сама текущая жизнь. Она неразумна и хаотична; и только ее смысл, ее цели неизвестны и не подчинены видимой идее. Чем ближе созданный мир к естественному бытию в его хаотичных, бессмысленных, случайных формах, тем больше будет приближаться этот мир к абсолютной адогматичности бытия. Мир Чехова – именно такой мир²⁴¹. Поздний Чехов, его философичность, лиризм, недоговоренность, все это узнается в поздних романах Чжан Цзе, имеющих примечательные, в некотором смысле метафизические названия: «Без слов» (1998–2002), «Знаю, что существует» (2006), «Дух дан для странствий» (2009) и т. д.

²³⁹ Белый А. А.П. Чехов: pro et contra / Сост., общая редакция И. Н. Сухих. – СПб.: РХГИ, 2002.

²⁴⁰ Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 243.

²⁴¹ Чудаков А.П. Поэтика и мир Антона Чехова: возникновение и утверждение. – М.: Эксмо, 2024. С. 283.

В 1997 году Чжан Цзе написала эссе, положив в название, слова Антона Чехова, сказанные им перед самой смертью, «Давно я не пил шампанского». Это эссе – размышление о творчестве Чехова и признание: «Любила и читала многих авторов, но Чехов – это нечто особенное, это проникновенный взгляд в жизнь, предопределяющий размышления о ней, о ее несовершенстве»²⁴². В размышлениях Чжан Цзе немало мыслей очень схожих с чеховскими. «Никто не может сказать со всей определенностью, – пишет она, – что человек понимает, мир, другого человека и самого себя»²⁴³. Очень схоже размышлял Чехов в письме Суворину: «Пора уже сознаться, что на этом свете ничего не разберешь, как когда-то сознался Сократ»²⁴⁴. Авторское слово не может проникнуть в «закрытую сферу». Идея невыразимости, словом, лежит в основе чеховской поэтики «запредельного». И Чехов, и Чжан, могли бы сказать: «Чего нельзя формулировать в слове, о том следует молчать». Г. Бялый верно заметил, что для понимания души человека важно не только то, что может быть высказано словами, а и то, что только чувствуется и кажется, – не только мысли, но и смутные ощущения, предтечи мыслей, та психическая лаборатория, в которой формируется мысль²⁴⁵. Очевидно, эссе «Давно я не пил шампанского» сама писательница придавала очень большое значение, неоднократно его редактировала.

Произведения Чжан Цзе переведены на многие языки мира и, конечно, на русский язык. При этом творчество этого крупнейшего художника слова Китая в России изучено явно недостаточно. Чжан Цзе достойна того, чтобы ее лучше знали в России. Сопоставительный анализ ее творчества и творчества Антона Павловича Чехова достоин особого внимания в силу своей показательности. Совершенно очевидна «голосов переключка», писателей, живших в разных эпохах, в разных

²⁴² Чжан Цзе. Собрание сочинений: прозаических эссе. – Пекин: Издательство народной литературы, 2012. С. 389. 张洁. 张洁文集 散文随笔卷. 北京: 人民文学出版社, 2012. 第 389 页.

²⁴³ Хэ Хожэнь. Коллекция исследований Чжан Цзе. – Гуйчжоу: Народное издательство Гуйчжоу, 1991. С. 20. 何火任. 张洁研究专集. 贵州: 贵州人民出版社, 1991. 第 62 页.

²⁴⁴ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 2: 1887–сентябрь 1888. С. 270.

²⁴⁵ Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. – Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1990. С. 304.

культурных ситуациях, совершенно очевидно, что китайский прозаик, родившийся на десятилетия позже, услышал российского коллегу и, очарованный его мастерством, воспринял его как учителя. Речь, конечно, не идет о том, что Чжан Цзе повторяет Чехова или просто переводит его, так сказать, русскую образность на китайскую образность. Она перенимает, прежде всего, чеховскую философию творчества, чеховское отношение к творчеству, чеховский стиль. К тому, что уже сказано, можно добавить – импрессионистичность, многозначную недоговоренность и, конечно, демократизм, гуманизм. В целом ряде произведений Чжан Цзе отчетливо проявляется, говоря терминологией А. Веселовского, генетическое родство, но более значимо – родство типологическое. Свое почтение к Чехову китайская писательница публично выражала не раз. Она предполагала, что в будущем мировая словесность даст много – известных великих писателей, но вряд ли даст такого изящного писателя, каким был Чехов²⁴⁶. Чжан Цзе без преувеличения можно назвать китайским Чеховым.

Еще один из многих почитателей Антона Чехова – известный в Китае, а с некоторых пор и в России, – современный литератор Фэн Цзицай (1942). Сборники его рассказов в переводе на русский язык стали появляться еще в конце прошедшего века. Он тоже неоднократно признался в любви к Чехову, в благотворном влиянии русского мастера на его творчество. Фэн Цзицай, как и Чжан Цзе, дебютировал литературой шрамов после культурной революции. Фэн известен и как живописец, особые симпатии он проявляет к картинам Левитана, то есть и здесь просматривается «родство» с Чеховым, чрезвычайно любившим этого живописца, дружившего с ним. В одном из интервью китайский писатель пронизательно заметил родство этих двух великих современников, признался, что Чехов для него – «Левитан в прозе». В его видении Чехов в своей прозе описывает

²⁴⁶ Чжан Цзе. Собрание сочинений: прозаических эссе. – Пекин: Издательство народной литературы, 2012. С. 389. 张洁. 张洁文集 散文随笔卷. 北京: 人民文学出版社, 2012. 第 389 页.

картины Левитана, а Левитан в своих полотнах живописует Чехова, чеховские пейзажи²⁴⁷.

В начале XXI века любовь к русскому искусству привела Фэн Цицай в Россию. Итоговым результатом этой поездки является сборник путевых записок «Прислушаться к России». Многие страницы этой книги посвящены Чехову и Левитану. Китайский писатель возложил цветы к могиле Чехова, и в который раз признался, что «из русских писателей наибольшее влияние на него оказал Чехов»²⁴⁸.

Влияние русского мастера на творчество Фэн Цицай можно обнаружить в его юмористических опытах, в таких, например, рассказах, как «Значок» или «Бесовская сила вина» (1982). Они неизбежно вызывают в памяти читателя несчастного Червякова из трагикомедии «Смерть чиновника» Чехова, в которой, как справедливо отмечено, трудно провести «грань между рабством и деспотизмом». Подобострастие по отношению к лицам вышестоящим для чеховских мещан предстает как «святая обязанность». В «Смерти чиновника», в «Пережитом», в рассказах «Кот», «Альбом», «У предводительши», как и в других тематически схожих сочинениях, так или иначе обыгрывается это обязательное выражение чувств, предусмотренных табелью о рангах²⁴⁹. Фэн Цицай обыгрывает типологически схожие ситуации и персонажей. О родстве «Значка», «Бесовской силы вина» с юмористикой раннего Чехова китайский писатель отметил в упомянутом интервью²⁵⁰.

Мелкий чиновник Фэн из «Бесовской силы вина», принципиально не употреблявший алкогольные напитки, оказался в гостях у своего начальника. Он

²⁴⁷ Фэн Цицай, Сунь Юфань. Фэн Цицай: зарубежные писатели, которые повлияли на меня. // Новая литературная история. 2020. № 2. С. 110. 冯骥才, 孙玉芳. 冯骥才: 那些影响了我的外国作家们. 新文学史料. 2020年. 第2期. 第110页.

²⁴⁸ Фэн Цицай. Прислушаться к России. – Пекин: Издательство народной литературы, 2003. С. 120. 冯骥才. 倾听俄罗斯. 北京: 人民文学出版社, 2003. 第120页.

²⁴⁹ Бердников Г.П. А.П. Чехов – идейные и творческие искания. – Л.: Гослитиздат, 1961. С. 33–39.

²⁵⁰ Фэн Цицай, Сунь Юфань. Фэн Цицай: зарубежные писатели, которые повлияли на меня. // Новая литературная история. 2020. № 2. С. 110. 冯骥才, 孙玉芳. 冯骥才: 那些影响了我的外国作家们. 新文学史料. 2020年. 第2期. 第110页.

ведет себя подобострастно, стараясь угодить руководителю, впервые выпил спиртное. Вино вдарило в голову несчастного и кардинально поменяло манеру его поведения. Пьяный Фэн позволяет себе перебивать и грубо толкать начальника, заставляя его петь. Однако, все это веселит пьяного хозяина. Позже главный герой с грустью осознает бесовскую силу вина: лишь она способна разрушить социальные барьеры, освободить человека от самоунижения. Но важно и другое: за рабской психологией таится фривольное хамство. В России А. Чехов был одним из первых, кто заметил опасность со стороны маленького человека. В Китае таким литератором-пионером с подачи русского писателя стал Фэн Цицай.

В другом рассказе Фэн Цицай, в «Толстом и тонком» также отчетливо проявляется чеховский юмор, и это связано не только с тем, что у русского писателя есть одноименное произведение. Сюжет китайского рассказа прост, но с глубоким подтекстом, он о всеобщей мимикрии, и толстые, и тонкие принимают формы в соответствии с требованиями времени. Это, конечно, рассказ-притча. Первоначально в городе преобладала тенденция к полноте, и жители обращались к толстому с вопросами о наборе веса. Затем наступила мода на худых, и встал вопрос о снижении веса. Всех волнует одно – как меняться в зависимости от обстоятельств. Фэн Цицай, как и Антон Чехов, высмеивает пошлость приспособленчества. Влияние творческого наследия Чехова прослеживается не только в использованных чеховских сюжетных ситуациях, но и в смысловой емкости повествования китайского рассказчика, восхищающегося «чеховскими остроумием, краткостью, метафоричностью»²⁵¹.

Известно, Чехов сочувственно высмеивал и разоблачал недостатки маленького человека, что особенно заметно в таких его сочинениях, как «На гвозде», «Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало», «Из дневника помощника бухгалтера». Сочувствие «робким и маленьким» было близко китайскому писателю²⁵². В его рассказах присутствует чеховская амбивалентность.

²⁵¹ Фэн Цицай. Прислушаться к России. – Пекин: Издательство народной литературы, 2003. С. 120. 冯骥才. 倾听俄罗斯. 北京: 人民文学出版社, 2003. 第 120 页.

²⁵² Там же. С. 119.

Оба писателя вышли из социальных низов, что могло предопределить их амбивалентное отношение к маленьким людям. Весьма характерен рассказ из времен культурной революции «Предупреждение самому себе» Фэн Цицая. Главный персонаж испытывает сильный страх перед общественными обстоятельствами и склонен к самообвинению за еще не совершенные ошибки. По мнению российских исследователей, Фэн Цицай не только разоблачает злодеяния прошлого, но старается глубже проникнуть в психологию своих героев²⁵³. Внутренние переживания и абсурдные поступки китайского героя напоминают чеховских маленьких людей, вызывающих смех и сочувствие.

Амбивалентное отношение к герою прослеживается в трагикомической повести «Крик» (1979). Она тоже находится в числе сочинений Фэн Цицая, переведенных на русский язык. Главный персонаж потерял письмо, в котором он теоретически мог высказать свое критическое отношение к власти. Он испугался возможной потери, опережая события, сделал донос на себя и близких, за что получил полгода заключения. Вернувшись, несчастный случайно находит утерянное письмо под умывальным тазом и кричит от великой досады на себя и на всю нелепую жизнь. Фэн Цицай, заимствуя чеховский подход, усиливает трагизм существования маленького человека через создание комических ситуаций.

Кроме амбивалентности, особенность чеховской поэтики комического состоит еще в том, что писатель искусно соединил конкретный социальный анализ российской действительности конца XIX – начала XX в. с выявлением общечеловеческих закономерностей развития общества. История одного человека в произведениях Чехова выступает как проявление развития человеческого общества. Сегодня мир видит в комических персонажах писателя собственный эгоцентризм, духовную и социальную пассивность²⁵⁴. Фэн Цицай также вместил в «Предупреждение самому себе» и «Крик» исторические и социальные специфики

²⁵³ Шулунова О.В. Великая культурная революция в рассказах Фэн Цицая // *Global and Regional Research*. 2019. – Т. 1. № 1. С. 119.

²⁵⁴ Кройчик Л.Е. Поэтика комического в произведениях А.П. Чехова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. С 263–264.

страны того времени, что дает возможность переосмыслить построение социума и духовное состояние народа в трагическое десятилетие тогдашнего Китая.

Примечательный факт, и Чехов, и Фэн начинали как писатели юмористического склада, далее оба они переместились в область философских исканий. Известно, ранний и поздний Чехов – разные писатели²⁵⁵. В таких глубоко трагических чеховских произведениях, как «Горе», «Беда», «Скрипка Ротшильда», «Убийство», не просто усмотреть прошлого сочинителя юмористических «осколков». То же можно сказать и о Фэн Цзицае. В первой редакции рассказа «Тяжелые люди» Чехов писал: «Бывают в жизни отдельных людей несчастья, например, смерть близкого, суд, тяжелая болезнь, которая резко, почти органически изменяет в человеке характер, привычки и даже мировоззрение». В этих словах, как отметил Г. Бялый, заключена целая художественная программа, которую Чехов осуществлял последовательно на протяжении многих лет²⁵⁶. Типологические связи творчества Чехова и Фэна заключаются в том, что в зрелых произведениях двух писателей часто присутствуют мотив смерти, поворот сюжета, когда уход одного человека ставит другого в экзистенциальную ситуацию, заставляющую переосмыслить жизнь и ценностные ориентиры.

Так, например, в рассказе «Два врача» (1982) Фэн Цзицай описываются болезненные размышления врача после смерти пациента. Ежедневно врач Ху может предоставить только одно направление для проверки мозгового кровообращения. Однажды он отдал это направление не больному, а будущему начальнику своего сына. В результате пациент не смог вовремя пройти дальнейшее обследование и умер на следующий день. Врач испытывает муки совести, его терзает то, что этот грешный проступок некому судить. В конце концов он осознает наличие нравственного закона, по которому человек сам себе ответчик и судья. Китайский писатель по-чеховски изображает морально страдающих персонажей, решающих вопросы справедливости и нравственности. Фэн, как и Чехов, считал,

²⁵⁵ Сухих И.Н. Васильева И.Э., Ильюхина Т.Ю. [и др.]; под ред. Степанова А. Д. Ранний Чехов: проблемы поэтики: коллективная монография. – СПб.: Нестор-История, 2019. С. 187.

²⁵⁶ Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. – Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1990. С. 276.

что «литература должна быть совестливой»²⁵⁷. «Скрипка Ротшильда» и «Два врача» отличаются сюжетом, но их объединяет исходная морально-нравственная идея, вопрос о смысле жизни перед лицом неминуемой смерти.

Оба писателя уделяли пристальное внимание образу живописца. По наблюдению М. Першиковой, «талант художника отразился на умении Фэн Цицай создавать объемные образы персонажей»²⁵⁸. Разумеется, эти слова также можно отнести к Чехову, героями произведений которого часто выступают живописцы. Достаточно вспомнить рассказы «Скверная история», «Попрыгунья», «Дом с мезонином». Главные персонажи у китайского писателя также часто являются художниками, например, в таких произведениях, как «Картина “Противостоящие холоду”» (1983), «Окно на улицу» (1985), «Спасибо жизни» (1985), «Баркарола» (1986), «Художники» (2020). Выбор писателей обусловлен тем, что герои-живописцы ближе к самим авторам, поскольку у них обострено внутреннее зрение.

Генетические и типологические связи прозы двух писателей отчетливо видятся в рассказе «Баркарола», в котором упомянут чеховский «Дом с мезонином». И в одном, и в другом речь идет о безымянных художниках, в рассказах даются проникновенные размышления от первого лица о любви, искусстве и смысле жизни. Тот и другой герои влюблены в героинь намного моложе себя и живут с матерями в домах с мезонином. Рассказы имеют типичные «чеховские» открытые финалы, дающие возможность читателям домыслить развитие описанных отношений.

Сходство рассказов отражается не столько в очевидных сближениях сюжетных линий, сколько в общем настроении, атмосфере прозы, обращении к внутреннему монологу, символике и недоговоренности. В «Баркароле» главный герой уходит в воспоминания о море, встречах, беседах с пленительной героиней. В пространственных внутренних монологах художник обращается к былым переживаниям и впечатлениям, мыслям, чувствам: «Какими они были глубокими!

²⁵⁷ Фэн Цицай. Диалог мыслей. – Чжэнчжоу: Издательство древних книг Чжунчжоу, 2005. С. 132. 冯骥才. 思想对话. 郑州: 中州古籍出版社, 2005. 第 132 页

²⁵⁸ Першикова М.В. Фэн Цицай: художник слова, мастер словесной живописи // Восточный калейдоскоп. – М.: Российский университет дружбы народов. 2023. С. 419.

Казалось, на меня глядела твоя душа... Где теперь искать ту жизнь, пусть одинокую, пусть беспокойную и опасную, но все-таки полную силы и желаний, полную света и теней?.. Чем можно мерить время – отчетливостью воспоминаний или реально прожитой жизнью, запомнившимися эпизодами?.. Значит, надо сказать самое главное, но что именно?»²⁵⁹. Воспоминания, ассоциации и чувства чеховского персонажа также сливаются в единый поток внутренней речи: «Помнится, когда я ехал по берегу Байкала, мне встретилась девушка бурятка... И Лида точно так же презирала во мне чужого... Должно быть, я любил ее за то, что она встречала и провожала меня, за то, что смотрела на меня нежно и с восхищением... А ум? Я подозревал у нее недюжинный ум, меня восхищала широта ее воззрений, быть может, потому что она мыслила иначе, чем строгая, красивая Лида, которая не любила меня... когда меня томит одиночество и мне грустно, я вспоминаю смутно, и мало-помалу мне почему-то начинает казаться, что обо мне тоже вспоминают, меня ждут и что мы встретимся». Читатели «Баркаролы» и «Дома с мезонином» как бы непосредственно наблюдают за процессом мышления главных героев, их впечатлениями, ассоциациями, чувствами во всей их естественности.

Герой Чехова вспоминает «Байкал», герой Фэна – море, волнующееся водное пространство, которое «о чем-то таинственно шумит». В дополнение к образу моря, олицетворяющему жизнь, в «Баркароле» присутствуют и другие символические элементы, такие как лодка, часы, свет, серебристая ива и мезонин. Эти символы могут быть истолкованы по-разному. Китайский рассказчик объясняет свою творческую манеру через слова главного героя: «общность ощущений – самое трудное и самое радостное»²⁶⁰. Примечательно, что оба рассказа объединяет топоним – дом с мезонином. Это образ чего-то зыбкого, образ импрессионистический, штриховой. Чеховские персонажи, «загнанные жизнью», могут укрыться от давления окружающего мира в собственных домах и

²⁵⁹ Ван Мэн., Гу Хуа., Фэн Цзицай., и др. Современная новелла Китая. – М.: Худож. лит., 1988. С. 324–337.

²⁶⁰ Там же. С. 332–337.

квартирах²⁶¹. Дом с мезонином, как правило, загородный, не дает подобного укрытия. Фэн Цицай, очевидно, осознал это и заложил данное понимание в свое произведение о китайском художнике и о китайской Мисюсь.

И. Сухих, исследуя «Дом с мезонином», отметил, что в последнем предложении рассказа «Мисюсь, где ты?» звучат пронзительная грусть и меланхолия. Вопрос не предполагает конкретного, «географического» ответа, он об уходящей жизни и невозможности счастья²⁶². Таково и окончание рассказа «Баркарола»: «В самом деле, что со мной?». Вопросы создают ощущение незаконченности, развернутости в жизнь. Известно, за «незаконченность» Чехова упрекали, понадобилось время, чтобы пришло осознание ее содержательного значения. Заимствуя чеховское построение текста, Фэн Цицай говорит в «Баркарале» о бесконечности бытия.

По мнению Фэна, Чехов стал великим писателем, поскольку носил в себе любовь и сострадание к людям²⁶³. Отзывчивость и гуманизм, отраженные в творчестве Фэн Цицай, несомненно, сформировались под влиянием чеховской прозы²⁶⁴. Можно сказать, что у китайского писателя случился свой «Остров Сахалин» – сборник документальной прозы «Сто человек и десять лет» (1991). Книгу перевели на русский язык под названием «Десятилетие бедствий: записки о "культурной революции"». В ней китайский литератор подробно описывает обстановку, в которой создавалась его книга, акцентирует внимание на опасность такого вида творческой работы. Писатель был намерен «показать действительность прошлого времени последующим поколениям во избежание повторения подобной трагедии»²⁶⁵. Книга Фэн Цицай, как и, в свое время, книга Антона Чехова, вызвала

²⁶¹ Кройчик Л.Е. Поэтика комического в произведениях А.П. Чехова. – Воронеж: – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. С. 226.

²⁶² Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 127.

²⁶³ Фэн Цицай, Сунь Юфань. Фэн Цицай: зарубежные писатели, которые повлияли на меня. // Новая литературная история. 2020. № 2. С. 110. 冯骥才, 孙玉芳. 冯骥才: 那些影响了我的外国作家们. 新文学史料. 2020年. 第2期. 第110页.

²⁶⁴ Ли Цзяньцзюнь. Фэн Цицай и Чехов. Литературная полемика. 2023. № 8. С. 32–48. 李建军. 冯骥才与契诃夫 // 文艺争鸣. 2023年. 第8期. 第32–48页.

²⁶⁵ Фэн Цицай. Сто человек и десять лет. – Пекин: Издательство культуры и искусства, 2016. – 316 с. 冯骥才. 一百个人的十年. 北京: 文化艺术出版社, 2016. 316页.

неоднозначные отзывы. Отсюда видится еще один фактор, связывающий творчество Фэн Цицай с чеховской традицией – понимание народности, историзма.

Русский мастер слова сочувственно изображал и страдания, и сложный внутренний мир соотечественников в переломную эпоху. XX столетие было чрезвычайно кризисным и в России, и в Китае, не удивительно, что литераторы Поднебесной обращались к опытам словесности своего европейского соседа, к сочинениям А. Чехова. Ван Цэнци, Ван Мэн, Чжан Цзе, Фэн Цицай и многие другие китайские писатели новой и новейшей литературы учились у Чехова, в раннем и зрелом творчестве осознано и неосознанно обращались к творчеству русского прозаика. Сделанные китайскими последователями отсылки к произведениям и высказываниям Чехова формируют особую интертекстуальную ткань между их работами. Все рассмотренные китайские писатели введены в школьную программу, что обусловило продолжение эстафеты чеховской традиции в словесности Поднебесной. Можно предполагать, что школа Чехова еще многие и многие годы будет открыта для новых поколений писателей, драматургов и в России, и в Китае, и в мире.

Глава 3. Творчество А. Чехова в свете китайского мировидения

3.1. Чеховское миропонимание и древнекитайская философия

Из всей мировой, из всей русской литературы именно Антон Павлович Чехов оказался наиболее близким, наиболее востребованным писателем в Китае. Его влияние на словесность Поднебесной было и остается самым действенным. У этой востребованности есть ряд причин, одна из них, как можно предположить, лежит в плоскости своеобразия чеховского миропонимания, его отношений к метафизическим вопросам, близким и понятным китайцам, китайским писателям.

Важные стороны каждой религиозности – сторона мистическая и сторона этическая. Для Чехова вторая сторона гораздо важнее первой, его религиозность была весьма своеобразной, хотя в чеховедении наблюдается тенденция представить Чехова человеком однозначно верующим. При этом представляющие игнорируют откровенные, честные, причем с толикой сожаления, однозначно атеистические признания Антона Павловича, например, в письмах близким глубоко верующим людям – А. Суворину, И. Леонтьеву, М. Меншикову²⁶⁶. «Мое святая святых, – пишет он А. Плещееву, – это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались»²⁶⁷. Вряд ли будет большим преувеличением сказать, что эстетика была его религией, отсюда и желание внести должную этику, этику человеколюбия, в массы посредством своего творчества, и этическое, кантианское понимание необходимости веры в Бога. Христианский идеал был для него истинным идеалом. Именно поэтому он, неверующий, писал В. Миролубову: «Нужно веровать в Бога...»²⁶⁸.

²⁶⁶ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 5: Март 1892–1894. С. 20; Там же. С. 22; Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 9: 1900–март 1901. С. 33.

²⁶⁷ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 3: Октябрь 1888–декабрь 1889. С. 13. Доказательные усилия тем более странные, что религиозность – не показательная опция ни в моральном, ни в творческом плане.

²⁶⁸ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 10: Апрель 1901–июль 1902. С. 156.

Но и для массового китайца этическая сторона всех учений важнее мистической. Известно, своеобразной религией для китайского народа была, а во многом и остается, его национальная философия, история которой насчитывает более двух с половиной тысячелетий²⁶⁹. И не важно, что далеко не все китайцы читали свою философию, Библию тоже не все верующие христиане читали, важно то, что эта философия проникла во все сферы китайской жизни и творчества, литературного, может быть, прежде всего²⁷⁰. Этика китайской философии, при всем многообразии ее изводов, конфуцианского, может быть, прежде всего, немало коррелирует с писательской этикой Чехова, любимца Поднебесной.

Антон Павлович – человек своего времени, эпохи кризиса сознания, утрат целостного миропонимания, смены парадигм, и в эстетическом отношении к религии Антон Павлович в известном смысле не исключение. Современный философ и филолог справедливо отмечает, что русская литература взяла «на себя роль религиозно-философского осмысления мира и человека, национального самосознания»²⁷¹. Чехов в этом осмыслении занимает очень видное положение, хотя это было понято не сразу и не всеми. Максим Горький писал об этом самому Чехову. Известный современник справедливо указал, что «другие драмы не отвлекают человека от реальностей до философских обобщений – Ваши делают это»²⁷². Горький так же посчитал нелепым упрек в адрес Чехова – в отсутствии мирозерцания, рассуждая, что «у Чехова есть нечто большее, чем мирозерцание, – он овладел своим представлением о жизни и таким образом стал выше ее. Он освещает ее скуку, ее нелепости, ее стремления, весь ее хаос с высшей точки зрения»²⁷³.

²⁶⁹ Можно заметить, что древнекитайская философия имеет корневые схождения с христианской философией, прежде всего с ее исходным постулатом о взаимосвязи с Абсолютом. В китайском «религиозном» понимании этот Абсолют величается «Творящим Космосом».

²⁷⁰ Подробно об этом: Чжан Х., Мескин В. Новая китайская литература в призме конфуцианства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 3. С. 154–165.

²⁷¹ Семенова С.Г. Метафизика русской литературы: в 2 т. – М.: ПоРог, 2004. С. 5–6.

²⁷² М. Горький и А.П. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания: Сборник материалов / Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Подгот. текста и коммент. Н. И. Гитович. – М.: Гослитиздат, 1951. С. 28.

²⁷³ Там же. С. 124.

Продолжительное время часть критиков видела в Чехове певца «хмурых людей» и выразителя «интеллигентской тоски»²⁷⁴. Со временем, особенно с начала XX века, к философско-мировоззренческим граням чеховской прозы стали относиться по-другому. Так, например, Сергей Булгаков назвал «мыслителем» Чехова, «писателем наибольшего философского значения» после Толстого и Достоевского. На его взгляд все они неизменно обращались к «самым глубоким и основным проблемам человеческой жизни и духа», своим путем искал «ответы на общечеловеческие вопросы»²⁷⁵. Этот глубоко религиозный мыслитель, конечно же знал своеобразное отношение писателя к христианству, но тем не менее ценил духовность чеховского творчества.

Ученые утверждают, что между обыденным сознанием и научным познанием нет жестких границ²⁷⁶. Это относится и к естествознанию, и к философии. Чеховское творчество это как бы доказывает. Он несет то мирозерцание, которое должно «быть ориентиром не в абстрактном мире философов, а в конкретном мире людей»²⁷⁷. «Философская наполненность» творчества Чехова несводима к абстрактным умозрительным суждениям, логическим тезисам. У него не «иллюстрация философских положений при помощи картин и образов», а целостное воплощение мира в свете своего «представления жизни»²⁷⁸.

Своеобразная философия чеховской прозы предстает в размышлениях о человеке в различных конкретных жизненных ситуациях. Писатель предлагает свои мозаичные поюсторонние представления о мире, свои размышления о сокровитом в человеке и человечестве. Вспомним еще раз признание писателя: «Мое святая святых – это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение...»²⁷⁹.

²⁷⁴ Александров Б.И. А.П. Чехов. Семинарий: Пособие для студентов. – 2-е изд., доп. и перераб. М; Л.: Просвещение, 1964. С. 32.

²⁷⁵ Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель. Публичная лекция // А.П. Чехов: pro et contra: Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX-нач. XX в. (1887–1914): Антология. – СПб.: Изд-во Русского Христиан. гуманитар. ин-та, 2002. С. 539–542.

²⁷⁶ Ойзерман Т.И. Философия и обыденное сознание // Вопросы философии. 1967. № 4. С. 119–130.

²⁷⁷ Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 151.

²⁷⁸ Катаев В.Б. К Пониманию Чехова. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 168.

²⁷⁹ Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 84.

Как справедливо заметил известный исследователь, главной целью в мире гуманиста Чехова является «пробуждение нравственного сознания», и в этом художественном пространстве «никакого “там” не существует: жизнь идет сегодня, здесь, сейчас»²⁸⁰. Все это удивительно близко древнекитайским философским постулатам, в частности, направлению, заложенному Конфуцием, – конфуцианству. Учение имело и имеет своей целью улучшение всей жизни посредством улучшения нравственной природы человека, учение гуманистическое, по-своему прагматичное.

Можно предположить, что любовь китайских читателей, писателей к Чехову имеет не только явные эстетические, социально-исторические корни, но еще и не явные ментальные: творчество русского мастера, естественно, не преднамеренно, во многом отражает конфуцианские установки, конфуцианскую свободную от метафизики этику. Примечательно, сам Чехов упомянул имя мыслителя в рассказе «Философские определения жизни» (1882).

В протяжении более двух тысяч лет конфуцианство, сначала «чистое», потом – модифицированное, лежало в основе культуры Китая. На фундаменте древней философской школы строилась государственность Поднебесной, духовность ее народа. Конфуцианство, как уже говорилось, важная скрепа культурной основы и нового Китая. По сути, об этом, об универсальном характере учения, пишет известный современный специалист по истории и этике конфуцианства Хуан Юэшунь. По его мнению, конфуцианство – это «не отдельная академическая дисциплина сама по себе, а многовекторная культурная система, затрагивающая методику образования, философию, этику, политологию, эстетику, фольклор, теорию и практику художественного творчества и т. д.»²⁸¹. Китайская словесность во все времена сознательно или подсознательно отражает идеи учения. Без внимания к конфуцианству нет полного понимания китайского искусства вообще и литературы в частности.

²⁸⁰ Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 166.

²⁸¹ Хуан Юйшунь. набросок истории конфуцианской литературы. – Шэньчжэнь: Издательство Хайтянь, 2020. С. 11. 黄玉顺. 儒家文学史纲. 深圳: 海天出版社, 2020. 第 11 页.

Вот основные положения конфуцианства. Важно то, что это системное учение. Его ядром является такое понятие как «Жэнь». О нем много написано в Китае, есть о нем содержательная работа и в России²⁸². В главной книге конфуцианства «Лунь Юй», где описаны основополагающие идеи учителя, «Жэнь» упоминается более ста раз. Мудрец дает там конкретное и простое объяснение понятию: «Жэнь» – есть любовь к людям²⁸³. На русский язык он логично переводится как любовь, человеколюбие, человечность, гуманность, милосердие. Это объяснение, не генетически, но типологически соотносится с объяснением абсолютного начала в христианстве – «есть любовь».

Значение «Жэнь» в учении выходит за границы внимания к людскому множеству, оно охватывает все живое в подлунном мире. Согласно существующим жизнеописаниям учителя, он бережно, сочувливо, любовно относился ко всем явлениям природы, и к флоре, и к фауне, «ловя рыбу, никогда не пользовался сетями. Охотясь, никогда не стрелял отдыхающих в гнездах»²⁸⁴. Это, заметим, тоже напоминает жизнеописание святых в христианстве. Один из последователей, Мэнцзы, трактуя идеи Конфуция, утверждал, что «Жэнь» – лежит в основании мышления и деятельности «правильного человека», достичь «Жэнь» значит «стать настоящим и полноценным человеком»²⁸⁵. С древних времен конфуцианство наставляло народ на непрестанное стремление к самосовершенствованию, иначе говоря, к достижению «Жэнь». По Конфуцию, «Жэнь» – это и идеальное нравственное состояние, достигаемое всякого рода деяниями, соблюдением определенных жизненных правил, и закон красоты в искусстве.

По мнению американо-китайского философа Чэн Чжуньина, «Жэнь» у Конфуция интегрирует людей, устанавливает коммуникацию между отдельной

²⁸² Головачева Л.И. ОИГК – Конфуций – Совесть. К 30-летию одного научного открытия (отрывок из воспоминаний) / Л. И. Головачева // Общество и государство в Китае. 2014. Т. 44, № 1. С. 553–564.

²⁸³ Мартынов А.С. Конфуцианство. «Лунь юй». (пер. А.С. Мартыновым). В 2 т. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – Т. 2. С. 294.

²⁸⁴ Там же. С. 253.

²⁸⁵ Мэн Пэйюань. Человек и природа – экологический взгляд на китайскую философию. – Пекин: Народное издательство. 2004. С. 158. 蒙培元. 人与自然——中国哲学生态观. 北京: 人民出版社. 2004. 第 158 页.

особью и миром, вносит порядок в течение жизни, устанавливает ценностную иерархию. Взаимосвязь отдельного и целого заявлена в иероглифе «Жэнь». Это «философия жизни, онтологическая философия человека»²⁸⁶.

Таким образом конфуцианство понимает человека как явление не тварное, а природное, любовью движимое, к любви стремящееся. Примечательно то, что и Чехов предлагает возлюбить человека как такового, не как божье создание «по образцу и подобию». При этом, эстетически относясь к христианству, принимая христианскую этику, его авторская позиция – это позиция глубоко верующего человека. Вряд ли не самый яркий пример – его шедевр, рассказ «Студент». И можно, если не согласиться, то понять почитателей чеховского таланта, эмоционально полагающих, что такое произведение доступно написанию только истинно верующему человеку.

Константы «Жэнь» – человечность, любовь, милосердие – это константы миропонимания Чехова, их деформация – это деформация жизни. Вот строчки из его письма Суворину 1889 года: «Где вырождение и апатия, там половое извращение, холодный разврат, выкидыши, ранняя старость, брюзжащая молодость, там падение искусств, равнодушие к науке, там несправедливость во всей своей форме»²⁸⁷.

На основании этики гуманизма произошло сближение А. Чехова с Л. Толстым, человеком не ортодоксальных христианских убеждений, и тоже – сомневающимся именно в мистической составляющей всего религиозного учения. Известно, это многократно описано и оговорено, излагая «Евангелие» Лев Николаевич выразил сомнение во всех «чудесах», включая воскресение Иисуса Христа. При этом этическая составляющая толстовского мировидения и творчества, за исключением, может быть, некоторых поздних публицистических работ, не вызывает возражений у верующих читателей. Ни о ком другом Чехов не писал с

²⁸⁶ Чэн Чжунин. Модернизация и космополитизация китайской философии. – Ухань: Народное издательство Хубэй, 2006. С. 341. 成中英. 中国哲学的现代化和全球化. 武汉: 湖北人民出版社. 2006. 第 341 页.

²⁸⁷ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 3: Октябрь 1888–декабрь 1889. С. 298.

такой любовью, как о Толстом: «Я ни одного человека не любил так, как его; я человек неверующий, но из всех вер считаю наиболее близкой и подходящей для себя именно его веру»²⁸⁸. Толстой для него – «удивительно цельная натура», он «столько же философ в художественном творчестве, сколько художник в философии...»²⁸⁹. Вера обоих великих художников слове – это вера в должную этику человека, в гуманную мораль.

Чехов, конечно же не прошел мимо утвержденных христианских ценностей, связанных с милосердием и любовью: «Возлюби ближнего твоего, как себя самого», «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь». Справедливо утверждение Булгакова, что Чехову близка была «краеугольная идея христианской морали», для него каждый имеет право на милостыню человеческого внимания²⁹⁰. И религиозный И. Шмелев говорил о том же, относительно взглядов А. Чехова, говорил, что «врач, рационалист, к религии внешне как будто равнодушный, он целомудренно-религиозен, он свой в области высокорелигиозных чувствований»²⁹¹. И это при всем при том, что сам писатель признался в своем критическом отношении к институту церкви: «Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание – с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви... Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно представляется мне довольно мрачным; религии у меня теперь нет»²⁹². В другом случае в письме к А. Суворину в 1892 году мог заявить, что для него «бога нет»²⁹³. Чехов утверждал в своем творчестве любовь к ближнему, тем более к слабому, обиженному, но онтологически его любовь не выходила к христианским догматам. Писатель полагался на любовь деятельную, практическую, позволяющую человеку быть

²⁸⁸ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 9: 1900–март 1901. С. 33.

²⁸⁹ Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 309.

²⁹⁰ Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель. Публичная лекция // А.П. Чехов: pro et contra: Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX-нач. XX в. (1887–1914): Антология. – СПб.: Изд-во Русского Христиан. гуманитар. ин-та, 2002. С. 552.

²⁹¹ Шмелев И.С. Творчество А.П. Чехова // Русская речь. 1995, № 1. С. 55.

²⁹² Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 5: Март 1892–1894. С. 22.

²⁹³ Там же. С. 133.

счастливым в текущей посюсторонней жизни и ни в какой другой. И это близко конфуцианскому миропониманию.

Отражение конфуцианской идеологии в чеховском мироощущении не ограничивается понятием «Жэнь». Второй существенный элемент конфуцианства – это «Ли», он связан с благопристойностью, иначе говоря, с этикой. «Ли» переводится как ритуал, он предписывает конкретные правила, вытекающие из «Жэнь» и которые необходимо соблюдать для должной жизни. Он более внешней направленности и более однозначный, этимологически «Ли» – это церемония жертвоприношения, которая сама по себе является своего рода практикой. Со временем содержание «Ли» расширилось от жертвенных обрядов до социальных и моральных правил, в конце концов, охватило все аспекты социального поведения. Таким образом «Ли» стал служить критерием в определении порядочности и достоинства человека не только в китайской, но и во всей востоко-азиатской культуре.

Конфуций рассуждал: «Если, будучи человеком, не обладать гуманностью (Жэнь), то зачем тогда ритуал (Ли)?»²⁹⁴. Этим подчеркивается взаимосвязь этих двух понятий: «Жэнь» – идеологическая основа «Ли», а «Ли» – внешнее отражение «Жэнь». Таким образом в истории китайской философии Конфуций впервые создал «систему мышления, объединявшую “Жэнь” и “Ли”». Здесь «Ли» представляет собой осмысленную Конфуцием китайскую традицию, «Жэнь» – источник добродетелей, «утверждение гуманизма»²⁹⁵. Это абсолют. Понятие «Ли» более относительно, оно меняется согласно общественным требованиям. Обе парадигмы сосуществуют и взаимодействуют. По Конфуцию, для исполнения «Жэнь» необходимо преодолевать себя и обращаться к ритуалам, предписанным «Ли»²⁹⁶.

²⁹⁴ Мартынов А.С. Конфуцианство. «Лунь юй». (пер. А.С. Мартыновым). В 2 т. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – Т. 2. С. 223.

²⁹⁵ Янь Бинган. О единстве Жэнь и Ли у Конфуция // Вестник Шаньдунского университета. 2001. № 2. С. 52–55. 颜炳罡. 论孔子的仁礼合一说. 山东大学学报. 2001年. 第2期. 第52–55页.

²⁹⁶ Мартынов А.С. Конфуцианство. «Лунь юй». (пер. А.С. Мартыновым). В 2 т. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – Т. 2. С. 287.

Примечательно то, что «Ли» коррелирует с предписанными ценностями христианства. Например, известно такое наставление Конфуция – «Не делай другим того, чего не желаешь себе»²⁹⁷. Библия учит: «во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7,12). Десятословие в Ветхом Завете поучает: «...Почитай отца твоего и мать твою, не убивай, не прелюбодействуй, не кради...». Это почти дословно можно прочесть в конфуцианских текстах, например, в «Лунь юй». Новый Завет – это учение о милосердии: «любовь есть исполнение закона» (Рм. 13,10). Неразделимость «Жэнь» и «Ли» – это тоже об исполнении закона.

А. Чехов, воспитанный на христианской морали, но неоднократно писавший о своей неверии, утверждал необходимость следования этой морали, а можно сказать – исполнению «Ли». При всех сложностях детства, сложных отношениях с глубоко верующими родителями, он относился к своим родителям с почтением и любовью, взял на себя ответственность кормильца. Он писал: «Отец и мать единственные для меня люди на всем земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дела их рук, славные они люди...»²⁹⁸. И врачом он стал по повелению матери, мать настаивала идти «непрерывно по медицинскому факультету иди, уважь меня, самое лучшее занятие...»²⁹⁹.

И по отношению к другим людям, по отношению к коллегам Чехов вел себя в высшем смысле достойно, был активным сторонником общественной справедливости. Все это совершенно в духе и христианства, и конфуцианства. Известно, в 1902 году он отказался от звания академика в знак протеста против исключения М. Горького из состава академиков. Чехов также проявлял горячее участие к гонимому за правду Золя. И это при том, что не был поклонником творчества этого французского писателя. Антон Павлович писал жене: «Как писателя я мало любил его, но зато как человека в последние годы, когда шумело

²⁹⁷ Там же. С. 288.

²⁹⁸ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 1: 1875–1886. С. 27.

²⁹⁹ Чехов А.П. Документы. Фотографии: Альбом / Авт.-сост. И. Варенцов, Г. Щеболева; Авт. вступ. ст. и науч. ред. Э.А. Полоцкая; Фот. И. Пальмин. – М.: Советская Россия, 1984. С. 26.

дело Дрейфуса, я оценил его высоко...»³⁰⁰. Уже неизлечимо больной, он проявлял внимание и заботу к неизвестным ему людям, заботился об их медицинском обеспечении, об учебе подрастающего поколения. О многом говорит его просветительская поездка, можно сказать, на край земли – на перекладных на остров Сахалин. Все такое много говорит о миропонимании писателя, вполне соотносимо для христианина – с христианством, для конфуцианца – с конфуцианством, с «Жэнь» в единстве с «Ли».

Тут важно, что все эти добрые поступки Чехов совершил не в связи с религиозными, а с гуманистическими посылами. Известно, религиозная моральная система диктуется Всевышним, верующие должны следовать этой системе, повинуюсь Законодателю. Соблюдение нравственности, согласно конфуцианскому пониманию, происходит более свободно, более непринужденно. Доктор Тянь Вэй, профессор факультета философии Университета Цинхуа, обобщила суть отличий между христианством и конфуцианством. В христианской традиции идеал совершенствования заключается в возрождении, спасении посредством веры к Богу, что можно относить к «пассивному совершенствованию». Совершенствование в конфуцианской традиции понимается как нечто «самостоятельное», решаемое волей человека³⁰¹. Проявление доброты как процесс самосовершенствования в чеховском миропонимании во многом зависит от желания самого человека, что чрезвычайно перекликается с конфуцианским учением.

Важно, что русский писатель, как и древний восточный мыслитель, понимал опасность абсолютизации «Ли», считал нелепостью возвышение некогда устоявшихся общественных норм, норм переставших работать в пользу человека, препятствующих его развитию. Рабство, подобострастие, по Чехову, – это опасный пережиток. Отсюда проистекает его возмущение рабской психологией, чрезмерной

³⁰⁰ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 11: Июль 1902–декабрь 1903. С. 47.

³⁰¹ Тянь Вэй. Христианство и конфуцианство: две парадигмы религиозной этики выживания. – Пекин: Издательство Университета Цинхуа, 2022. С. 130. 田薇. 基督教与儒家: 宗教性生存伦理的两种范型. 北京: 清华大学出版社, 2022. 第 130 页.

привязанностью к устаревшим нормам социального поведения. Хрестоматийно известно его воззвание к современникам, требование «выдавливаться из себя по каплям раба», чтобы потом облегченно почувствовать, что в жилах течет уже не «рабская кровь, а настоящая человеческая»³⁰². Не случайно этот призыв был так близок к сердцу китайской интеллигенции во время модернизации общественных отношений в Поднебесной, когда устаревшие этические парадигмы «Ли» встали на пути назревших социальных и бытовых реформ.

Поклонник Чехова известный писатель Лу Синь, вдохновленный русским писателем, тоже поставил перед собой цель бороться своим творчеством с рабской психологией своих соотечественников. На его взгляд, «феодализм по-своему трактуя понятие “Ли”, гнобил послушный народ»³⁰³. Действительно, в годы правления династии Хань, правившей на рубеже старой и новой эры, конфуцианство в Китае стало именно государственным учением и стали использовать его положения в своих политических целях³⁰⁴. Так, по сути, Чехов предстал вдохновителем китайских реформаторов дела возвращения к исходным конфуцианским ценностям, к обновлению «Ли» на основе гуманизма.

Третье основополагающее положение конфуцианства – «Чжун юн», оно переводится как учение о золотой середине. «Чжун юн» – это гармония и утверждение блага гармонии между частностями, сторонами, полюсами, утверждение блага взаимодействия, баланса внутри одного целого. Он вытекает из закономерностей всего сущего в мире, стремящегося к равновесию в условиях дисбаланса, это условие развития всего сущего³⁰⁵. «Чжун юн» обозначается двумя

³⁰² Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 3: Октябрь 1888–декабрь 1889. С. 130.

³⁰³ Луань Мэйцзянь, Чэнь Сяомин. Введение в историю современной китайской литературы. – Пекин: Издательство Пекинского университета. 2001. С. 32. 栾梅健, 陈小明. 中国现代文学史导学. 北京: 北京大学出版社, 2001. 第 32 页.

³⁰⁴ Тун Цинбин. Современное значение древнекитайской литературной теории. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 2003. С. 5. 童庆炳. 中国古代文论的现代意义. 北京: 北京师范大学出版社. 2003 年. 第 5 页.

³⁰⁵ Юй Шилинь. Сравнение «Чжун юн» Конфуция и «срединного пути» Аристотеля // Вестник Пекинского университета. 2003. № S1. С. 19. 余仕麟. 孔子“中庸”思想与亚里士多德“中道”思想之比较. 北京大学学报. 2003 年. S1 专刊. 第 19 页.

иероглифами. Сюй Жуйцзун в книге «Доктрина о Чжун юн», итожа работы предшественников, утверждает, что «Чжун», по Конфуцию, отражает должное, оптимальное решение вопросов, «Юн» – идею универсальности, применимости ко всем возможным явлениям мирским. Учение о середине обеспечивает гибкость при переменах, позволяет рассматривать все вопросы в целостности, в соответствии духу времени³⁰⁶.

Это сущностное положение Конфуцианства, как видится, весьма характерно для миропонимания Чехова. Прежде всего, оно отражается в сложном мироощущении писателя и драматурга, в его видении противоречий жизни и необходимости сглаживания, устранения этих противоречий. Для него жизнь исчерпывающе непознаваема, и человек в ней, в ее управлении, не всемогущ. Эти соображения, так или иначе, Чехов высказывал неоднократно: «Пишущим людям, особенно художникам, пора уже сознаться, что на этом свете ничего не разберешь, как когда-то сознался Сократ и как сознавался Вольтер»; «... на этом свете ничего не разберешь. Все знают и все понимают только дураки и шарлатаны...»³⁰⁷. За два с небольшим месяца до кончины Чехов пишет жене, как бы подводя итоги своих мировоззренческих размышлений: «Ты спрашиваешь, что такое жизнь? Это все равно что спросить: что такое морковка? Морковка есть морковка и больше ничего неизвестно»³⁰⁸. Такое, на первый взгляд, смиренное отношение к познанию жизни подвигло публику видеть в Чехове пессимиста. Известно, финальная фраза повести «Огни» – «Ничего не разберешь на этом свете» – особенно смутила литературных критиков. Однако за прошедшие десятилетия эта публика не дала исчерпывающего объяснения, что есть жизнь. Понятно, биографические определения не в счет.

³⁰⁶ Сюй Жуйцзун. Теория Чжунюнь. – Ханчжоу: Чжэцзянское издательство древних книг. 2004. – 491 с. 徐儒宗. 中庸论. 杭州: 浙江古籍出版社, 2004. 491 页.

³⁰⁷ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 2: 1887–сентябрь 1888. С. 270; Там же. С. 272.

³⁰⁸ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 12: 1904. С. 104.

При этом, объясняя свою позицию, Чехов рассуждал, что «не ноет только тот, кто равнодушен»³⁰⁹. Истину жизни не знает никто, но, по Чехову, как доказывает известный чеховед, это не означает, что следует отказаться от поиска истины, не значит, что истина – фикция³¹⁰.

В некотором смысле удивительно, но очевидная непостижимость сути жизни стимулировала Чехова к ее познанию, причем не только посредством искусства слова. Как художник Антон Павлович снова и снова изображает внутренний мир персонажей, ищущих смысл жизни. Этими изображениями он подвигает своих читателей к поиску тех же смыслов, к поиску истины, как минимум, промежуточной, срединной, универсальной истины. Все это весьма соотносится с понятием «Чжун юн».

Твердость убеждений писателя по-своему передают его письма близким: «Так что при всем моем желании взглянуть на себя и на Короленко оком пессимиста и повесить нос на квинту я все-таки не унываю ни одной минуты, ибо еще не вижу данных, говорящих за или против»; «Впереди еще много и неудачных дней и целых неудачных сезонов; будут и большие недоразумения и широкие разочарования, – ко всему этому надо быть готовым, надо этого ждать и, несмотря ни на что, упрямо, фанатически гнуть свою линию»³¹¹. Может быть, предельно точно объяснил Антона Павловича Чехова философ Сергей Булгаков, который писал, что «если уж нужен латинский термин для определения мировоззрения Чехова, то всего правильнее назвать его оптимопессимизмом, видящим торжество зла, призывающим к мужественной и активной борьбе с ним, но твердо верящим в грядущую победу добра»³¹². Хотя трудно сказать, верил ли Чехов «в грядущую победу добра». В любом случае многие, по крайней мере китайцы точно, читая это амбивалентное

³⁰⁹ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 3: Октябрь 1888–декабрь 1889. С. 203.

³¹⁰ Катаев В.Б. К Пониманию Чехова. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 172.

³¹¹ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 3: Октябрь 1888–декабрь 1889. С. 240–241; Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 8: 1899. С. 284.

³¹² Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель. Публичная лекция // А.П. Чехов: pro et contra: Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX-нач. XX в. (1887–1914): Антология. – СПб.: Изд-во Русского Христиан. гуманитар. ин-та, 2002. С. 554.

определение мировоззрения писателя, вспомнят конфуцианское положение «Чжун юн».

Склонность к утверждению «золотой середины» наблюдается в поэтике Чехова. В частности, она проявляется в чеховских советах к коллегам-современникам, в особенности, М. Горькому: «Начну с того, что у Вас, по моему мнению, нет сдержанности... Особенно эта несдержанность чувствуется в описаниях природы, которыми Вы прерываете диалоги... Это не размах, не широта кисти, а именно несдержанность». Несдержанность, или другими словами, нарушение «золотой середины» в прозе Горького, литературный предшественник воспринимал за существенный недостаток: «Горький, по-моему, настоящий талант, кисти и краски у него настоящие, но какой-то невыдержанный, залихватский талант»; «Чтобы строить роман, необходимо хорошо знать закон симметрии и равновесия масс. Роман – это целый дворец, и надо, чтобы читатель чувствовал себя в нем свободно, не удивлялся бы и не скучал, как в музее... Сколько раз я говорил об этом Горькому, – не слушает... Гордый он – а не Горький»³¹³. Строго говоря, Чехов считал «закон симметрии и равновесия», по-другому, «Чжун юн», необходимым фактором изящного мастерства. Сам же он строго этому следовал.

Понятие «Чжун юн» имеет универсальный и предельно широкий охват, оно объясняет «Единство Неба и человека». Это единство подробно трактуется в конфуцианском трактате под названием «Чжун юн»³¹⁴. По мнениям философов, только следуя «срединности», можно достичь «Единства Неба и человека», что и есть всевышняя гармония жизни³¹⁵.

«Единство Неба и человека» утверждается и в других учениях, связанных и не связанных с конфуцианством, например, в даосизме и буддизме. Очень

³¹³ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 7: Июнь 1897–декабрь 1898. С. 354; Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 8: 1899. С. 109; Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 313.

³¹⁴ Книга «Чжун юн» написана внуком Конфуция, она вместе с «Лунь юй», «Мэнцзы», «Да сюэ» составляет четверокнижие конфуцианства.

³¹⁵ Сюй Бинцюань. О Чжун юн, единстве Неба и человека // Вестник Цзиньского института. 2022. № 43-4. С. 2. 许丙泉. 论中庸即天人合一. 济宁学院学报. 2022年. 第43卷, 第4期. 第2页.

основательно оно заявлено в русском космизме, возникшем в начале XX века. В конфуцианстве подробно и предельно широко обосновано это утверждение, хотя корни его, конечно, уходят в доконфуционные времена.

Понятие «Неба» истолковывается здесь по-разному³¹⁶. Это «Небо материя» – пространство, «Небо владычество» – творящее начало, «Небо судьба» – предопределение, «Небо природа» – жизнь, «Небо праведности» – судия. «Небо», согласно книге «Чужн юн», предопределило человеческую природу. Эти истолкования суть своеобразная религиозная часть конфуцианства.

Согласно Мэнцзы, известному мыслителю по конфуцианству, человек рождается милосердным и совестливым, что обосновывает и питает «Жэнь». Этими качествами человека одаривает «Небо». Исполнить добро и слиться с «Небом» – такова закономерность мира и жизни. Эти суждения во много предопределили китайский менталитет, представления о морали носят как бы «религиозный оттенок»³¹⁷. Современный философ и историк Цянь Му назвал учение о «Единстве Неба и человека» верованием китайцев³¹⁸.

Атеизм китайцев, как и атеизм Чехова, очень специфичен. При всем декларируемом атеизме Чехов часто прямо или косвенно размышлял о божественном, о сути творения. По словам Бунина, писателя, который, может быть, как никто другой знал внутренний мир современника, Чехов действительно «много раз старательно и твердо говорил, что бессмертие, жизнь после смерти в какой бы то ни было форме – сущий вздор... Но потом несколько раз еще тверже говорил противоположное: ни в коем случае не можем мы исчезнуть после смерти. Бессмертие – факт»³¹⁹. По пронизательному взгляду А. Чудакова, здесь обе точки

³¹⁶ Фэн Юлань. История китайской философии: первая часть. – Пекин: Коммерческое издательство, 2011. – 642 с. 冯友兰. 中国哲学史上册. 北京: 商务印书馆, 2011. 642 页.

³¹⁷ Ян Цзэбо. Моральные основы конфуцианской идеологии единства Неба и человека – в центре внимания Мэнцзы // Тяньцзиньские общественные науки. 2006. № 2. С. 51. 杨泽波. 儒家天人合一思想的道德底蕴——以孟子为中心. 天津社会科学. 2006 年. 第 2 期. 第 51 页.

³¹⁸ Цянь Му. Этнос и культура. – Пекин: Издательство Цзючжоу, 2012. С. 160. 钱穆. 民族与文化. 北京: 九州出版社, 2012. 第 160 页; В китайской мифологической культуре представлен некий «Дед Небес 老天爷», аналог «Творца» в христианстве. Божественное восприятие «Неба» уходит корнями в глубокую древность.

³¹⁹ Литературное наследство. – Т. 68: Чехов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 666.

зрения равно допустимы, потому что «объект мысли является феноменом такой сложности, что может быть описан только при помощи двух полярных характеристик, причем каждая в отдельности не может претендовать на полноту описания, но только – по принципу дополнительности – обе вместе»³²⁰.

Наличие противоположенных точек зрения на Чехова, в некотором смысле, естественно, это косвенно доказывает действенность того, что китайцы понимают как понятие, принцип «Чжун юн» в мышлении писателя. Уместно вспомнить высказывание из записок Чехова: «Между “есть бог” и “нет бога” лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский [же] человек знает какую-либо одну из этих двух крайностей, середина же между ними не интересует его; и потому обыкновенно он не знает ничего или очень мало»³²¹. Между противоположными позициями лежит великое поле, «середина», к познанию которой, по Чехову, должны стремиться мудрые. Согласно мнению уважаемого чеховеда, писатель был человеком «середины», иначе говоря, «внезаходимости», был абсолютно свободен, не придерживаясь ни одного из полюсов³²².

Это объясняет рассудочные усилия Чехова, поиск баланса между уважением к Богу (“есть Бог”) и уважением к людям (“нет Бога”). Заметим, слово Бог в записках Чехова пишется с маленькой буквы. Мысль о соотношении этих «двух полюсов» не покидала писателя. Писал Чехов: «теперь же во мне что-то протестует; расчетливость и справедливость говорит мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса»³²³. Заметим, эта «расчетливость» в понимании гуманизма отдаляла Чехова от глубокоуважаемого им Толстого, преодолевавшего человека в своей теории непротивления злу насилием. Однажды он сказал по адресу великого современника: «Толстой – это,

³²⁰ Чудаков А.П. Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле... Чехов и вера // Новый мир. 1996. № 9. С. 186–192.

³²¹ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. – М.: Наука, 1987. – Т. 17. С. 224.

³²² Чудаков А.П. Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле... Чехов и вера // Новый мир. 1996. № 9. С. 186–192.

³²³ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 5: Март 1892–1894. С. 278.

может быть, высшая философия, это величайший альтруизм, но к жизни это неприменимо... Борьба за святые права личности должна быть везде, и безнравственно, если бы ее не было»³²⁴. Иначе говоря, чеховский идеал «середины» направлен на утверждение гармоничной жизни, в которой вера в Бога, вера в загробное благо, согласуется с надеждами на земное счастье, на воспитание в людях добра без всякой религиозной метафизики. На той идеальной «середине» блаженны и Творец, и Творение, что удивительно близко китайскому, конфуцианскому, «Единству Неба и человека».

В конфуцианстве мораль не может рассматриваться вне связи с миром, поскольку «все вещи едины во Вселенной, и человек в свою очередь в этом неделимом единстве»³²⁵. Отсюда иероглиф «небо 天» образован от иероглифа «человек 人». Являясь частью «Неба природа», человек может удовлетворять свои жизненные потребности, лишь следуя законам Вселенной, не нарушая экосистемы. Конфуций подчеркивал важность гармоничного, с уважением к «Жэнь», сосуществования человека и природы.

Гармония человека и природы важный принцип чеховского мирозерцания, отраженный в его творчестве. Для Антона Павловича природа – постоянный объект внимания, он зрит ее красоту, ее справедливость. В 1883 году молодой Чехов пишет брату Александру о своем видении природы: «Сама природа не терпит неравенства... Стремясь к совершенному организму, она не видит необходимости в неравенстве, в авторитете». Природа – важная тема его писем к родным и близким людям. Завершив работу над «Степью», прозаик написал Григоровичу: «Вся энергия художника должна быть обращена на две силы: человек и природа». Вернувшись с Сахалина, Чехов глубоко задумался над взаимосвязью всех живущих во Вселенной: «Коли уж становиться на точку зрения естественного развития, то не только Гоголя, но даже собачий лай нельзя ставить вне русла, ибо все в природе

³²⁴ Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 310.

³²⁵ Ду Вэймин. О религиозности конфуцианства: современная интерпретация «Чжун юн» (пер. Дуань Дэчжи). – Ухань: Издательство Уханьского университета, 1999. С. 95. 杜维明. 论儒学的宗教性: 对《中庸》的现代诠释. 段德智译, 武汉: 武汉大学出版社, 1999. 第 95 页.

влияет одно на другое и даже то, что я сейчас чихнул, не останется без влияния на окружающую природу...». Он неоднократно говорил о целебной силе природы. В 1894 году он признается Суворину в том, что для него «близость к природе и праздность составляют необходимые элементы счастья; без них оно невозможно»³²⁶.

В чеховском миропонимании человек и природа взаимосвязаны и равнозначны. Это очень по-восточному, в западном христианском понимании человек – вершинная часть сотворенной природы. Согласно Книге Бытия, прародители Адам и Ева, а потом и их потомки, род людской, владычествуют над «рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле». Бог создал человека «из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою», соответственно, в других сущих живущих отсутствует «дыхание жизни».

Эта космогония возвышает человека над природой, христиане уважают все сущее в природе как Божье творение. Чехов не согласен с такой антропоцентричностью. Об этом убедительно пишет А. Чудаков в «Поэтике Чехова», доказывая, что Чехов был первым в литературе, кто включил в сферу этики отношение человека к природе. Как каждого отдельного человека писатель видел в его целостности, единстве с его вещным окружением, так и будущее человечества он мыслил лишь вместе с судьбой всего того природного мира, в котором человечество обитает³²⁷. И это положение выводит к древнекитайской философской идее «Единство Неба и человека». Писатель мыслит в парадигме человеколюбия «Жэнь» и в парадигме гармонии «Чжун юн».

³²⁶ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 1: 1875–1886. С. 66; Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 2: 1887–сентябрь 1888. С. 184; Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 4: Январь 1890–февраль 1892. С. 297–298; Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 5: Март 1892–1894. С. 291.

³²⁷ Чудаков А.П. Поэтика и мир Антона Чехова: возникновение и утверждение. – М.: Эксмо, 2024. С. 292.

Конфуцианство влияло и продолжает влиять на мышление китайцев и, соответственно, китайских художников³²⁸. Оно по сути «философия морали, действующая изнутри для совершенствования души, как религия на западе»³²⁹. Взаимосвязанные «Жэнь», «Ли», «Чжун юн» – конфуцианская троица, способствующая движению к совершенству. Их типологическое отражение в философии Чехова, в его творчестве является главной причиной постоянного, более, чем столетнего, внимания китайской аудитории к этому русскому классику. В чеховской переписке есть объяснение этому вниманию: «Для тех, кого томит научный метод, кому бог дал редкий талант научно мыслить, по моему мнению, есть единственный выход – философия творчества. Можно собрать в кучу все лучшее, созданное художниками во все века, и, пользуясь научным методом, уловить то общее, что делает их похожими друг на друга и что обуславливает их ценность»³³⁰. Спонтанное конфуцианское в Чехове есть то, что делает русского конфуцианца во все времена близким и родным для китайской аудитории.

3.2. Спонтанное проявление конфуцианства в творчестве А. Чехова

Творчество Чехова, по справедливому замечанию специалиста его творчества, представляется «единым целым, проникнутым одним общим мировоззрением»³³¹. И с самых первых до последних публикаций в его сочинениях отражаются одни и те же гуманистические принципы, соотносимые с принципами конфуцианскими. Для китайских исследователей, знакомых с конфуцианской философией, это совершенно очевидно. Доподлинно не известно, читал или не

³²⁸ Чжан Х., Мескин В. Новая китайская литература в призме конфуцианства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 3. С. 154–165.

³²⁹ Чжан Цзюнь. Современная китайская литература и конфуцианская традиция. – Чанша: Издательство книжного клуба Юэлу, 2007. С. 16. 张均. 中国现代文学与儒家传统. 长沙: 岳麓书社出版社. 2007. 第 16 页.

³³⁰ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 3: Октябрь 1888–декабрь 1889. С. 54–55.

³³¹ Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель. Публичная лекция // А.П. Чехов: pro et contra: Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX-нач. XX в. (1887–1914): Антология. – СПб.: Изд-во Русского Христиан. гуманитар. ин-та, 2002. С. 538–539.

читал Антон Павлович трактаты китайского мудреца, но в миропонимании, в понимании человека у них много общего. Не читавшего этих трактатов писателя можно представить как спонтанного конфуцианца. Чеховское творчество основательно соотносится с конфуцианской триадой – «Жэнь», «Ли», «Чжун юн», в отходе от них ему видятся причины всех бед³³².

Основополагающее понятие «Жэнь», любовь, человеколюбие, как таковое, без метафизики, изначально стояло в центре чеховского внимания. Из множества примеров можно указать на раннюю повесть «Живой товар» (1882). Чехов описывает бесчеловечную сделку. Некий Бугров спокойно приминает «компенсацию» от любовника жены и уезжает, возвратившуюся к нему жену прощает, а затем снова ее «продает». Автор указывает на животные отношения не людей, а полов. Особенно отвратительна здесь сентиментальность господина Бугрова. Услышав сумму «компенсации», перед Бугровым «пролетели все его заветные мечты», он представил себя на лоне природы, представил возможность «сесть в коляску и полететь в поле, где кричат перепела и пахнет молодым сеном».

Уже Антошу Чехонте занимала не подсудная, но ущербная этика, поведенческое понятие «Ли», которое не основывается на «Жэнь» в конфуцианском понимании. Можно перечислить такие ранние рассказы, как «На гвозде», «Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало», «Раз в год», «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий» (все 1883), «Либерал (Новогодний рассказ)», «Хамелеон», «Маска» (все 1884), «Праздничная повинность», «Дачники», «Тапер», «Мелюзга» (все 1885). Автор с негодованием отвергает раболепие персонажей этих рассказов, горько-юмористически разоблачает, как сказали бы китайцы, дисбаланс «Жэнь» и «Ли». Изображая маленького человека, А. Чехонте порицает абсолютизацию «Ли».

В 1886 году был опубликован рассказ «Панихида», первое произведение, подписанное настоящим именем писателя. Вскоре после этого Чехов получил письмо от Д. Григоровича, в котором литературный предшественник искренне

³³² В настоящем параграфе попытаемся проиллюстрировать теоретические положения предыдущего параграфа.

просит его уважать свой талант и дать ему «полное развитие». И рекомендованное развитие было дано. Последовали публикации таких ярких сочинений, как «Святою ночью», «Хористка», «Учитель», «Ванька» и др. Они отразили, так сказать, углубление писателя в человеческую душу, обострили видение драмы утраты человеколюбия и сочувствия, драмы одиночества.

Далее Чехов все острее и острее ставит вопросы, касающиеся парадигмы «Жэнь», вернее ее деформации в человеческом общежитии. В рассказе «Враги» (1887) главные персонажи, Кирилов и Абогин, очень несчастны. Один переживает смерть единственного сына, другой – измену жены. Чехов описывает драму взаимного непонимания, «диалог глухих», страдания в отсутствии «Жэнь». Напрасно они просят друг друга войти в их положение. Несчастья при отсутствии любви, не соединяют, а разъединяют страдающих, без милосердия нет понимания.

Тема человека и природы получает широкое развитие в раннем и особенно в зрелом творчестве писателя. Китайцы, знакомые с конфуцианством, обозначили бы ее как «Единство Неба и человека». Плохо, когда нет этого единства. Можно согласиться с исследователем прошлых лет, что материалистическое понимание природы и человека как части природы было для Чехова обязательной основой общей идеи, в которой нуждается современное человечество³³³.

В «Верочке» (1887) молодой чиновник Огнев сопоставляет жизнь вне природы, в городе, и на природе, в провинции. Он убеждается, что соприкосновение с природой оживляет человека, обостряет его лучшие чувства, способствует миропониманию. На природе он критичнее относится к самому себе, к своим недостаткам. Собственно человеческое, по его мнению, это «бессилие души, неспособность воспринимать глубоко красоту, раннюю старость, приобретенную путем воспитания, беспорядочной борьбы из-за куска хлеба». И это человеческое в конце концов побеждает в Огневе.

Естественное и цивилизационное еще одна чеховская антиномия, соотносимая с конфуцианской парадигмой «Единство Неба и человека». «Рассказ

³³³ Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. – Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1990. С. 279.

госпожи NN» (1887) – из числа самых лиричных в чеховском наследии, редкий случай – повествование в нем идет от лица женщины. В провинции на лоне живописной природы главные персонажи питают самые теплые чувства друг к другу, но все меняется, когда они возвращаются в город, здесь между ними возникают непреодолимые разделительные стены. В городе более значимы и сословность, и материальное положение, то, что она знатна и богата, а он незнатен и беден. В городе мужчина постарел и осунулся, «махнул на жизнь рукой и живет нехотя». Годы спустя, постаревшие он и она, как нечто самое главное и самое ценное в их жизни, вспоминают ту незабываемую весну их встречи, грозы, дождевые полосы, беспричинный смех и разговоры о любви. По Чехову природа раскрывает в человеке лучшее, что в нем есть, позволяет ему быть настоящим, подвигает к бескорыстной любви. Первоначально рассказ носил более однозначное, более «природное», название – «Зимние слезы». Противопоставление весеннего пробуждения и зимнего сна характерно для Чехова, как и для многих других литераторов.

Объяснительной иллюстрацией к «Рассказу госпожи NN» могут служить строки из письма автора к А. Суворину: «Жить в деревне неудобно, началась несносная распутица, но в природе происходит нечто изумительное, трогательное, что окупает свою поэзией и новизною все неудобства жизни... Отсюда издали люди кажутся очень хорошими, и это естественно, потому что, уходя в деревню, мы прячемся не от людей, а от своего самолюбия, которое в городе около людей бывает несправедливо и работает не в меру. Глядя на весну, мне ужасно хочется, чтобы на том свете был рай. Одним словом, минутами мне бывает так хорошо, что я суеверно осаживаю себя...»³³⁴.

Чехов, как понимают китайцы, утверждал великое благо и естественное стремление человека к «Единству Неба и человека». Об этом так же и такие произведения, как «Счастье» и «Свирели» (оба 1887). Сам Чехов считал «Счастье» лучшим из всех своих рассказов. Посвящая его Я. Полонскому, он писал Якову

³³⁴ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 5: Март 1892–1894. С. 26–27.

Петровичу, что главное в рассказе – изображение «степи: равнины, ночи, бледной зари на востоке, стада овец и трех человеческих фигур, рассуждающих о счастье»³³⁵. Можно предположить, что из «Счастья» годом позже вышел чеховский шедевр – повесть «Степь».

В динамичных пейзажах, в зарисовках живых образов отчетливо проявляется авторская любовь к природе. Это чрезвычайно трогало живописца И. Левитана, близкого Чехову человека. Выдающийся мастер кисти писал мастеру слова: «Ты поразил меня как пейзажист. Я не говорю о массе очень интересных мыслей, но пейзажи в них – это верх совершенства, например, в рассказе “Счастье” картины степи, курганов, овец поразительны»³³⁶. Кстати заметить, Чехов деятельно любил природу, он был из ряда первых личностей, озабоченных экологическими проблемами, его тревожили болезненные явления природы, нарушение баланса. Главный герой рассказа «Свирель» с тревогой наблюдает за тем, как с годами становится меньше зверей, птицы, рыб, как беспощадно вырубаются леса. Ему стало «чрезвычайно горько и обидно на непорядок, который замечался в природе». «Единство Небо и человека» – суть «Чжун юн» в конфуцианском миропонимании, и это следует из сочинений Антона Павловича.

Парадигма «золотой середины» также близка писателю и драматургу Чехову. Известно, привычка читателей и критиков делить персонажей категорически на положительных и отрицательных препятствовала пониманию идеи пьесы «Иванов» (1887). В письме Суворину автор так рассуждал об этом: «Если публика выйдет из театра с сознанием, что Ивановы – подлецы, а доктора Львовы – великие люди, то мне придется подать в отставку..., никакие вставки не способны из подлеца сделать обыкновенного грешного человека. Иванов и Львов представляются моему воображению живыми людьми... Они результат наблюдения и изучения жизни». В другом письме драматург еще раз уточняет, что главные герои пьесы – люди «живые и не сочиненные», назвал их «новыми в русской литературе и никем еще

³³⁵ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 2: 1887–сентябрь 1888. С. 212.

³³⁶ Левитан И.И. Письма, документы, воспоминания. – М.: Искусство, 1956. С. 37.

не тронутыми»³³⁷. Точнее было бы сказать мало затронутыми. Но несомненно то, что образы этически неоднозначных героев говорят о философичности творчества и глубоком миропонимании автора, о постижении им сложности соположения добра и зла, которые вечно борются и объединяются согласно принципу «Чжун юн».

В 1888 году Антон Павлович опубликует упомянутую повесть «Степь». По верному замечанию Сухих автор живописует степное пространство «с включенными в нее людскими судьбами»³³⁸. Здесь, по еще одному верному замечанию другого исследователя литературы автор наводит читателя на «мысль о единстве всего сущего»³³⁹. В повести есть очень яркий эпизод, утверждающий благо и необходимость «Единства Неба и человека». Обозчик Вася долго упрекает Дымова, убившего ужа. Сопереживая беспомощному существу, Вася подвигает Дымова войти в положение несчастного ужа: «А ежели бы тебя так?». В чеховском мире сопереживающие одарены «Небом» зорким зрением. Васе открыт «другой мир, свой собственный, никому не доступный». И «бурая пустынная степь была для него всегда полна жизни и содержания». Именно «убийство ужа» заставило главного героя повести, Егорушку, испытывать к Дымову «что-то вроде ненависти» и любовную приязнь к Васе.

Конфуций твердо проповедовал необходимость любви не только к людям, но также ко всему живому, любить птиц, зверей, рыб и насекомых, призывал считать всех живущих своими братьями и друзьями³⁴⁰. Этой всеохватной любовью к природе измеряется, по мнению мыслителя, нравственность, человечность, желание самосовершенствования. Согласно его учению, у кого шире «Жэнь», суть любовь, у того и «высокое эстетическое сознание и нравственность», он способен

³³⁷ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 3: Октябрь 1888–декабрь 1889. С. 112–117.

³³⁸ Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 73.

³³⁹ Катаев В.Б. К Пониманию Чехова. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 98.

³⁴⁰ Хань Синь. Основа конфуцианских ценностей – построение «Жэнь» // Философские исследования. 2016. № 10. С. 37. 韩星. 儒家核心价值体系——“仁”的构建. 哲学研究. 2016年. 第10期. 第37页.

истинно «любить гору», что есть, как уже говорилось, природа³⁴¹. Он говорит не о сосуществовании, а о необходимости постижения сути взаимосвязи природы и человека, здесь любить природу – значит слиться с ней. Не случайно лиричная «Степь» – это самое популярное, можно сказать, самое любимое произведение Чехова в Поднебесной.

Конфуцианство – объединительное учение, оно, заметим, крепь китайской нации. Согласно этому учению плохо все то, что не способствует объединению людей, и «золотая середина» тоже «работает» на это единение. «Срединность» достигается не только посредством внешней гармонии с другими людьми и окружающей среды, но и посредством душевной гармонии каждого. Говоря о замысле рассказа «Именины» (1888), писатель как бы по-конфуциански признался в своем авторском «стремлении к уравниванию плюсов и минусов», объясняет, что уравнивает «ложь героев с их правдой». Не озвучивая понятие «общая идея» Антон Павлович, по сути, обращается к нему в своем творчестве³⁴². Он ищет то, что сближает людей, образует положительное, правильное сообщество. Так или иначе он утверждает, что «осмысленная жизнь без определенного мировоззрения – не жизнь, а тягота, ужас». На взгляд литератора, художник умышленно «наблюдает, выбирает, догадывается, компокует», и не может написать произведения «без заранее обдуманного намерения». Он ненавидел «ложь во всех ее видах», ненавидел «фарисейство» в литературе³⁴³. Ложь разделяет людей, и эта мысль проходит через все его творчество.

Важно показать, писал он А. Плещееву, «насколько эта жизнь уклоняется от нормы». Он признается, что «норма» никому не известна, но точно знает, что она – это «абсолютная свобода человека, свобода от насилия, от предрассудков, невежества, черта, свобода от страстей и проч.»³⁴⁴. Все это, в конфуцианском

³⁴¹ Мэн Пэйюань. Человек и природа – экологический взгляд на китайскую философию. – Пекин: Народное издательство, 2004. С. 104. 蒙培元. 人与自然——中国哲学生态观. 北京: 人民出版社, 2004. 第 104 页.

³⁴² Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 159.

³⁴³ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 3: Октябрь 1888–декабрь 1889. С. 79; Там же. С. 46; Там же. С. 13.

³⁴⁴ Там же. С. 180.

понимании, как уже было сказано, есть утверждение «Жэнь». Тогда же, в 1889 году, Чехов публикует в прозе «Пари», «Княгиня», «Припадок», «Скучная история», произведения, в проблематику которых входит осуждение деформации «нормы», деформации «Жэнь». В «Пари» банкир планирует страшное убийство ради своей выгоды, он видит смерть юриста единственным спасением от банкротства и позора. В «Княгине» разоблачается черствость, лицемерие. Об этом же пронзительный рассказ «Припадок» – о равнодушии к унижениям, страданиям ближних. Здесь с большой симпатией и пониманием представлен герой, умеющий «отражать в своей душе чужую боль». В «Скучной истории» описана драма интеллигента, который поздно, лишь незадолго до смерти, осознает свое равнодушие к окружающей его жизни, «паралич души, преждевременную смерть».

Чехов, по сути, соглашается с древнекитайскими мудрецами, утверждавшими, что принятие истинности «Жэнь» есть отличие и доблесть настоящего человека³⁴⁵. Соответственно, непринятие «Жэнь» ведет к драме, к трагедии жизни. Утверждением собственного равнодушия к людям, к жизни видится героическая поездка уже известного писателя, драматурга в далекую от гражданского центра поездку – на остров Сахалин.

Человеколюбием, состраданием дышит все созданное Чеховым. После поездки на Сахалин вся эта проблематикакратно усиливается. Таков, например, философский рассказ «Гусев» (1890). По пути в Сингапур прозаика поразило погребение в море, и он отразил этот факт в рассказе. Больного солдата Гусева везут на корабле домой, при этом все знают, что он умрет в пути. Другой солдат, Павел Иваныч, рефлексировал на тему жизни и смерти, выражает авторскую позицию, что «жизнь не повторяется, щадить ее нужно». В финале они оба умирают, их шьют в парусину и выбрасывают в море. Чехов подробно описывает, как тело Гусева летит с палубы вниз, как его разрывает акула. Дисгармонии малой жизни

³⁴⁵ Мэн Пэйюань. Человек и природа – экологический взгляд на китайскую философию. – Пекин: Народное издательство, 2004. С. 164. 蒙培元. 人与自然——中国哲学生态观. 北京: 人民出版社, 2004. 第 164 页.

человека здесь противопоставлена природная гармония, красота океана, частью которой стали и Гусев, и Павел Иванович.

Чехов сетовал, что многие ошибочно смешивают два понятия – «решение вопроса и правильная постановка вопроса», только второе обязательно для художника³⁴⁶. Абсолютных решений, по Чехову, нет, и это опять-таки близко конфуцианскому, «срединному», видению жизни. При этом в творчестве позднего Чехова множится постановка экзистенциальных вопросов, важных, касающихся природы человека. Автор, как бы настраивает читателя проснуться, стать, по возможности человечнее. После смерти жены гробовщик Яков Иванов из рассказа «Скрипка Ротшильда» (1894) получил способность размышлять о жизни. Он вдруг недоумевает, зачем он был так жесток к близким, зачем вообще люди «мешают жить друг другу» и узревает в этом «страшные убытки». Так под конец жизни Яков прозревает, что «если бы не было ненависти и злобы, люди имели бы друг от друга громадную пользу», что та жизнь, «которая дается человеку только один раз, проходит без пользы». Гробовщик, несомненно, выступает пламенным пропагандистом чеховского миропонимания, по сути – исполнения «Жэнь». Эта проблематика продолжит свое развитие в таких поздних драматических и трагических сочинениях Чехова, как «Бабы» (1891), «Убийство» (1895), «Печенег» (1897), «Мужики» (1897), «В овраге» (1899). Автор вопиет против жизни, где человек человеку, подчас, родной родному, волк, враг, избивают и убивают друг друга.

Такие картины жизни привели к тому, что критика записала Чехова в пессимисты. Позднейшие критики сняли с писателя обвинения в пессимизме, но это обвинение снимает и рассмотрение чеховского творчества сквозь парадигму «Чжун юн», в основании которой лежит примирение с амбивалентностями жизни. Для Чехова назначение художественной литературы – «правда безусловная и честная». Отсюда, суживать функции литературы «такою специальностью, как добывание “зерен”, так же для нее смертельно, как если бы заставили Левитана

³⁴⁶ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 3: Октябрь 1888–декабрь 1889. С. 46.

рисовать дерево, приказав ему не трогать грязной коры и пожелтевшей листвы». По Чехову и по «Чжун юн» «злые страсти так же присущи жизни, как и добрые». Исходя из этого понимания, он честно описывает человеческое общежитие таким, как оно есть на самом деле³⁴⁷.

Чехов подробнейшим образом выразил себя, объяснил свое творчество во множестве писем к друзьям и близким, тем самым значительно облегчил работу литературоведов и критиков³⁴⁸. Последние нередко говорят о Чехове, непроизвольно, незаметно для себя рассматривают его творчество в соответствии с принципом «Чжун юн». По мнению современного чеховеда Степанова, писатель и драматург чаще раскрывает тотальную парадоксальность, «скрытая под видимостью спокойного “чеховского мира”, находит свое самое наглядное выражение в тех многочисленных инверсиях, переворачиваниях порядка и здравого смысла, которые можно обозначить инвариантом “человек не на своем месте”»³⁴⁹. Место здесь понимается предельно широко, и индивидуальное бытовое, и социальное. И далее Степанов перечисляет чеховские произведения, где главные герои играют несоответствующие их сущности разного рода роли. «Человека не на своем месте» тревожит больше всего не внешнее, а внутреннее противоречие, что мешает ему быть по-настоящему счастливым. В этом смысле «человека не на своем месте» можно понять как человека несвободного. Эта проблема, этот тип героя заявлен во многих чеховских произведениях, можно, например, указать на «Рассказ неизвестного человека» (1893), «Володю большого и Володю маленького» (1893), «Учителя словесности» (1894), «Бабы царство» (1894), «Дом с мезонином» (1896), «Мою жизнь» (1896), «Невесту» (1903).

О поиске «своего места» рассказ «Учитель словесности». Здесь герой влюбляется в дочь местного помещика. Первоначально он переживает восторг от обстановки в доме любимой женщины, но постепенно он как бы прозревает, видит

³⁴⁷ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 2: 1887–сентябрь 1888. С. 13–14.

³⁴⁸ Пожалуй, только Максим Горький мог сравниться с Антоном Чеховым в обширности переписки с современниками

³⁴⁹ Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – М.: Языки славян. культуры, 2005. С. 241.

рутину, пошлость быта этого дома, заболевает духовным разладом. По справедливому замечанию И. Сухих, в чеховском мире практически не бывает «вдруг» и «однажды», поскольку «жизнь есть сосредоточенное нравственное усилие»³⁵⁰. Нравственные усилия, желание найти себя и свое место в жизни заставляют главного героя, Никитина, немедленно бежать из помещичьего дома, чтобы «не сойти с ума».

Та же проблематика, духовные, нравственные поиски, поиски своего места, наблюдается в упомянутой повести «Моя жизнь». Ее главный герой, сын губернского архитектора Мисаил, человек духовный, желает обрести общественное положение, приносить пользу людям. Оставив родной дом, он пробует себя на самых разных поприщах, бывал в рядах вольноопределяющихся, работал фармацевтом, телеграфистом, маляром в артели. Он видел все изнанки городской жизни, не видел только ни одного честного человека. Сам себя до поры чувствовал «безнадежно одиноким, брошенным на произвол судьбы». Все изменила встреча с женщиной. Он женился по любви на Маше, дочери инженера, переехал с ней в деревню, начал строить там школу для крестьянских детей. Мисаил почувствовал, что он нашел смысл жизни.

Счастливый финал не в традиции классики, не в традиции Чехова, любимая женщина оставляет его в итоге. И здесь автор как бы исходит из своего принципа «неосуждения», косвенно – конфуцианского принципа амбивалентности «Чжун юн». Оба героя оправданы, по-своему правы. Маша заказывает себе кольцо с известным изречением царя Давида: «Все проходит». Она пишет своему бывшему возлюбленному: «Когда грустно, то от этих слов становится весело, а когда весело, то становится грустно... Все проходит, пройдет и жизнь, значит ничего не нужно. Или нужно одно лишь сознание свободы, потому что, когда человек свободен, то ему ничего, ничего, ничего не нужно». А Мисаил размышляет иначе: «Если бы у меня была охота заказать себе кольцо, то я выбрал бы такую надпись: “Ничто не проходит”. Я верю, что ничто не проходит бесследно и что каждый малейший шаг наш имеет значение для настоящей и будущей жизни».

³⁵⁰ Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 167.

Многие персонажи Чехова находятся в поиске внешней и внутренней гармонии, часто пребывают в «нулевом результате». Сам же автор находится в поиске «золотой середины». Ответов на жизненные, экзистенциальные вопросы он не находит, но немало заботится об их «правильной постановке». Все это в духе Конфуция, рассуждавшего о многообразии мира, о торжестве относительности в нем, о необходимости рассмотрения всех явлений в соответствии с конкретной ситуацией.

Таков путь совершенствования и самосовершенствования. Этика немалого числа чеховских героев, персонажей не безупречна, но писатель не моралист, а реалист, он исходит из того, что часто встречается в текущей жизни. Жизнь сложна, человек сложен, и никто ему не судья. Из этой правды и исходит Чехов. Он не бросает камней в грешников, хотя и не оправдывает их. Зинаида Федоровна из «Рассказа неизвестного человека» переезжает от мужа к любовнику, а после конфликтов с ним уезжает за границу с другим любовником – главным героем повествования, чтобы вместе с этим человеком участвовать в революционной деятельности. Найти себя, иначе говоря, обрести свободу, женщине не удалось: разочаровавшись во всем она умирает, предположительно приняв яд. Софья Львовна из рассказа «Володя большой и Володя маленький», вышедшая замуж по расчету, не может заставить себя любить мужа. Она много размышляет, как правильно жить – по своей воли, или же по Божьей. Она становится любовницей тещи своего мужа, а когда тот ее оставляет, возвращается в семью, к тоскливой повседневности. Все эти и многие другие персонажи Чехова виновны и не виновны, они понимают свою неправоту, но погасить свои желания, чувство внутренней дисгармонии, не в силах, тем самым увеличивают свои страдания.

Несколько иначе представлена Надежда, героиня рассказа «Невеста». Девушка готовится к свадьбе, о которой давно мечтала. Случайная встреча позволяет героине прозреть, она предвидит свою скучную мещанскую жизнь после замужества и бежит от свадьбы, бежит из города. Надя идет навстречу новой жизни, новому обществу, где «каждый будет знать, для чего он живет». Это романтический герой, романтический ход автора. И героиня, и автор не знают

«новой жизни», этот ход позволил автору показать предположительно счастливого человека, дать Надежде надежду. Примечательно, этот рассказ 1903 года – последний в чеховском творчестве, своеобразное завещание великого художника слова.

Согласно конфуцианству, для обретения внешней и внутренней гармонии необходимо исполнять «Жэнь», важный момент исполнения – счастливо воспринимать себя частью мира, общества. Этот момент так же прослеживается у Чехова, особенно в поздних его произвольных. Уместно вспомнить высказывание Ивана Ивановича из «Крыжовника» (1898). По наблюдениям этого героя, счастливые чувствуют себя хорошо, несчастные же «несут свое бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно». И главная мысль его высказывания, несомненно, это и чеховская мысль: «Если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чем-то более разумном и великом. Делайте добро!».

Об этом, о благе единения, задумывается доктор Королев из рассказа «Случай из практики» (1898). В его понимании, в жизни, в круговерти всего того, из чего она состоит, не должно быть зла местничества, притеснений слабых, все люди, сильные и слабые «одинаково падают жертвой своих взаимных отношений». Вряд ли случайно главный герой этого рассказа – доктор, таким образом автор намекает на его близость к самому себе. И судебный следователь Лыжин из рассказа «По делам службы» (1899) способен на ту же эмпатию, на которую способен доктор Королев. Он чувствует, что «самоубийство и мужицкое горе лежат и на его совести». Его глубоко тревожит и пугает жизнь, в которой люди не протягивают руки помощи страдающим, ближним, оказавшимся в трудных обстоятельствах. Он осознает невидимую, но сущностно необходимую связь между всеми, в его понимании все в жизни «полно одной общей мысли, все имеет одну душу, одну цель». Он также осознает, что «даром проникновения в жизнь» обладают лишь те немногие, которые считают «свою жизнь... частью этого общего». Это тоже один из последних рассказов Чехова. Автор «заставляет» читателя полюбить Лыжина, и можно предположить, что и этот герой выражает

чеховские мысли, несет чеховский гуманизм. Идея блага каждого в связи со всеобщим благом обсуждается в чеховском «Доме с мезонином», заявлена и в других сочинениях мастера. Все это очень по-конфуциански.

И здесь, говоря о чеховском человеке общественном, есть смысл вернуться к конфуцианскому положению «Единства Небо и человека». В чеховском художественном мире положительно мыслящие персонажи – люди природы. Например, в пьесе «Дядя Ваня» (1896) трогательного доктора Астрова возмущает то, что люди могут быть врагами природы, они вырубают леса, что, в свою очередь, обрекает на гибель живое, и на огромных пространствах исчезли лоси, лебеди, глухари. Доктор Астров, несомненно, говорит то, что мог бы сказать доктор Чехов: «Когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти, и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью...».

Сам Чехов видел целебную силу природы, признавал ее как «очень хорошее успокоительное средство»³⁵¹. Чеховские персонажи в поиске внутренней гармонии обращаются к природе, в ней находят утешение. Несчастливая Вера Кардина из рассказа «В родном углу» (1897) не обретает личного счастья, в конце концов она приходит к убеждению, что счастье «существует где-то вне жизни». Это трогательная героиня, и не слышавшая о Конфуции, рассуждает вполне в духе этого китайского мыслителя, в его наставлениях, указывающих на необходимость «Единстве Неба и человека»: «Надо не жить, надо слиться в одно с этой роскошной степью, безграничной и равнодушной, как вечность, с ее цветами, курганами и далью, и тогда будет хорошо...». В повести «В овраге» (1899), сюжет которой предельно жесток, это рассуждение просматривается в лирическом описании: «И как ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же в божьем мире правда есть и будет, такая же тихая и прекрасная, и все на земле только ждет, чтобы

³⁵¹ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 3: Октябрь 1888–декабрь 1889. С. 196–197.

слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью». Здесь «Небо» несет высшую правду, успокоение.

Китаец непременно свяжет с конфуцианской парадигмой «Единство Неба и человека» замысел такого замечательного чеховского рассказа «Архиерей» (1902), тоже одного из последних. Перед самой смертью архиерей «уже не мог выговорить ни слова, ничего не понимал, и представлялось ему, что он, уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти, куда угодно!». Он, персона высокого духовного сана, в последний миг жизни видит самые простые картины природы – поле, небо, солнце, ценности вполне конфуцианские.

Исследуя художественную философию Антона Павловича, И. Сухих убедительно обобщает, что у него «“момент истины” – свобода, правда, красота – всегда природен...»³⁵². Близость лучших героев природе – это выношенная писателем мысль. В письме жене он сообщает: «Пишу теперь рассказ под названием “Архиерей” – на сюжет, который сидит у меня в голове уже лет пятнадцать»³⁵³. Примечательно, как раз тогда, четырнадцать лет назад, в 1887 году, Чехов опубликовал рассказ «Неосторожность», где главный герой перед смертью также мысленно зрит картины природы: «До утра он не спал и ждал смерти, и все время ему мерещилось, как его могила покрывается молодой зеленью и как над нею щебечут птички...». Еще в этом плане вспоминается «Ариадна» (1895), где герой-повествователь тесно связывает загробную жизнь с природой: «Я умру, заколотят меня в гроб, а все мне, кажется, будут сниться ранние утра, когда, знаете, больно глазам от солнца, или чудные весенние вечера, когда в саду и за садом кричат соловьи и дергачи, а с деревни доносится гармоника...». Иначе говоря, чеховские герои в последние моменты жизни почти всегда мыслят о природе, как

³⁵² Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 162.

³⁵³ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 9: 1900–март 1901. С. 245.

бы о возвращении в ее лоно. Это очень в духе конфуцианства, учения о единстве человека и природы.

Подводя итоги, можно сказать, что в художественном мире Чехова, в его ранних и поздних произведениях, весьма отчетливо просматривается спонтанное принятие автором основных конфуцианских парадигм или принципов, именованных древним мудрецом как «Жэнь», «Ли», «Чжун юн». Спонтанное, так как нет свидетельств того, что Чехов был знаком с писаниями Конфуция или его последователей, но от этого, может быть, еще более интересное с научной и историко-литературной точки зрения. Можно говорить о типологическом, через века, сближении мышления древнего китайца и русского писателя нового времени. Конфуцианство лежит в генетической памяти народа Поднебесной. Не удивительно, что русский конфуцианец Антон Павлович Чехов стал самым читаемым автором из всего широкого круга зарубежных писателей. В нем китайские читатели находят близкое, можно сказать, родное мироощущение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чеховедение в Китае имеет более, чем столетнюю историю. Обзорное количество критических и литературоведческих работ позволяет сделать вывод, что по объективным, прежде всего историко-политическим, причинам оно характеризуется нелинейностью, скачкообразностью.

Первая половина XX века в Поднебесной была весьма кризисной, в условиях общественных сдвигов чеховские произведения понимались и трактовались в завязке с социально-политическими запросами того китайского общества. Писатель Антон Чехов освещался авторами публикаций о нем в радикально-революционном свете. Собственно поэтике чеховских сочинений уделялось немного внимания, проводились поверхностные сравнительные исследования творчества Чехова с другими зарубежными прозаиками. Некоторые литераторы обнаруживали элементы импрессионизма или символизма в чеховских сочинениях, но в целом относили автора к разряду писателей критического реализма.

Позже, с началом многолетних войн на землях Китая чеховедение отошло на второй или даже третий план, и возобновлялось оно только после образования Китайской Народной Республики. Стали выходить разного объема публикации по творчеству Чехова, однако главенствовал утилитарно-социологический подход. Случившаяся в 1966–1976 годы так называемая культурная революция по сути прекратила развитие литературоведения и, соответственно, чеховедения. В самом конце 1970-х годов открылась новая страница в истории словесности Китая. В последовавшие годы, как показано в настоящем исследовании, произошло переосмысление китайских подходов к литературным произведениям в прошлом, признание неправомерности излишней политизации прозы.

Чеховедение в последующие годы изменилось в сторону большей объективности, хотя китайская специфика, оглядка на актуальные социальные проблемы в стране, оставалась. Несмотря на эту «оглядку», в новейшее время чеховедение получило стабильное развитие – расширение, разнообразие. Появилось и появляется большое количество работ о своеобразии русского

писателя, о своеобразии его героев, авторской позиции, сравнительных исследований в планах содержания и формы. Расширение эстетического подхода к произведениям писателя положительно сказалось и сказывается на рецепции чеховских произведений в Китае.

Определенное внимание в работе было уделено усовершенствованию переводов произведений Антона Павловича на китайский язык. На сегодняшний день практически все произведения русского классика доступны китайской аудитории. Слабость первых переводов на китайский язык объясняется тем, что они были сделаны с японского, английского, немецкого языков. Переводы с переводов, естественно, деформировали содержание, исходные смыслы текстов. Еще один недостаток ранних переводов чеховской прозы на китайский язык проявляется в том, что первые китайские переводчики не избежали субъективности, нередко «китаизировали» сочинения для национальной аудитории.

Позже, в русле движения за новую культуру старокитайский литературный язык «вэньянь» стал, начиная с конца 1910-х годов, заменяться современным китайским языком «байхуа», более близким к живому разговорному языку. Это сделало переводы вообще и чеховские в частности более внятными и доступными читательским массам. Количество переводов прозы и драматургии Антона Павловича стало заметно возрастать. Конечно, переводчики чаще обращались к сочинениям социальной направленности, проблематику которых можно было напрямую соотнести с проблематикой китайского общества, это несколько сужало круг произведений для переводов. Примечательно, что даже в военные годы, в годы застоя выходили переводы, сборники произведений Чехова. Постепенно, начиная, примерно, с 1920-х годов, в литературную жизнь Китая стали приходить переводчики, владеющие русским языком, началась эпоха переводов Чехова с оригинальных текстов, что, естественно, приблизило «настоящего» Чехова к китайскому читателю. Отдельное внимание в работе уделяется литератору Жу Лун, который перевел около 90 % всего чеховского наследия, чья переводческая деятельность с риском для жизни не прекращалась и в годы культурной революции, чьи переводы до сих пор считаются самыми авторитетными.

Особое внимание в диссертации уделяется генетическим и типологическим связям Чехова с китайскими писателями. Литераторы поднебесной нового времени, подчас воспитанные в условиях феодальных отношений, определяя свой творческий путь, перенимали художественный опыт Антона Чехова. Пионеры новой словесности, такие известные, как Лу Синь, Е Шэнтао, Лин Шухуа, Шэнь Цунвэнь, Ба Цзинь, признавали положительное влияние русского предшественника. Эти писатели, как обосновывается в настоящем диссертационном исследовании, осознано и неосознанно работали в параллелях с чеховской прозой, проявляются чеховские парадигмы типологического, но более – генетического характера.

Китайские наследники творчества Чехова заимствовали такие особенности стиля повествования мастера художественного слова, как объективность, живость, емкость, умолчание, амбивалентность, перенимали принципы создания образов «среднего человека», «меленького человека», человека с рабской психологией, «футлярного» человека, человека, часто ребенка, страдающего. Они перенимали повествовательное своеобразие мастера слова связанное с «бессобытийностью», юмором, иронией, психологизмом, выходили к импрессионизму, символизму, лиризму и т. д. Но главное – они перенимали чеховский гуманизм, пристанное внимание к человеку внутреннему. Чеховское «так жить больше нельзя» звучит у них в социальном, моральном, и в философском планах. И их врагом стала пошлость. Чехов влиял на модернизацию, на типологическое разнообразие китайской словесности. Можно говорить о явном и сокрытом влиянии русского мастера на писателей Поднебесной.

Очевидно, что значительна роль Чехова в период, последовавший после культурной революции, когда пришлось переосмысливать поведенческую философию, философию гуманизма, и это переосмысление было объективно во многом возложено на художественную литературу. Китайская словесность тогда переживала своего рода перерождение, возникали новые литературные течения, обновлялось литературоведение. Обзорение этого периода китайской словесности открывает факт большого воздействия русского мастера слова на китайских

литераторов. Так открываются основательные переключки с чеховской прозой, явные или скрытого диалоги. Влияние нашло широкое отражение в творчестве таких известных писателей, как Ван Цзэнци, Ван Мэн, Чжан Цзе, Фэн Цицай. Свое признание «объективной» школе Чехова они оставили и в эпистолярном наследии, и непосредственно на страницах художественных произведений.

Интертекстуальные связи очень широки. На этих страницах упоминается имя Чехова, имена его героев, встречаются узнаваемые типологически схожие ситуации, персонажи, обыгрывается чеховское амбивалентное отношение к «маленькому человеку», разоблачение рабской психологии, «футлярности» и т. д. Их врагом тоже становится пошлость. При этом просматривается своеобразная литературная творческая эстафета, освоенная чеховская школа передается от одного поколения писателей к другому.

Внимание и уважение, с которыми китайские читатели и писатели относятся к Антону Павловичу Чехову, основываются не только на схожих социально-исторических обстоятельствах. Эти отношения имеют более глубокие философские и даже ментальные корни. Китайцам, очевидно, близко миропонимание этого писателя, мотивы его и его героев поведения. В письмах, которые цитируются в диссертации, Чехов неоднократно признавался в своем неверии в Бога, но он не верил в мистическую сторону учения, всемерно принимая христианскую этику. И здесь он очень тесно смыкается с конфуцианством. Конечно, этики всех религий похожи, но этические воззрения Чехова, воплощенные в образах и изложенные в дневнике, в письмах особенно близки конфуцианским воззрениям. В диссертации доказывается, по крайней мере предпринята попытка доказать, что Антон Павлович Чехов был спонтанный конфуцианец. Как и древнекитайский мудрец, Чехов верил, что, пусть и очень нескоро, но человек может быть счастливым в земной жизни. Обозревая чеховское наследие, можно констатировать, что Чехов спонтанно утверждал истинность конфуцианских принципов общежития, именуемых «Жэнь», это близко тому, что в христианстве понимается как любовь, «Ли», что понимается как должное

поведение, «Чжун юн», как необходимость ощущения человеком связи со всем живым в мире, поиск «золотой середины».

Антон Павлович не брался отвечать на экзистенциальные вопросы, но немало заботился об их «правильной постановке». Все это в духе Конфуция, рассуждавшего о динамичности и многообразии мира, о торжестве относительности в нем. Как пейзажист, он уделял пристальное внимание взаимосвязи мира природного и мира человеческого, что удивительно коррелирует с конфуцианской парадигмой «Единство Неба и человека».

Творчество Антона Павловича Чехова широко и органично отозвалось в китайской словесности, вошло в культурную национальную память китайского народа. При этом нельзя сказать, что в плане рецепции китайское чеховедение вскрыло, описало, усвоило все литературное наследие русского классика, безусловно, есть лакуны в изучении чеховской поэтики, чеховской эстетики. О влиянии писателя написано немало, но часто поверхностно. Настоящая диссертация, по замыслу соискательницы, призвана, хотя бы отчасти, преодолеть эту поверхностность. Исследование параллелей между творчеством Чехова и творчеством китайских авторов остается перспективным для ученых филологов, особенно в области драматургии, оно таит в себе еще много открытий и может вести существенный вклад в развитие литературоведения, в дружественный характер отношений двух великих народов. Сравнение художественных миров Чехова и китайских писателей откроет еще много нового и интересного с научной точки зрения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**Художественные литературы**

1. Ба Цзинь. Рассказы / [Предисл. В. Петрова]. – М.: Гослитиздат, 1955. – 166 с.
2. Ван Мэн., Гу Хуа., Фэн Цицай., и др. Современная новелла Китая. – М.: Худож. лит., 1988. – 509 с.
3. Ван Мэн., Фэн Цицай и т. д. (пер. С. Торопцевым). Средний возраст. – М.: Радуга, 1985. – 477 с.
4. Ван Цзэнци. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. – Т. 2. С. 435. 汪曾祺. 汪曾祺全集 8 卷. 北京: 北京师范大学出版社, 1998. 第 2 卷. 第 435 页.
5. Е Шэнтао. Одна жизнь: Рассказы / [Вступ. статья В. Сорокина]. – М.: Гослитиздат, 1960. – 223 с.
6. Е Шэнтао. Учитель Ни Хуань-чжи: Роман. Рассказы: Пер. с кит. / [Предисл. В. Сорокина]. – М.: Гослитиздат, 1956. – 327 с.
7. Левитан И.И. Письма, документы, воспоминания. – М.: Искусство, 1956. – 336 с.
8. Лин Шухуа., ред. Чэнь Сюэюна. Сборник Лин Шухуа. – Чэнду: Сычуаньское издательство литературы и искусства, 1998. – 973 с. 凌叔华著. 陈学勇编. 凌叔华文存. 成都: 四川文艺出版社, 1998. 973 页.
9. Лу Синь. Избранное: пер. с кит. / Лу Синь; [вступ. ст. Л. Эйдлина, с. 5–34; коммент. В. Петрова]. – М.: Худож. лит., 1989. – 511 с.
10. Лу Синь. Повести и рассказы. – М.: Издательство Художественной литературы, 1971. – 492 с.
11. Мартынов А.С. Конфуцианство. «Лунь юй». (пер. А.С. Мартыновым). В 2 т. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – Т. 2. – 372 с.
12. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. – М.: Гослитиздат, 1955. – Т. 1. – 464 с.

13. Фэн Цзицай. Прислушаться к России. – Пекин: Издательство народной литературы, 2003. – 179 с. 冯骥才. 倾听俄罗斯. 北京: 人民文学出版社, 2003. 179 页.
14. Фэн Цзицай. Сто человек и десять лет. – Пекин: Издательство культуры и искусства, 2016. – 316 с. 冯骥才. 一百个人的十年. 北京: 文化艺术出版社, 2016. 316 页.
15. Чехов А.П. Документы. Фотографии: Альбом / Авт.-сост. И. Варенцов, Г. Щеболева; Авт. вступ. ст. и науч. ред. Э.А. Полоцкая; Фот. И. Пальмин. – М.: Советская Россия, 1984. – 196 с.
16. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009.
17. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 5: Март 1892–1894. – 686 с.
18. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 3: Октябрь 1888–декабрь 1889. – 574 с.
19. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 10: Апрель 1901–июль 1902. – 668 с.
20. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 4: Январь 1890–февраль 1892. – 660 с.
21. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 2: 1887–сентябрь 1888. – 582 с.
22. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 9: 1900–март 1901. – 676 с.
23. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 1: 1875–1886. – 593 с.
24. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 11: Июль 1902–декабрь 1903. – 817 с.
25. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 12: 1904. – 739 с.
26. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 2009. – Т. 8: 1899. – 740 с.

27. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. – М.: Наука, 1987. – Т. 17. – 527 с.

28. Чжан Цзе. Собрание сочинений: прозаических эссе. – Пекин: Издательство народной литературы, 2012. – 442 с. 张洁. 张洁文集 散文随笔卷. 北京: 人民文学出版社, 2012. 442 页.

29. Шэнь Цунвэнь. Сон цвета киновари: необыкновенные истории обыкновенной жизни: рассказы, повесть, главы автобиографии. (пер. Ю.С. Курако и др.). – М.: Текст, 2022. – 428 с.

Научные и критические труды

30. Александров Б.И. А.П. Чехов. Семинарий: Пособие для студентов. – 2-е изд., доп. и перераб. М; Л.: Просвещение, 1964. – 214 с.

31. Аманова Г.А. Ван Мэн: жизнь и творчество. автореферат. Москва, 1993. – 19 с.

32. Ба Цзинь. Любовь: Роман: (Трилогия). Рассказы / [Вступ. статья В. Петрова]. – М.: Гослитиздат, 1957. – 431 с.

33. Ба Цзинь. О Чехове. – Шанхай: Гражданское издательство, 1955. С. 45–47. 巴金. 谈契诃夫. 上海: 平民出版社, 1955. 第 45–47 页.

34. Ба Цзинь. Полн. собр. соч.: в 26 т. – Пекин: Издательство народной литературы, 1989. – Т. 10. С. 249. 巴金. 巴金全集 26 卷. 北京: 人民文学出版社, 1989. 第 10 卷. 第 249 页.

35. Ба Цзинь. Полн. собр. соч.: в 26 т. – Пекин: Издательство народной литературы, 1989. – Т. 8. С. 415. 巴金. 巴金全集 26 卷. 北京: 人民文学出版社, 1989. 第 8 卷. 第 415 页.

36. Ба Цзинь. Полн. собр. соч.: в 26 т. – Пекин: Издательство народной литературы, 1990. – Т. 14. С. 313. 巴金. 巴金全集 26 卷. 北京: 人民文学出版社, 1990. 第 14 卷. 第 313 页.

37. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. Лит, 1975. – 502 с.

38. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: 1979. – 423 с.
39. Белый А. А.П. Чехов: pro et contra / Сост., общая редакция И. Н. Сухих. – СПб.: РХГИ, 2002.
40. Белый. А. Вишневый сад // Весы. 1904. № 2. С. 45–48.
41. Бердников Г.П. А.П. Чехов – идейные и творческие искания. – Л.: Гослитиздат, 1961. – 505 с.
42. Брюнел Пьер. Что такое сравнительная литература. Пер с франц. Гэ Лэй, Чжан Лянькуй. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 1989. С. 60. 布吕奈尔. 什么是比较文学. 葛雷, 张连奎译. 北京: 北京大学出版社. 1989. 第 60 页.
43. Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель. Публичная лекция // А.П. Чехов: pro et contra: Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX-нач. XX в. (1887–1914): Антология. – СПб.: Изд-во Русского Христиан. гуманитар. ин-та, 2002. – 1072 с.
44. Бялый Г.А. Антон Чехов. История русской литературы: в 4 т. – Л.: Наука, 1983. – Т. 4. – 785 с.
45. Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. – Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1990. – 637 с.
46. Ван Ланг, Ван Минг, Ван Чао. Старик Ван Цзэнци. – Пекин: Издательство Женьминского университета, 2000. С. 179. 汪朗, 汪明, 汪朝. 老头儿汪曾祺. 北京: 中国人民大学出版社, 2000. 第 179 页.
47. Ван Мэн. Автобиография Ван Мэна, часть первая. – Гуанчжоу: Издательство Хуачэн, 2006. С. 157. 王蒙. 王蒙自传第一部. 广州: 花城出版社, 2006. 第 157 页.
48. Ван Мэн. Ван Мэн о творчестве. – Пекин: Совместное издательство литературы и искусства Китая, 1993. С. 228. 王蒙. 王蒙谈创作. 北京: 中国文艺联合出版公司, 1993. 第 228 页.
49. Ван Мэн. Полн. собр. соч.: в 23 т. – Пекин: Издательство народной литературы, 2003. – Т. 21. С. 414. 王蒙. 王蒙文存 23 卷. 北京: 人民文学出版社, 2003. 第 21 卷. 第 414 页.

50. Ван Сиянь. От жизни к творчеству. Шанхай: Новое литературное издание, 1954. – 333 с. 王西彦. 从生活到创作. 上海: 新文艺出版社, 1954. 333 页.
51. Ван Фужэнь. Ранняя проза Лу Синя и русская литература. – Тяньцзинь: Тяньцзиньское образовательное издательство, 2008. – 181 с. 王富仁. 鲁迅前期小说与俄罗斯文学. 天津: 天津教育出版社, 2008. 181 页.
52. Ван Цзэнци. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. – Т. 4. С. 288. 汪曾祺. 汪曾祺全集 8 卷. 北京: 北京师范大学出版社, 1998. 第 4 卷. 第 288 页.
53. Ван Цзэнци. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. – Т. 3. С. 336. 汪曾祺. 汪曾祺全集 8 卷. 北京: 北京师范大学出版社, 1998. 第 3 卷. 第 336 页.
54. Ван Цзэнци. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. – Т. 8. С. 112. 汪曾祺. 汪曾祺全集 8 卷. 北京: 北京师范大学出版社, 1998. 第 8 卷. 第 112 页.
55. Ван Цзэнци. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. – Т. 5. С. 286. 汪曾祺. 汪曾祺全集 8 卷. 北京: 北京师范大学出版社, 1998. 第 5 卷. 第 286 页.
56. Ван Циншэн. История современной китайской литературы. – Пекин: Издательство высшего образования, 2003. С. 277–278. 王庆生. 中国当代文学史. 北京: 高等教育出版社, 2003. 第 277–278 页.
57. Ван Чжаонянь. Времена, люди, стремления: сравнительный анализ эпох, жизни и творческих путей Лу Синя и Чехова // Вестник Хэбэйского университета. 1985. № 2. С. 48–54. 王兆年. 时代、人民、追求——鲁迅与契诃夫的时代、生活和创作道路的比较分析. 河北大学学报. 1985 年. 第 2 期. 第 48–54 页.
58. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 404 с.

59. Ветрова А.А. Художественное осмысление социальных противоречий Китая в сборнике малой прозы Лу Синя «Клич» // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2023. № 1(98). С. 79–91.
60. Виппер Ю.Б. Творческие судьбы и история. О западноевропейских литературах XVI – первой половины XIX века. – М.: Художественная литература, 1990. – 317 с.
61. Вэнь Ин. Жизнь переводчика Жу Луна // Новости китайского чтения. 2008-03-14. 文颖. 翻译家汝龙的一生. 中华读书报. 2008年3月14日.
62. Гао Син. Комплексное сравнение философии и поэтики Лу Синя и Чехова: дис. ... канд. филол. наук. – Уху, 2006. – с. 45. 高兴. 鲁迅、契诃夫主体哲学及小说诗学综合比较论. 安徽师范大学, 2006. 45 页.
63. Го Баоцюань. Связи китайской и зарубежной литературы. – Пекин: Пекинский Пресс, 1992. С. 137. 戈宝权. 中外文学因缘. 北京: 北京出版社, 1992. 第 137 页.
64. Го Можо. Сбор. соч. – Пекин: Издательство народной литературы, 1958. С. 196–199. 郭沫若. 沫若文集. 北京: 人民文学出版社, 1958. 第 196–199 页.
65. Го Можо. Чехов на Востоке // Газета Синьхуа. 15.07.1944. 郭沫若. 契诃夫在东方. 新华日报. 1944年7月15日.
66. Головачева Л.И. ОИГК – Конфуций – Совесть. К 30-летию одного научного открытия (отрывок из воспоминаний) / Л. И. Головачева // Общество и государство в Китае. 2014. Т. 44, № 1. С. 553–564.
67. Гуан Линлин. Измерение принятия: исследование субъективности в и «Душечке» // Русская литература и искусство. 2020. № 4. С. 102–108. 管玲玲. 接受的维度: 《宝贝儿》解读的主体性研究. 俄罗斯文艺. 2020年. 第4期. 第102–108页.
68. Гуцин М. Творчество А.П. Чехова. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1954. – 210 с.
69. Дагданов Г.Б. Современная литература Китая (1976–1999) / Г.Б. Дагданов, О.Д. Цыренова, Е.К. Шулунова. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999. С. 39.

70. Ду Вэймин. О религиозности конфуцианства: современная интерпретация «Чжун юн» (пер. Дуань Дэчжи). – Ухань: Издательство Уханьского университета, 1999. С. 95. 杜维明. 论儒学的宗教性: 对《中庸》的现代诠释. 段德智译, 武汉: 武汉大学出版社, 1999. 第 95 页.

71. Дун Даомин. Люблю это небо: о Чехове. – Пекин: Издательство китайской федерации литературных и художественных кругов, 2004. С. 66. 董道明. 我爱这片天空: 契诃夫评传. 北京: 中国文联出版社, 2004. 第 66 页.

72. Дун Даомин. О Чехове. – Пекин: Книжный магазин Сяньчжуан, 2014. – 195 с. 董道明. 论契诃夫. 北京: 线装书局, 2014. 195 页.

73. Е Шэнтао. Е Шэнтао о творчестве. – Шанхай: Шанхайское издательство литературы и искусства, 1982. С. 195. 叶圣陶. 叶圣陶论创作. 上海: 上海文艺出版社, 1982. 第 195 页.

74. Е Шэнтао. Полн. собр. соч.: в 25 т. – Нанкин: Издательство образования Цзянсу, 1990. – Т. 9. С. 248. 叶圣陶. 叶圣陶集 25 卷. 南京: 江苏教育出版社, 1990. 第 9 卷. 第 248 页.

75. Ермилов В.В. Драматургия Чехова. – М.: Гослитиздат, 1954. – 340 с.

76. Есин А.Б. Типологические соотношения содержания и формы // Литературоведение. Культурология. – М.: Флинта, Наука, 2002. – 350 с.

77. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. – 493 с.

78. Жу Лун. Беседа о «Ваньке» с молодежными читателями // Изучение литературы. 1954. № 8. С. 16–18. 汝龙. 和少年读者谈《万卡》. 语文学习. 1954 年. 第 8 期. 第 16–18 页.

79. Жу Лун. Обсуждение «Смерти чиновника» с юными читателями // Изучение китайского языка. 1958. № 3. С. 26–28. 汝龙. 和少年读者谈《小公务员的死》 // 语文学习. 1958 年. 第 3 期. 第 26–28 页.

80. Жу Лун. Чехов и его произведения // Народная литература. 1954. № 7. С.93–111. 汝龙. 契诃夫和他的小说. 人民文学. 1954 年. 第 7 期. 第 93–111 页.

81. Жу Лун. Чтение «Тоска» Чехова // Изучение китайского языка. 1960. № 1. С. 10–12. 汝龙. 读契诃夫的《苦恼》. 语文学习. 1960年. 第1期. 第10–12页.
82. Катаев В.Б. К Пониманию Чехова. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. – 246 с.
83. Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 261 с.
84. Катаев В.Б. сост. и науч. ред. А.П. Чехов: энциклопедия. – М.: Просвещение, 2011. – 695 с.
85. Коптелова Н.Г. Специфика рецепции русской литературы XIX века в критике Д. С. Мережковского: 1880–1917 гг. автореферат. Кострома, 2011. – 46 с.
86. Кройчик Л.Е. Поэтика комического в произведениях А.П. Чехова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. С 263–264.
87. Крючков В.П. Рассказы и пьесы А. П. Чехова: ситуации и персонажи. – Саратов: Лицей, 2002. – 93 с.
88. Л.Н. Толстой и А.П. Чехов. Рассказывают современники, архивы, музеи... / Сост., комм. А.С. Мелковой. – М.: наследие, 1998. – 390 с.
89. Ли Кунь. Антон Павлович Чехов – парадигма языковой индивидуализации // Вестник Хубэйского второго педагогического университета. 2008. № 10. С. 34–35. 李昆. 安东 巴甫洛维奇 契诃夫——语言个性化的典范. 湖北第二师范学院学报. 2008年. 第10期. 第34–35页.
90. Ли Т. "Женская тема" в русской и китайской прозе второй половины XX века (на материале произведений В. Токаревой и Чжан Цзе) / Т. Ли, Э. Ф. Нагуманова // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2022. № 4(77). С. 121.
91. Ли Хэлинь. Мнения Лу Синя. – Шанхай: Шанхайский книжный магазин Бэйсинь, 1930. С. 146. 李何林. 鲁迅论. 上海: 上海北新书局, 1930. 第146页.
92. Ли Цзинь. О китайских переводах Чехова в 1930-х и 1940-х годах и их влиянии // Русская литература и искусство. 2004. № 4. С. 41. 李今. 论三四十年代契诃夫的中译及其影响. 俄罗斯文艺. 2004年. 第4期. 第41页.
93. Ли Цзяньцзюнь. Фэн Цицай и Чехов. Литературная полемика. 2023. №

8. С. 32–48. 李建军. 冯骥才与契诃夫 // 文艺争鸣. 2023 年. 第 8 期. 第 32–48 页.

94. Ли Чэнминь. Мещане у Чехова // Цзяиньский гуманитарный вестник. 2003. № 2. С. 60. 李辰民. 契诃夫笔下的小市民. 嘉应人学学报. 2003 年. 第 2 期. 第 60 页.

95. Ли Чэньминь. Сравнительное исследование рассказов Чехова, Мопассана и О. Генри // Вестник Университета Сучжоу. 1991. № 2. С. 87–92. 李辰民. 契诃夫、莫泊桑、欧亨利短篇小说比较研究. 苏州大学学报. 1991 年. 第 2 期. 第 87–92 页.

96. Линь Ю. Шэнь Цунвэнь о собственном творчестве – ответы на некоторые вопросы // Исследования по современной китайской литературе. 1980. № 4. С. 318–320. 凌宇. 沈从文谈自己的创作——对一些有关问题的回答. 中国现代文学研究丛刊. 1980 年. 第 4 期. 第 318–320 页.

97. Литературное наследство. – Т. 68: Чехов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 974 с.

98. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – 703 с.

99. Лу Синь. Полн. собр. соч.: в 16 т. – Пекин: Народная литература, 1981. – Т. 10. С. 403. 鲁迅. 鲁迅全集 16 卷. 北京: 人民文学出版社, 1981. 第 10 卷. 第 403 页.

100. Лу Синь. Полн. собр. соч.: в 16 т. – Пекин: Народная литература, 1981. – Т. 6. С. 219. 鲁迅. 鲁迅全集 16 卷. 北京: 人民文学出版社, 1981. 第 6 卷. 第 219 页.

101. Лу Синь. Полн. собр. соч.: в 16 т. – Пекин: Народная литература, 1981. – Т. 4. С. 512. 鲁迅. 鲁迅全集 16 卷. 北京: 人民文学出版社, 1981. 第 4 卷. 第 512 页.

102. Лу Синь. Полн. собр. соч.: в 4 т. – Хайкоу: Издательство Хайнаня, 2011. – Т. 1. С. 216–218. 鲁迅. 鲁迅文集 4 卷. 海口: 海南出版社, 2011. 第 1 卷. 第 216–218 页.

103. Лу Синь. Сборник рассказов о юге и севере. – Пекин: Издательство народной литературы, 1973, С. 82. 鲁迅. 南腔北调故事集. 北京: 人民文学出版社, 1973, 第 82 页.

104. Луань Мэйцзянь, Чэнь Сяомин. Введение в историю современной китайской литературы. – Пекин: Издательство Пекинского университета. 2001. С. 32. 栾梅健, 陈小明. 中国现代文学史导学. 北京: 北京大学出版社, 2001. 第 32 页.

105. Лю Бибо. О влиянии Чехова на создание образа «сумасшедшего» в рассказе Лу Синя // Вестник Юго-Западного сельскохозяйственного университета. 2009. № 7-5. С. 132. 刘碧波. 试论契诃夫对鲁迅小说中“狂人”形象创造的影响. 西南农业大学学报. 2009 年. 第 7 卷. 第 5 期. 第 132 页.

106. Лю Яи. О переводе и изучении Антона Чехова в 1950-х годах в Китае: дис. ... маг. филол. наук. – Чанша, 2019. С. 27. 刘雅仪. 20 世纪 50 年代契诃夫在中国的译介研究. 湖南师范大学, 2019. 第 27 页.

107. Лю Янь. Чехов и современная китайская литература: дис. ... канд. филол. наук. – Цзилинь, 2003. – 299 с. 刘研. 契诃夫与中国现代文学. 东北师范大学, 2003. 299 页.

108. Лю Янь. Чехов и современная китайская литература. – Шанхай: Издательство Шанхайской академии общественных наук, 2006. – 309 с. 刘研. 契诃夫与中国现代文学. 上海社会科学院出版社, 2006. 309 页.

109. Лянь Лили, Ву Вэйсян. Сложность мысли и легкость техники: Гоголь и Чехов. – Пекин: Издательство Чжигун, 2018. – 192 с. 连丽丽, 吴维香. 北京: 中国致公出版社, 2018. 192 页.

110. М. Горький и А.П. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания: Сборник материалов / Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Подгот. текста и коммент. Н. И. Гитович. – М.: Гослитиздат, 1951. С. 28.

111. Мань Тао. О «Вишневом саду» – послесловие переводчика. – Шанхай: Культурная жизнь, 1940. С. 149–150. 满涛. 《樱桃园》译后记. 文化生活出版社, 1940. 第 149-150 页.

112. Мао Дунь. Августовские мысли – годовой обзор антивоенной литературы и искусства // Литературно-художественные позиции. 16.08.1938. № 1-

9. 茅盾. 八月的感想——抗战文艺一年的回顾. 文艺阵地. 1938年8月16日. 第1卷, 第9号.

113. Му Шуюань. Уникальный стиль сатирических рассказов Чехова // Вестник Северо-Восточного педагогического университета. 1985. № 3. С. 77–80. 穆树元. 契诃夫短篇讽刺小说的独特风格. 东北师大学报. 1985年. 第3期. 第77–80页.

114. Мэн На. Новая интерпретация речевого поведения Оленьки в аспекте психоаналитической теории Фрейда // Научная информация. 2008. № 21. С. 117–118. 孟娜. 《宝贝儿》主人公奥莲卡言语行为新解——弗洛伊德精神分析理论解读. 科技信息. 2008年. 第21期. 第117–118页.

115. Мэн Пэйюань. Человек и природа – экологический взгляд на китайскую философию. – Пекин: Народное издательство. 2004. С. 158. 蒙培元. 人与自然——中国哲学生态观. 北京: 人民出版社. 2004. 第158页.

116. Ойзерман Т.И. Философия и обыденное сознание // Вопросы философии. 1967. № 4. С. 119–130.

117. Першикова М.В. Фэн Цзицай: художник слова, мастер словесной живописи // Восточный калейдоскоп. – М.: Российский университет дружбы народов. 2023. С. 419.

118. Попова З.В. Путь Шэнь Цунвэня (1902–1988) к созданию знаменитой повести «Пограничный городок»: дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2004. С. 42.

119. Прушек Я. Е Шаоцзюнь и Чехов (пер. Ин Хуэйминь) // Вестник Шандунского педагогического университета. 1983. № 1. С. 86. 雅罗斯拉夫·普实克著., 尹慧珉译. 叶绍钧和契诃夫. 山东师大学报. 1983年. 第1期. 第86页.

120. Родионов. А.А. Бахтинские исследования в России // Теория литературы и критика. 2005. № 6. С. 45–49. 罗季奥诺夫. 巴金研究在俄罗斯. 文艺理论与批评. 2005年. 第6期. 第45–49页.

121. Се Люи. История западноевропейской литературы. – Шанхай: Коммерческая пресса, 1923, С. 123. 谢六逸. 西洋小说发达史. 上海: 上海商务印书, 1923. 第 123 页.
122. Семенкин А.К. Почему Льву Толстому так нравился рассказ А.П. Чехова «Душечка» // Русский язык и литература для школьников. 2014. № 2. С. 18–32.
123. Семенова С.Г. Метафизика русской литературы: в 2 т. – М.: ПоРог, 2004. С. 5–6.
124. Серебряков Е.А. Чехов в Китае // Литературное наследство. 2005. – Т. 100, № 3. С. 5–51.
125. Синь Линь. Деконструкция ценности, производимой в ненадежных повествованиях, на примере повести «Чалого» Ван Мэна // Вестник Тайюаньского педагогического университета. 2013. № 12-1. С. 102. 辛玲. 不可靠叙述中产生的价值解构——以王蒙的中篇小说《杂色》为例. 太原师范学院学报. 2013年. 第 12 卷, 第 1 期. 第 102 页.
126. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – М.: Языки славян. культуры, 2005. – 396 с.
127. Су Идан. О Лу Сине и Чехове // Вестник Шаньсийского педагогического университета. 1960. № 1. С. 9–27. 苏以当. 关于鲁迅和契诃夫. 山西师范学院学报. 1960年. 第 1 期. 第 9–27 页.
128. Сухих И.Н. Васильева И.Э., Ильюхина Т.Ю. [и др.]; под ред. Степанова А. Д. Ранний Чехов: проблемы поэтики: коллективная монография. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 189 с.
129. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 180 с.
130. Сюй Бинцюань. О Чжун юн, единстве Неба и человека // Вестник Цзиньского института. 2022. № 43-4. С. 2. 许丙泉. 论中庸即天人合一. 济宁学院学报. 2022年. 第 43 卷, 第 4 期. 第 2 页.

131. Сюй Жуцзун. Теория Чжунюн. – Ханчжоу: Чжэцзянское издательство древних книг. 2004. – 491 с. 徐儒宗. 中庸论. 杭州: 浙江古籍出版社, 2004. 491 页.
132. Сюй Лэ. Исследование проблемы неопределенности в сочинениях А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. – Пекин, 2009. С. 21. 徐乐. 契诃夫创作中的不确定性问题研究. 中国社会科学院研究生院, 2009. 第 21 页.
133. Сюй Лэ. Многозначность в художественном мире Чехова. Издательство общественных наук Китая, 2015. – 290 с. 徐乐. 雾里看花: 契诃夫文本世界的多重意义探析. 北京: 中国社会科学出版社, 2015. 290 页.
134. Сюй Цзухуа. Теория литературной мысли Четвертого мая. – Ухань: Издательство Хуачжунского педагогического университета, 2002. С. 62. 许祖华. 五四文学思想论. 武汉: 华中师范大学出版社, 2002. 第 62 页.
135. Сяо Чана. О генезисе чеховского взгляда на женщину // Вестник Университета этнических меньшинств Внутренней Монголии. 2007. № 4. С. 65. 肖查娜. 谈契诃夫女性观之成因. 内蒙古民族大学学报. 2007 年. 第 4 期. 第 65 页.
136. Сяо Чжицюнь. Мир женщины в творчестве Чехова // Русская литература и искусство. 1996 年. № 6. С. 44. 肖支群. 契诃夫笔下的女性世界. 俄罗斯文艺. 1996. 第 6 期. 第 44 页.
137. Тан Цзянхуэй. Отчаяние, мазохизм и деструктивность – новый анализ характера Беликова из «Человека в футляре» // Современное литературоведение. 2007. № 4. С. 80–81. 唐建辉. 绝望化、受虐性与破坏性——《套中人》别里科夫性格的再分析. 现代语文. 2007 年. 第 4 期. 第 80–81 页.
138. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению / Н. Ю. Русова. – М.: Флинта, Наука, 2004. С. 119.
139. Торопцев С.А. «Конфликт неосуществленности» в прозе Ван Мэна // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока: тезисы XII Науч. конф. – М.: Наука, 1986. С. 396.
140. Тун Цинбин. Современное значение древнекитайской литературной теории. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 2003.

С. 5. 童庆炳. 中国古代文论的现代意义. 北京: 北京师范大学出版社. 2003 年. 第 5 页.

141. Тянь Вэй. Христианство и конфуцианство: две парадигмы религиозной этики выживания. – Пекин: Издательство Университета Цинхуа, 2022. С. 130. 田薇. 基督教与儒家: 宗教性生存伦理的两种范型. 北京: 清华大学出版社, 2022. 第 130 页.

142. Тянь Лань. О чеховской «Душечке» // Литературное изучение. 1954. № 3. С. 5–11. 天蓝. 关于契诃夫的《宝贝儿》. 文艺学习. 1954 年. 第 3 期. 第 5–11 页.

143. Тянь Хань. Учиться у Чехова, великого писателя-реалиста, верующий в свет и свободу // Сценарий пьесы. 1954. № 8. С. 124–130. 田汉. 向坚信光明自由的伟大现实主义作家契诃夫学习. 剧本. 1954 年. 第 8 期. 第 124–130 页.

144. Тянь Цинь. О Чехове // Газета Вэньчао. 1948. № 5-4. 田禽. 论契诃夫. 文潮月刊. 1948 年. 第 5 卷, 第 4 期.

145. Тянь Чжунъян, Чжао Шуцин. История современной китайской литературы. – Хайкоу: Наньхайская издательская компания, 2006. С. 191. 田中阳, 赵树勤. 中国当代文学史. 海口: 南海出版公司, 2006. 第 191 页.

146. У Цзелинь. Неудачный Чехов и удачный Чехов – интерпретация «Душечки» // Русская литература и искусство. 2010. № 4. С. 10–12. 吴泽霖. 失败的契诃夫和成功的契诃夫——小说《宝贝儿》解读. 俄罗斯文艺. 2010 年. 第 4 期. 第 10–12 页.

147. Фэн Найчао. Литературное движение в дореволюционной России // Газета искусства. 1930. № 1-1. 冯乃超. 俄国革命前的文学运动. 艺术月刊. 1930 年. 第 1 卷, 第 1 号.

148. Фэн Цицай, Сунь Юфань. Фэн Цицай: зарубежные писатели, которые повлияли на меня. // Новая литературная история. 2020. № 2. С. 110. 冯骥才, 孙玉芳. 冯骥才: 那些影响了我的外国作家们. 新文学史料. 2020 年. 第 2 期. 第 110 页.

149. Фэн Цицай. Диалог мыслей. – Чжэнчжоу: Издательство древних книг Чжунчжоу, 2005. С. 132. 冯骥才. 思想对话. 郑州: 中州古籍出版社, 2005. 第 132 页
150. Фэн Шоуцзю. Биографии и труды русских литературоведов XIX века. – Шанхай: Шанхайский книжный магазин Дадун, 1929. С. 90. 冯瘦菊. 十九世纪俄罗斯文学家的传略和著作思想. 上海: 上海大东书局, 1929. 第 90 页.
151. Фэн Юлань. История китайской философии: первая часть. – Пекин: Коммерческое издательство, 2011. – 642 с. 冯友兰. 中国哲学史上册. 北京: 商务印书馆, 2011. 642 页.
152. Хань Синь. Основа конфуцианских ценностей – построение «Жэнь» // Философские исследования. 2016. № 10. С. 37. 韩星. 儒家核心价值体系——“仁”的构建. 哲学研究. 2016 年. 第 10 期. 第 37 页.
153. Хоу Сяоянь. Обзор переводов и исследований прозы Чехова в Китае // Вестник Ибиньского педагогического университета. 1996. № 4. С. 37–41. 侯晓艳. 对国内契诃夫小说译介及研究的简单回顾. 宜宾师专学报. 1996 年. 第 4 期. 第 37–41 页.
154. Хуан Юйшунь. набросок истории конфуцианской литературы. – Шэньчжэнь: Издательство Хайтянь, 2020. С. 11. 黄玉顺. 儒家文学史纲. 深圳: 海天出版社, 2020. 第 11 页.
155. Хун Шэнь. Пятидесятилетие со дня смерти Антона Чехова // Газета драматургии. 1954. № 6. С. 7–10. 洪深. 安东契诃夫逝世五十周年纪念. 戏剧报. 1954 年. 第 6 期. 第 7–10 页.
156. Хэ Хожэнь. Коллекция исследований Чжан Цзе. – Гуйчжоу: Народное издательство Гуйчжоу, 1991. С. 60. 何火任. 张洁研究专集. 贵州: 贵州人民出版社, 1991. 第 60 页.
157. Хэ Цзяхуай. Чтение «Человек в футляре» Чехова // Изучение китайского языка. 1954. № 8. С. 6–13. 何家槐. 读契诃夫《套中人》 // 语文学习. 1954 年. 第 8 期. 第 6–13 页.

158. Цзяо Цзюйинь. О «Вишневом саду» – послесловие переводчика. – Чунцин: Книжная комната писателей, 1947. С. 137. 焦菊隐. 《樱桃园》译后记. 作家书屋, 1947. 第 137 页.

159. Цзяо Цзюйинь. Полн. собр. соч.: в 7 т. – Пекин: Издательство культуры и искусства, 1988. – Т. 2. С. 225. 焦菊隐. 焦菊隐文集 7 卷. 北京: 文化艺术出版社, 1988. 第 2 卷. 第 225 页.

160. Цзяо Цзюйинь. Чехов и его «Чайка» // Современное искусство. 1943. № 2-2-3. 焦菊隐. 契诃夫与其《海鸥》. 时与潮文艺. 1943 年. 第 2 卷, 第 2-3 期.

161. Цю Цзытун. Возникновение и упадок безумия – Сравнивая «Записок сумасшедшего» Лу Синя и «Палаты № 6» Чехова // Новые действительности. 2022. № 5. С. 3. 邱子桐. 疯癫的产生与消亡——比较鲁迅的《狂人日记》与契诃夫的《第六病室》. 新纪实. 2022 年. 第 5 卷. 第 3 页.

162. Цюй Цюбай. Полн. собр. соч.: в 14 т. – Пекин: Народная литература, 1986. – Т. 2. – 419 с. 瞿秋白. 瞿秋白文集 14 卷. 北京: 人民文学出版社, 1986. 第 2 卷. 419 页.

163. Цянь Му. Этнос и культура. – Пекин: Издательство Цзючжоу, 2012. С. 160. 钱穆. 民族与文化. 北京: 九州出版社, 2012. 第 160 页.

164. Ча Сяоянь. Ветер с севера: русско-советская литература и Китай. – Хайкоу: Издательство Хайнань, 1993. С. 113. 查小燕. 北方吹来的风: 俄罗斯——苏联文学与中国. 海口: 海南出版社, 1993. 第 113 页.

165. Чехов А.П. Альбом (пер. Сяо) // Газета время прозы. 1909. № 1-2. 祁赫夫著, 笑译. 写真帖. 小说时报. 1909 年. 第 1 年, 第 2 号.

166. Чехов А.П. В вагоне (пер. Сяо) // Газета время прозы. Первый год, 1909. № 1-3. 祁赫夫著, 笑译. 火车客. 小说时报. 1909 年. 第 1 年, 第 3 号.

167. Чехов А.П. Чехов о литературе. – М.: Гослитиздат, 1955. – 402 с.

168. Чехов М.П. А. Чехов. (пер. Лу Лицзы). – Шанхай: Шанхайское общество Шэньчжоу Гугуан, 1932. С. 151–152. 米哈 柴霍甫著. 陆立之译. 柴霍甫评传. 上海: 上海神州国光社, 1932. 第 151–152 页.

169. Чжан Билай. Злоумышленное искажение Чехова // Новое строительство. 1955. № 10. С. 28–32. 张毕来. 方然歪曲契诃夫的罪恶目的. 新建设. 1955年. 第10期. 第28–32页.

170. Чжан Х., Мескин В. Новая китайская литература в призме конфуцианства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2024. Т. 68, № 3. С. 154–165.

171. Чжан Цзе. Любовь не может быть забыта. – Гуанчжоу: Издательство Хуачэн, 1980. С. 5–6. 张洁. 爱是不能忘记的. 广州: 花城出版社, 1980. 第5–6页.

172. Чжан Цзюнь. Современная китайская литература и конфуцианская традиция. – Чанша: Издательство книжного клуба Юэлу, 2007. С. 16. 张均. 中国现代文学与儒家传统. 长沙: 岳麓书社出版社. 2007. 第16页.

173. Чжан Юфэй. Сравнение «События» Чехова и «Кроликов и кошки» Лу Синя // Преподавание русского языка в Китае. 2023. № 42-1. С. 88. 张宇飞. 契诃夫的《变故》与鲁迅的《兔和猫》之比较. 中国俄语教学. 2023年. 第42卷. 第1期, 第88页.

174. Чжань Дань. Незамеченная душа Ваньки: об идеологическом значении «Ваньки» Чехова // Литературное изучение. 2011. № 5. С. 44–48. 詹丹. 被忽视的凡卡的心灵: 也谈契诃夫小说《凡卡》的思想意义. 语文学习. 2011年. 第5期. 第44–48页.

175. Чжао Вэньфэй. Метафора палаты и критика реальности – сравнительное исследование «Палата № 4» Ба Цзиня и «Палата № 6» Чехова // Вестник Университета Суйхуа. 2017. № 37-5. С. 55–58. 赵文菲. 病室的隐喻与现实的批判——巴金《第四病室》与契诃夫《第六病室》比较探究. 绥化学院学报. 2017年. 第37卷. 第5期. 第55–58页.

176. Чжао Цзиншэнь. Лу Синь и Чехов // Литературный еженедельник. – Т. 8. № 251–375. – Шанхай: Шанхайский книжный магазин, 1984. С. 651. 赵景深. 鲁迅与柴霍甫. 文学周报. 第8卷. 251–375期. 上海: 上海书店影印本, 1984. 第651页.

177. Чжи Лян. Русская литература и Китай. – Шанхай: Издательство Восточно-китайского педагогического университета, 1991. С. 337. 智量. 俄国文学与中国. 上海: 华东师范大学出版社, 1991. 第 337 页.

178. Чжоу Лимин. Два человека и великая книга – Жу Лун, Ба Цзиннь и «собрание сочинений Чехова» // Биографическая литература. 2020. № 9. С. 108. 周立民. 两个人与一部大书——汝龙、巴金与《契诃夫文集》. 传记文学. 2020 年. 第 9 期. 第 108 页.

179. Чжу Исэнь. Мастер рассказа Чехов. – Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета, 1984. С. 6. 朱逸森. 短篇小说家契诃夫. 上海: 华东师范大学出版社, 1984. 第 6 页.

180. Чжу Исэнь. Чехов. – Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета, 2006. – 278 с. 朱逸森. 契诃夫. 上海: 华东师范大学出版社, 2006. 278 页.

181. Чжу Сяочжэн. Лин Шухуа и ее рассказы. – Гуанчжоу: Издательство Хуачэн, 1986. С. 381. 诸孝正. 凌叔华和她的短篇小说创作. 广州: 花城出版社, 1986. 第 381 页.

182. Чжэн Фанцзе. Хронология современной китайской литературной истории. – Цзилинь: Народное издательство, 1983. С. 360. 郑方泽. 中国近代文学史事编年. 吉林: 人民出版社, 1983. 第 360 页.

183. Чжэн Чжэньдуо. Краткая история русской литературы. – Шанхай: Коммерческое издательство, 1924. С. 125. 郑振铎. 俄国文学史略. 上海: 商务印书馆, 1924. 第 125 页.

184. Чудаков А.П. Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле... Чехов и вера // Новый мир. 1996. № 9. С. 186–192.

185. Чудаков А.П. Поэтика и мир Антона Чехова: возникновение и утверждение. – М.: Эксмо, 2024. – 749 с.

186. Чэн Чжунин. Модернизация и космополитизация китайской философии. – Ухань: Народное издательство Хубэй, 2006. С. 341. 成中英. 中国哲学的现代化和全球化. 武汉: 湖北人民出版社. 2006. 第 341 页.

187. Чэнь Пинъюань. Трансформация повествования в китайской литературе. – Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1988. С. 99. 陈平原. 中国小说叙事模式的转变. 上海: 上海人民出版社, 1988. 第99页.

188. Чэнь Сюэюн. Мир талантливой женщины. – Пекин: Издательство Куньлунь, 2001. С. 108. 陈学勇. 才女的世界. 北京: 昆仑出版社, 2001. 第 108 页.

189. Чэнь Сюэюн. О прозе Лин Шухуа // Китайские культурные исследования. 2000. № 1. С. 126. 陈学勇. 论凌叔华小说创作. 中国文化研究. 2000 年. 第 1 期. 第 126 页.

190. Чэнь Цзяньхуа. Исторические очерки по изучению русской и советской литературы в Китае: в 4 т. Чунцин: Чунцинское народное издательство, 2007. – Т. 4. С. 186. 陈建华. 中国俄苏文学研究史论. 第 4 卷. 重庆人民出版社, 2007. 第 186 页.

191. Шао Цюаньлинь. О А. Чехове // Газета Искусства молодежи. 1944. № 1-6. 邵荃麟. 对于安东·柴霍夫的认识. 青年文艺. 1944 年. 第 1 卷, 第 6 期.

192. Шмелев И.С. Творчество А.П. Чехова // Русская речь. 1995, № 1. С. 55.

193. Шнейдер М.Е. Русская классика в Китае. – М.: Наука, 1977. – 272 с.

194. Шулунова О.В. Великая культурная революция в рассказах Фэн Циция // Global and Regional Research. 2019. – Т. 1. № 1. С. 116–120.

195. Шулунова Е.К. Концепция творчества и творческой личности в прозе и публицистике Ван Мэна. – М.: ИДВ РАН, 2021. С. 68.

196. Шэнь Цунвэнь. Полн. собр. соч.: в 12 т. – Гуанчжоу: Издательство Хуачэн, 1991. – Т 10. С. 338. 沈从文. 沈从文文集 12 卷. 广州: 花城出版社, 1991. 第 10 卷. 第 338 页.

197. Шэнь Цунвэнь. Полн. собр. соч.: в 12 т. – Гуанчжоу: Издательство Хуачэн, 1991. – Т 10. С. 234. 沈从文. 沈从文文集 12 卷. 广州: 花城出版社, 1991. 第 10 卷. 第 234 页.

198. Шэнь Цунвэнь. Полн. собр. соч.: в 32 т. – Тайюань: Литературное издательство Бэйюэ, 2002. – Т. 27. С. 102. 沈从文. 沈从文全集 32 卷. 太原: 北岳文艺出版社, 2002. 第 27 卷. 第 102 页.

199. Шэнь Цунвэнь. Полн. собр. соч.: в 32 т. – Тайюань: Литературное издательство Бэйюэ, 2002. – Т. 17. С. 186. 沈从文. 沈从文全集 32 卷. 太原: 北岳文艺出版社, 2002. 第 17 卷. 第 186 页.

200. Шэнь Цунвэнь., ред. Лю Хунтао. Сборник критических эссе Шэнь Цунвэня. – Чжухай: Издательство Чжухай, 1998. С. 234. 沈从文著. 刘洪涛编. 沈从文批评文集. 珠海: 珠海出版社, 1998. 第 234 页.

201. Шэнь Яньбинь. Немного о современной русской литературе // Газета прозы. 10.01.1920. № 11-1. 沈雁冰. 俄国近代文学杂谭. 小说月报. 1920 年 1 月 10 日. 第 11 卷, 第 1 号.

202. Юй Шилинь. Сравнение «Чжун юн» Конфуция и «срединного пути» Аристотеля // Вестник Пекинского университета. 2003. № S1. С. 19. 余仕麟. 孔子“中庸”思想与亚里士多德“中道”思想之比较. 北京大学学报. 2003 年. S1 专刊. 第 19 页.

203. Ян Лю. Деконструкция «маленького человека» у Чехова // Юньмэн. 2009. № 4. С. 119–120. 杨柳. 契诃夫笔下“小人物”的解构. 云梦学刊. 2009 年. 第 4 期. 第 119–120 页.

204. Ян Сяоянь. Образ интеллигенции в произведениях Чехова // Вестник университета Чанцзян. 1988. № 2. С. 52. 杨小岩. 契诃夫小说中的知识分子形象. 长江大学学报. 1988 年. 第 2 期. 第 52 页.

205. Ян Сяоянь. Художественный замысел и детальное описание – простое исследование художественных особенностей чеховской прозы // Вестник Уханьского университета. 1981. № 3. С. 77–82. 杨小岩. 艺术构思与细节描写——契诃夫小说艺术特色初探. 武汉大学学报. 1981 年. 第 3 期. 第 77–82 页.

206. Ян Хуа. Беликов – трагический персонаж, созданный аномальной психологией: психоаналитический анализ причин образования его характера //

Вестник Аньшуньского педагогического университета. 1997. № 1. С.28–32. 杨华. 别里科夫: 畸形心理造就的悲剧人物——从心理分析角度简析其性格成因. 安顺师范高等专科学校学报. 1997年. 第1期. 第28–32页.

207. Ян Цзэбо. Моральные основы конфуцианской идеологии единства Неба и человека – в центре внимания Мэнцы // Тяньцзиньские общественные науки. 2006. № 2. С. 51. 杨泽波. 儒家天人合一思想的道德底蕴——以孟子为中心. 天津社会科学. 2006年. 第2期. 第51页.

208. Янь Бинган. О единстве Жэнь и Ли у Конфуция // Вестник Шаньдунского университета. 2001. № 2. С. 52–55. 颜炳罡. 论孔子的仁礼合一说. 山东大学学报. 2001年. 第2期. 第52–55页.

209. Lvov-Rogochevski. Чехов и новое искусство (пер. Лу Синем) // Бэньлю. декабрь 1929. № 2-5. Lvov-Rogochevski 著. 鲁迅译. 柴霍甫与新文艺. 奔流. 1929年12月. 第2卷, 第5期.